ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3. ПРИ 1869.

Пров. 50

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Письма изъ Вѣны отъ князя *Александра Борисовича Куракина* къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 1807 года. Французскіе подлинники съ русскимъ переводомъ.
2. Разсказъ императора Павла Петровича о видѣніи ему Петра Великаго. Замѣтка *В. В. Андреева.*
3. Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ (1797) и дневникъ *князя Н. В. Репнина.* Статья *М. Ѳ. Де Пуле*, по ново-найденнымъ бумагамъ.
4. Письмо *князя Кантемира* къ Ѳеофану Прокоповичу о пасторѣ Мильярдѣ, обратившемся въ Православіе (1734) съ предисловіемъ *Н. И. Григоровича.*
5. Переписка *графа Г. Г. Орлова* съ Ж. Ж. Руссо, съ предисловіемъ *В. В. Андреева.* 1767
6. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ *Д. И. Иловайскаго.*
7. Письма *Н. М. Карамзина* къ графу С. П. Румянцову и В. В. Измайлову.
8. Изъ бумагъ Н. И. Греча (Письма *А. С. Стурдзы, А. С. Пушкина, С. Н. Глинки, А. А. Бестужева* и стихи *А. Е. Измаилова.*)

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

1869.

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дука де-Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.

II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской.

III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія:
- а) Собственноручная записка Императрицы.
- б) Указъ Кабинету.
- в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича.
- г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ
- д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. П. Петрова*.
- е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою В. Кн. Петра Ѳеодоровича.

IV. Густавъ Бирономъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.

V. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.

VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Маціевича*, съ примѣч. *Н. И. Григоровича*.

VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года.

VIII. Масонскія бумаги;
- а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву.
- б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П. Соковнину.
- в) Письмо *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова*.
- г) Изъ донесенія *князя Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).

IX. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II:
- а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину.
- б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской. (Сообщены *княземъ М. А. Оболенскимъ*).

XII. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою.

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

ПИСЬМА

ИЗЪ ВѢНЫ ОТЪ КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА КЪ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

1807 ГОДЪ. *)

XX.

Vienne, le $\frac{2}{14}$ d'Août 1807.

Madame,

Dès le lendemain de mon arrivée, j'ai cherché l'occasion de rencontrer la Princesse Lignofska, c'étoit-elle qui d'après la lettre de M-me de Merfeldt que j'avois à lui remettre devoit me faciliter le moyen de me bien acquitter des ordres que V: M-té I-le m'avez donnés, pour lui envoyer d'ici une ou deux pièces de beau crèpe blanc et quelques douzaines de gants, auquels V: M-té est accoutumée; mais à mon très grand regret M-me de Lignofska tout en m'assurant qu'elle auroit été parfaitement heureuse de pouvoir donner ce léger témoignage de son respectueux dévouement pour la personne de V: M-té, m'a déclaré qu'elle ne pouvoit me procurer ici ni crèpe, ni gants, que les dames de Vienne faisoient venir elles-mêmes ces objets de Paris et qu'ici, il ne lui était pas possible de mieux satisfaire à la demande que je lui fesois qu'en me donnant une adresse du marchand de Paris qui m'enverra le meilleur crèpe et les meilleurs gants si je voudrais les lui demander directement. C'est là ce que je m'empresserai de faire et dès que j'aurai reçu de Paris ce crèpe et ces gants, je profiterai du départ de mes courriers, ou de telle autre occasion sûre qui pourra se présenter pour les faire parvenir à V: M-té en deux ou trois envois.

Ayant appris que M-gr l'Archiduc Palatin étoit à présent ici, mais craignant que peut-être, il voudra retourner à Bude avant que je ne sois admis à l'audience de S: M-té I-le et R-le Apostolique et par conséquent avant que je ne puisse lui faire ma cour personnellement, je me suis décidé à lui écrire hier, pour lui envoyer les deux lettres à son adresse de la part de V: M-té et de celle de M-me la grande Duchesse Cathérine dont j'étois le porteur. J'ai crû qu'il lui seroit plus agréable de les recevoir au plutôt, surtout après les trois mois qu'a duré mon voyage, et j'ose me flatter que V: M-té daignera m'approuver de l'avoir fait. Il y a une heure que S: A: I-le a bien voulu me répondre de main propre. Je prends la liberté de présenter ci-

*) См. Русскій Архивъ 1868, стр. 23—86 и 161—240, гдѣ помѣщены письма кн. Куракина къ Импер. Маріи Ѳеодоровнѣ съ дороги въ Вѣну и изъ Тильзита.

joint à V: M-té la copie de cette réponse de M-gr l'Archiduc Palatin, qui m'a infiniment flatté par toutes les expressions, qui y ont rapport à V: M-té et par toutes celles qui me regardent individuellement. Il m'a semblé qu'il était un devoir pour moi de profiter de la permission flatteuse que m'accordoit S: A: I-le sans y mettre aucun délai et ce sera déjà demain, avant les 11 heures du matin que je me rendrai chez Elle. C'est aussi demain à 1 heure après midi, que je ferai ma première visite de cérémonie, avec toutes les observances de l'ancienne étiquette, au ministre des affaires etrangères qui d'abord après viendra se rendre chez moi et de la même manière. J'ai déjà vû le C-te Stadion deux fois particulièrement et il m'a dit ce matin, qu'il étoit probable que j'aurai mon audience mardi prochain.

Vienne dans ce moment est fort désert. On y souffre beaucoup de l'excessive chaleur qui n'est pas ordinaire et dont tout le monde se plaint. Quant à moi et en souffrant plus que tout autre, je souffre aussi beaucoup de l'odeur méphitique qui s'y éxhale dans toutes les rues et qui m'est insoutenable. Ce soir la curiosité de voir le Caliphe de Bagdad en allemand, m'a conduite au Théatre National. Je n'y ai eu d'autre satisfaction, que celle d'y revoir la loge où se tenoit V: M-té et celle où j'étois moi même habituellement; mais au reste ce théatre étoit si mal éclairé, il y faisoit si chaud, j'y ai été si peu content de ma loge, les acteurs jouoient si mal, qu'à peine ai-je pû y rester pendant deux scênes et je doute que l'envie me reprenne d'y retourner de sitôt. J'avais besoin de respirer un air plus frais, j'ai été le chercher à l'Augarten: je m'y suis trouvé parfaitement à mon aise et comme je le desirois, car j'y étois seul, éclairé à la fin de ma promenade par le plus beau clair de lune possible. Ce jardin que je n'avois pû parcourir autrefois dans tous ses détails a produit en moi satisfaction et admiration complètes. Il est impossible d'en trouver un autre plus beau et de voir de plus beaux peupliers, de plus beaux tilleuls et en général de plus beaux arbres, que ceux qu'on y voit à chaque pas. La belle végétation de l'Au-Garten m'a donnée une pleine jouissance, aussi en suis je sorti avec la ferme intention d'y retourner le plus souvent que je pourrai.

C'est par l'organe de V: M-té que je me mets au pieds de S: M-té L'Empereur et que j'ose renouveller l'assurance de mon attachement à M-gr le Grand Duc Constantin et à M-me la Grande Duchesse Cathérine et en suppliant V: M-té de me donner enfin de ses nouvelles, dont je suis privé depuis mon passage par Merzericz, je suis avec le respect le plus profond, etc.

XX.

Вѣна, $\frac{2}{14}$ Авг. 1807.

Государыня.

На другой-же день по моемъ пріѣздѣ, я постарался встрѣтиться съ княгинею Лигновскою; ибо она, по письму г-жи Мерфельдтъ, мнѣ порученному, должна была облегчить мнѣ удачное исполненіе приказаній В. И. В-ва на счетъ присылки куска или двухъ лучшаго бѣлаго крепа, и нѣсколькихъ паръ тѣхъ перчатокъ, къ которымъ привыкли В. В-во; но къ крайнему моему сожалѣнію, княгиня объявила мнѣ, что какъ-бы она ни была осчастливлена случаемъ представить это слабое свидѣтельство своей почтительной преданности къ особѣ В. И. В-ва, ей невозможно достать здѣсь ни крепа, ни перчатокъ; что Вѣнскія дамы сами выписываютъ эти вещи изъ Парижа, и что здѣсь у нея нѣтъ средствъ лучше

исполнить мою просьбу, какъ доставивъ мнѣ адресъ Парижскаго торговца, который пришлетъ мнѣ лучшій крепъ и лучшія перчатки, если я обращусь къ нему прямо. Это я и поспѣшу сдѣлать, и какъ только получу я изъ Парижа этотъ крепъ и эти перчатки, я воспользуюсь отъѣздомъ моихъ курьеровъ, или всякою иною вѣрною оказіею, чтобы доставить В. В-ву эти вещи въ двухъ или трехъ посылкахъ.

Узнавъ, что г. Эрцгерцогъ Палатинъ здѣсь, но опасаясь, чтобы онъ быть можетъ не захотѣлъ вернуться въ Буду прежде чѣмъ я буду допущенъ на ауді-енцію къ Его Императорско-Королевскому Апостольскому Величеству и прежде слѣдовательно, чѣмъ можно будетъ мнѣ къ нему представиться лично, я рѣшился написать къ нему вчера и послать ему два письма, адресованныя на его имя В. В-вомъ и Государынею Великою Княгинею Екатериною Павловною, и мнѣ порученныя. Я подумалъ, что ему будетъ пріятнѣе получить эти письма при первой возможности, въ особенности послѣ трехмѣсячнаго моего путешествія, и смѣю льстить себя надеждою, что В. В-во удостоитъ мой поступокъ своего одобренія. Часъ тому назадъ, Его Императорское Высочество удостоилъ меня собственноручнаго отвѣта. Осмѣливаюсь представить въ приложеніи Вашему Величеству копію съ этого отвѣта г. Эрцгерцога Палатина, безконечно для меня лестнаго по тѣмъ выраженіямъ, которыя относятся до В. И. В-ва, а также по тѣмъ, которыя относятся лично ко мнѣ. Мнѣ показалось моимъ долгомъ воспользоваться лестнымъ дозволеніемъ, даннымъ мнѣ Его Императорскимъ Высочествомъ, безъ всякого замедленія, и я явлюсь къ нему уже завтра, до одиннадцати часовъ утра. Завтра-же, въ часъ пополудни, сдѣлаю я первый церемоніальный визитъ, по всѣмъ правиламъ стариннаго этикета, министру иностранныхъ дѣлъ, который тотчасъ за тѣмъ, и съ тѣми-же формальностями явится ко мнѣ. Я уже два раза повидался частнымъ образомъ съ графомъ Стадіономъ, и онъ сказалъ мнѣ нынѣче утромъ, что я вѣроятно буду имѣть ауді-енцію въ будущій вторникъ.

Вѣна въ настоящую минуту очень пуста. Въ ней очень страдаютъ отъ крайняго жара, здѣсь необычнаго, и на который всѣ жалуются. Я болѣе всякого другого страдаю отъ этого жара, а кромѣ того отъ удушливаго запаха, разлитаго по всѣмъ улицамъ и для меня невыносимаго. Нынче вечеромъ, любопытство увидѣть Калифа Багдадскаго на нѣмецкомъ языкѣ, завлекло меня въ Народный Театръ. Тамъ единственнымъ моимъ удовольствіемъ было увидѣть ложу, въ которой сидѣли В. И. В-во и въ которой обыкновенно бывалъ и я; впрочемъ, этотъ театръ былъ такъ дурно освѣщенъ, въ немъ было такъ жарко, я былъ такъ недоволенъ моею ложею, актеры играли такъ плохо, что я едва высидѣлъ двѣ сцены, и едва-ли мнѣ въ скоромъ времени захочется повторить мое посѣщеніе. Я чувствовалъ потребность подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ, и отправился за нимъ въ Аугартенъ. Тутъ мнѣ было совершенно хорошо, ибо я былъ одинъ, и подъ конецъ прогулки, меня озарилъ великолѣпный лунный свѣтъ. Этотъ садъ, котораго до тѣхъ поръ я не имѣлъ случая осмотрѣть въ подробностяхъ, вполнѣ удовлетворилъ и восхитилъ меня. Невозможно найти что-либо лучшее, и видѣть болѣе великолѣпные тополи, липы, и вообще деревья, чѣмъ тѣ, которыя тутъ попадаются на каждомъ шагу. Роскошная растительность Аугартена доставила мнѣ полное наслажденіе, и я оставилъ его съ твердымъ намѣреніемъ возвращаться въ него какъ можно чаще.

Черезъ посредство В. В-ва повергаюсь къ стопамъ Государя Императора, и осмѣливаюсь возобновить увѣреніе въ моей преданности Государю Великому Князю Константину Павловичу и Государынѣ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Умоляя Ваше Величество наконецъ дать мнѣ о себѣ вѣсти, коихъ я лишенъ со времени проѣзда моего черезъ Мержерицы, честь имѣю быть, и т. д.

XXI.

à Vienne, le $\frac{6}{18}$ d'Août, 1807.

Madame,

Samedi passé dans la matinée, je suis resté chez M-gr l'Archiduc Palatin pendant plus d'une heure et demie. Il m'a reçu d'une manière privée dans sa chambre à coucher. Aux bontés avec lesquelles il a daigné m'accueillir, il m'a été facile de reconnoître la grande part qu'y avoient celles dont m'honorent V: M-té I-le et M-me la grande Duchesse Cathérine. Toute notre conversation n'a roulé que sur V: M-té, sur ses vertus, sur son attachement à ses amis, à ses devoirs, sur les établissemens d'utilité publique que protège et fait fleurir sa bienfaisance; sur sa manière de vivre en ville et à la campagne, sur Pawlovsk, sur la beauté de ce lieu qu'Elle a crée; sur le bonheur qu'il a éprouvé pendant tout le tems qu'il a passé près d'Elle; sur le désir qu'il auroit d'aller encore la voir; sur ses regrets que le grand éloignement et l'administration qui se trouve entre ses mains l'en empéchent; sur L'Empereur son fils; sur feu L'Empereur dont il venère toujours la mémoire, sur les jeunes Grands Ducs et leur éducation, et surtout sur le Grand Duc Michel, qu'il prétend ressembler beaucoup en tout à feu son père, et il n'a pas tort de le croire. En me bornant à indiquer ainsi les objets principaux qui nous ont occupés, je puis dire à V: M-té que l'Archiduc Palatin m'a conquis; je le trouve bon, affable, instruit, poli; son extérieur est beaucoup plus agréable, et il a pris plus d'embonpoint, que je ne le croyois; son air est celui de la santé et de la fraicheur; la moustache même, que son costume Hongrois l'a forcé d'adopter, ne le défigure pas; enfin il est à mes yeux charmant; tel, que je ne m'étonne plus qu'il a su inspirer tant d'attachement pour lui à feuë la Grande Duchesse sa femme. Il se considère toujours comme un des enfants de V: M-té, et ne parle d'Elle que comme d'une mère tendrement cherie. Ayant appris que je possédais un nouveau portrait de M-me la Grande Duchesse Cathèrine, dont on connoit la grande ressemblance, il a désiré que je le lui envoye le lendemain, et en a été fort content.

Avant-hier j'ai été admis à l'audience de S: M-té L'Empereur François, qui pour me la donner au plutôt a eu l'extrême bonté de venir expressement en ville le lundi, qui n'est pas le jour de la semaine où il quitte habituellement Laxembourg. C'est une distinction qu'il a voulu sans doute me faire. Hier j'ai eu mes audiences chez les Archiducs Charles, Antoine, Jean et Louis. Demain je serai reçu par M-me l'Archiduchesse Beatrix, Douairière de feu l'Archiduc Ferdinand de Milan, et samedi par M-me l'Archiduchesse Elisabeth et le cadet des Archiducs, Rodolphe, coadjuteur de l'archevêque d'Olmutz.

L'Empereur François a le teint plus coloré et semble se porter mieux, qu'on ne peut l'attendre après les fortes secousses que sa sensibilité vient d'essuyer. Il m'a beaucoup questionné sur le compte de V: M-té en me disant qu'il savoit, et étoit persuadé, qu'Elle lui vouloit du bien. Je lui ai répondu qu'il ne se trompoit pas; que je savais de la manière la plus certaine, ayant le bonheur d'approcher V: M-té de près depuis un grand nombre d'années, combien Elle lui étoit attachée et reconnoissante pour les soins qu'il avoit eu de rendre parfaitement heureuse M-me sa soeur, l'Archiduchesse, sa première femme.

J'ai été diner dimanche chez le C-te Louis Cobentzl à une jolie petite mai-

son de campagne qu'il possède à Hitzingen; j'ai vu chez lui, M-me de Rombec sa soeur, et le comte Philippe son cousin; les traces de l'âge se font remarquer sur leurs physionomies, mais tous les trois sont toujours les mêmes et avec toute l'originalité de leur ancienne amabilité. De là j'ai fait ma visite à la C-sse de Chanclos, qui est dans le voisinage dans une maison qu'elle a achetée pour la belle saison près de Schoenbrunn. Celle-là est méconnoisable, tant elle a vieilli, mais les qualités de son esprit ne changent pas, et elle est penétrée envers V: M-té d'un grand attachement et d'une reconnoissance profonde.

Je me deshabitue à présent de la méridienne, et au lieu de la faire je vais chaque après diner en calèche ouverte au Prater, la plus belle et la plus fréquentée des promenades publique que je connais. Je jouis en plein du beau tems, de la belle végétation, des beaux fruits, des beaux arbres, et entr'autres des superbes maronniers, peupliers et tilleuls, dont les jardins et les environs de Vienne sont remplis.

Je supplie V: M-té de dire à ma bonne amie M-lle de Nélidoff, que j'ai exactement fait parvenir à une des dames de Munich le petit pacquet qu'elle m'a confiée à son adresse.

Dans quelques jours je profiterai du départ du major de Thuylen pour écrire encore à V: M-té et completter ce que j'ai à lui dire.

Je me mets aux pieds des Augustes enfants de V: M-té et je suis avec le plus profond respect.

XXI.

Вѣна, $\frac{6}{18}$ Авг. 1807.

Государыня.

Въ прошлую субботу утромъ, я пробылъ у г. Эрцгерцога Палатина болѣе полутора часа. Онъ принялъ меня частнымъ образомъ, въ спальной. По благосклонности, съ которою онъ удостоилъ меня принять, мнѣ легко было догадаться, что этимъ пріемомъ я обязанъ милостямъ, которыхъ удостоиваютъ меня В. И. В-во и Государыня Великая Княжна Екатерина Павловна. Весь разговоръ нашъ вращался только около В. В-ва: мы говорили о Вашихъ добродѣтеляхъ; о Вашей привязанности къ Вашимъ дѣтямъ, къ Вашимъ друзьямъ, къ Вашимъ обязанностямъ; объ общеполезныхъ учрежденіяхъ, процвѣтающихъ подъ покровомъ Вашей благотворительности; о образѣ жизни Вашемъ въ городѣ и въ деревнѣ, о Павловскѣ и о красотѣ этого мѣста Вами созданнаго; о счастьи, испытанномъ имъ во все время пребыванія своего съ Вами; о желаніи его еще разъ посѣтить Васъ; о сожалѣніи его, что разстояніе и находящееся въ его рукахъ управленіе тому препятствуютъ; о Государѣ Вашемъ сынѣ; о покойномъ Государѣ, память коего ему навсегда священна; о юныхъ Великихъ Князьяхъ и объ ихъ воспитаніи, въ особенности-же о Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, по его мнѣнію весьма и во всемъ схожемъ съ покойнымъ своимъ родителемъ, въ чемъ онъ и не ошибается. Ограничиваясь такимъ образомъ указаніемъ на главные предметы, насъ занимавшіе, могу присовокупить, что Эрцгерцогъ Палатинъ очаровалъ меня; нахожу его добрымъ, привѣтливымъ, свѣдущимъ, учтивымъ; наружность его стала гораздо пріятнѣе, и онъ болѣе пополнѣлъ, чѣмъ я предполагалъ; видъ его здоровый и свѣжій; самые усы, которые онъ обязанъ носить при своемъ венгерскомъ платьи, не обезображиваютъ его; словомъ онъ въ глазахъ моихъ очарователенъ, таковъ, что я уже не удивляюсь той привязанности, которую съумѣлъ онъ внушить покойной Великой Княгинѣ своей супругѣ. Онъ продолжаетъ считать себя сыномъ В. И. В-ва, и говоритъ о Васъ не иначе, какъ о нѣжно-любимой матери. Узнавъ, что у меня есть новый портретъ Великой Княж-

ны Екатерины Павловны, извѣстный по своему разительному сходству, онъ пожелалъ, что-бы я на другой день прислалъ ему этотъ портретъ, и остался имъ очень доволенъ.

Третьяго дни, я былъ допущенъ къ аудіенціи у Е. В. Императора Франца, который, что-бы дать мнѣ ее раньше, имѣлъ крайнюю милость пріѣхать нарочно въ понедѣльникъ, хотя это не тотъ день, въ который онъ обыкновенно оставляетъ Лаксенбургъ. Это конечно вниманіе, которое онъ хотѣлъ оказать мнѣ. Вчера, я имѣлъ аудіенціи у эрцгерцоговъ Карла, Антона, Іоанна и Лудвига. Завтра, я буду принятъ эрцгерцогинею Беатрисою, вдовою покойнаго эрцгерцога Фердинанда Миланскаго, а въ субботу, эрцгерцогинею Елизаветою и младшимъ изъ эрцгерцоговъ, Рудольфомъ, коадъюторомъ архіепископа Ольмюцкаго.

Императоръ Францъ имѣетъ цвѣтъ лица болѣе румяный и кажется здоровѣе, чѣмъ можно было ожидать послѣ сильныхъ потрясеній, которымъ недавно подверглись его чувства. Онъ много разспрашивалъ меня на счетъ В. В-ва и сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ и убѣжденъ, что В. В-во желаете ему добра. Я отвѣчалъ ему, что онъ не ошибается, что я, имѣвъ счастіе въ теченіи многихъ лѣтъ быть приближеннымъ къ В. И. В-ву, вполнѣ знаю, сколько Вы къ нему привязаны и признательны, за счастіе имъ доставленное Вашей сестрѣ, эрцгерцогинѣ, первой его супругѣ.

Въ воскресенье, я обѣдалъ у графа Лудвига Кобенцля на хорошенькой его дачѣ въ Гицингенѣ; я видѣлъ у него его сестру, г-жу Ромбекъ, и его двоюроднаго брата, графа Филиппа; слѣды годовъ замѣтны на ихъ лицахъ, но они остались все тѣми-же, и сохранили туже своеобразную любезность. Оттуда я отправился съ визитомъ къ г-жѣ Шанкло, живущей по близости въ домѣ, который она купила себѣ для лѣтнихъ мѣсяцевъ около Шёнбрунна. Ее узнать нельзя, дотого она состарѣлась, но качества ея ума неизмѣнны, и она проникнута къ В. В-ву глубочайшею привязанностію и признательностію.

Я отвыкаю теперь отъ послѣобѣденнаго сна, и вмѣсто его я каждый день послѣ обѣда отправляюсь въ открытой коляскѣ въ Пратеръ, самое красивое и людное изъ извѣстныхъ мнѣ общественныхъ гуляній. Наслаждаюсь вполнѣ прекрасною погодою, прекрасною растительностію, прекрасными плодами, прекрасными деревьями, между прочимъ великолѣпными каштанами, тополями, и липами, которыми наполнены сады и окрестности Вѣны.

Прошу Ваше Величество сказать моему доброму другу, Е. И. Нелидовой, что я въ точности доставилъ одной изъ Мюнхенскихъ дамъ маленькій пакетъ, ею мнѣ порученный.

Черезъ нѣсколько дней, воспользуюсь отъѣздомъ г. майора Тюилена, что-бы еще написать къ В. В-ву и дополнить то, что я имѣю вамъ сказать.

Повергаюсь къ стопамъ Августѣйшихъ дѣтей В. В-ва, и съ глубочайшею преданностію остаюсь, и. т. д.

XXII.

à Vienne, le $\frac{13}{25}$ d'Août, 1807.

Madame,

J'ai à m'amender devant V: M–té I–le. Quand on s'est trompé, et qu'on reconnoit l'erreur que l'on a pu partager avec d'autres, il faut en convenir, et c'est là ce que je fais à présent, en remplissant d'après ma conscience et tous mes devoirs envers V: M–té et son auguste famille, les obligations sacrées de la tache difficile qu'elle m'a imposée par sa lettre du $\frac{11}{23}$ de Juillet. Plus la confiance dont elle m'a honoré me flatte, et plus je dois m'en rendre digne, en ne lui cachant rien de tout ce que j'ai pû apprendre de l'objet qui l'intéresse. Je lui crayonne avec les couleurs les plus vraies le tableau qu'elle

m'a demandé, et je ne me tais pas sur les sentimens et les conclusions qu'il produit en moi. Sans être le seul, j'ai été un des premiers à croire, que L'Empereur François devenu veuf, offroit le plus beau et le plus grand des établissements pour M-me la Grande Duchesse Cathérine. Le prestige des grandeurs, l'éclat du trône d'une des plus anciennes et des plus puissantes monarchies de l'Europe, me donnoient cette conviction. Mais arrivé ici, ayant approché et vu l'Empereur François, ayant appris avec soin tout ce qui regarde ses qualités, ses habitudes, la manière dont il a vécu avec feuë l'Imperatrice sa femme, et l'état de l'entretien qui étoit fixé à cette Princesse, j'ose dire avec franchise à V: M-té que ce n'est pas là le parti qui convient à M-me la Grande Duchesse, quand même l'article de la religion n'y serviroit pas d'obstacle, ce qui est encore à résoudre, vû les préjugés invéterés de ce pays-ci, les règles d'observance qui y sont consacrées et la circonstance que les souverains de l'Autriche s'y étant toujours strictement soumis, n'y ont jamais dérogé.

L'Empereur François a des moeurs éxemplaires, jamais vertu n'a été plus pure et plus prononcée que la sienne, il est religieux, doux et bon; il ne manque pas d'ésprit, et doit avoir des connoissances; il est bon père, il a été toujours époux fidèle et le sera toujours; mais la faiblesse et l'apathie de son caractère, cette mélancolie que les désastres de son règne lui ont donnée, ce gout pour la retraite, cette habitude qu'il a contractée pour des habitudes qui n'appartiennent pas à son rang, enlèvent aux bonnes qualités dont il est rempli le mérite et l'attrait qu'elles pouroient avoir. Sa figure n'est pas dèsagréable, mais avec l'air d'une santé faible et usée; il est fort maigre, déjà vouté et entièrement privé de fraicheur dans sa physionomie et de graces dans son maintien; père de huit enfants vivans, parmi lesquels l'Archiduchesse sa fille ainée est déjà dans sa dix-septième année, il a vingt ans de plus que M-me la Grande Duchesse Cathérine, et sous aucun rapport il ne lui convient pas et ne pourroit la rendre heureuse. Elle a une étendue et une activité d'esprit qu'elle n'auroit pas trouvé en lui; son exterieur n'auroit pu lui plaire et l'attacher et en l'épousant elle n'auroit certainement eu à éprouver son propre coeur que par ses regrèts sur la gène et la nature de ses devoirs.

Indépendament des considérations produites par les qualités personnelles de l'Empereur François, M-me la Grande Duchesse Catherine n'auroit absolument rien gagné à lier son sort au sien, ni pour le présent ni pour l'avenir. Elle auroit eu à comprimer en elle ce ressort sublime, ces élans énergiques de son âme qui la distinguent si particulièrement. Le genre de vie solitaire et monotone auquel elle auroit dû condamner ses plus beaux jours l'auroient privée de tous les charmes de la société, dont elle s'est toujours vue l'ornemeut principal; elle ne seroit devenue Impératrice d'Autriche, que pour renoncer à la représentation de ce rang élevé et à tous ces accessoires qui ont à flatter l'amour propre et à récompenser de la gène qu'on y éprouve; que pour passer sa vie solitairement dans son appartement privé du Bourg, ou du chateau de Laxembourg, vis-à-vis d'un époux qui ne pourroit satisfaire, ni sa vue, ni son coeur, et qui par l'attachement que je connais à cette adorable P-sse à ses devoirs, lui auroit rendu nécessaires à chaque instant des efforts de raison et des victoires pénibles sur elle-même; que pour ne pas être tran-

quille sur la déstinée des enfants que la Providence auroit pû lui accorder; que pour avoir qu'un entretien modique de $^{50}/_{m.}$ flo: par an, tandis qu'actuellement au sein de sa famille, la Russie fournit à sa depense annuelle quatre fois davantage.

Je n'ai pas manqué d'informer V: M-té qu'on m'a parlé en Gallicie des vues de l'Empereur François sur la fille unique du roi de Saxe, ces bruits étoient vrais. Il l'a effectivement demandée en mariage; le Duc Albert leur oncle commun doit en avoir ménagé en secret la négociation, mais on dit que la P-sse l'a refusé, parcequ'elle le trouvoit trop agé, et qu'il avoit trop d'enfans. Ces raisons qui ont motivé la négative de la P-sse de Saxe doivent agir bien puissament sur une Drande Duchesse de Russie, plus belle, plus aimable et moins agée de près de dix ans qu'elle.

Avant-hier il m'est revenu qu'il étoit question d'un autre choix qu'avoit fait l'Empereur, celui de sa cousine germaine, fille cadette de feu l'Archiduc Ferdinand, qu'on assure être fort belle et parfaitement bien élevée. J'ai taché d'en avoir des renseignemens positifs, et depuis j'ai appris que ce mariage étoit finalement arrété, qu'on le couvroit du plus graud mystère jusqu'à la réception des dispenses du Pape, qu'alors on le rendroit public et en attendant l'Empereur à ce qu'on m'a assuré vient incognito de Laxembourg, pour faire de fréquentes visites à l'Archiduchesse Béarix.

Ce sera une de ces alliances d famille très usitées dans la maison d'Autriche, et l'Archiduchesse Béatrix a trop d'esprit pour n'avoir pas contribué de son côté à assurer à sa fille cet hymen, qui procure à ses fils l'existence qu'il ne leur a pas accordée jusqu'àprésent, et dont ils ont tant besoin pour se consoler de la perte du Duché de Modène et de leurs belles possessions dans la Lombardie.

A tous ces détails V: M-té voit que l'Empereur François, non seulement n'est pas un parti assorti et convenable pour M-me la Grande Duchesse, sa fille, mais aussi qu'il a songé déjà à se remarier, qu'il a été occupé depuis quelque tems avec impatience du soin de se choisir une femme, que si je lui avois remis la lettre confidentielle de V: M-té qu'elle n'auroit pu produire l'effet désiré et qu'il est fort à propos et fort heureux que V: M-té a jugé nécéssaire de m'ordonner après mon départ de Tilsit, de ne pas en faire usage jusqu'à ce qu'Elle se soit determinée à me le prescrire de nouveau. J'ose donc croire et attendre que n'ayant plus à songer à la réussite du projet qui la lui avoit fait écrire, et qu'ayant plutôt à l'oublier, qu'Elle daignera maintenant me donner l'ordre de lui renvoyer cette lettre que je garde toujours en depot chez moi.

Je supplie V: M-té d'accorder quelque attention aux notices que j'ai rassemblées et que j'ai l'honneur de lui présenter ci-joint sur la personne et la manière de vivre de l'Empereur François, elles contiennent des détails assez curieux; je les ai amplifiées de tout ce que j'ai pu apprendre de l'Archiduc son fils ainé et des modiques pensions que reçoivent les Archiducs ses frères.

XXII.

Вѣна $\frac{13}{25}$ Авг. 1807.

Государыня.

Я долженъ повиниться передъ В. Вомъ. Когда впадаешь въ ошибку, и за тѣмъ сознаешь заблужденіе, которое быть можетъ раздѣлили и другіе, надобно въ

немъ покаяться; такъ я и поступаю теперь, исполняя по совѣсти и по долгу моему относительно В. В-ва и Вашего Августѣйшаго семейства священныя обязательства трудной задачи, возложенной на меня вашимъ письмомъ отъ $\frac{1}{2}\frac{1}{3}$ Іюля. Чѣмъ лестнѣе для меня довѣріе, коимъ Вы меня почтили, тѣмъ болѣе долженъ я сдѣлаться его достойнымъ, не скрывая отъ Васъ ничего изъ того, что̀ могъ я узнать по предмету Васъ интересующему. Черчу Вамъ самыми вѣрными красками картину, которой Вы отъ меня требуете, и не скрываю тѣхъ чувствъ и заключеній, которыя она во мнѣ возбуждаетъ. Не я одинъ, но я изъ первыхъ полагалъ, что императоръ Францъ, овдовѣвъ, представляетъ самую лучшую и самую блестящую партію для Великой Княжны Екатерины Павловны. Обаяніе почестей, блескъ престола одной изъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ державъ въ Европѣ, поддерживали во мнѣ это убѣжденіе. Но пріѣхавъ сюда, приблизившись къ Императору Францу и увидавъ его, тщательно разъузнавъ все, что̀ касается его качествъ, привычекъ, способа, которымъ онъ жилъ съ покойною Императрицею, своею супругою, и штатнаго содержанія ей ассигнованнаго, осмѣливаюсь сказать откровенно В. В-ву, что это не есть партія, желательная для Великой Княжны, даже если-бы не служилъ препятствіемъ вопросъ о вѣроисповѣданіи, который еще предстоитъ разрѣшить, принявъ въ соображеніе закоснѣлые предразсудки этой страны, освященныя здѣсь правила, и то обстоятельство, что Австрійскіе государи всегда строго имъ подчинялись, никогда отъ нихъ не отступая.

Императоръ Францъ имѣетъ нравы примѣрные, нѣтъ ничего чище и строже его добродѣтели; онъ благочестивъ, кротокъ и добръ; онъ не лишенъ ума, и долженъ имѣть свѣдѣнія; онъ хорошій отецъ, онъ всегда былъ вѣрнымъ супругомъ и всегда будетъ имъ; но слабость и апатія его характера, но меланхолія, наведенная на него бѣдствіями его царствованія, но вкусъ къ уединенію, но приверженность его къ привычкамъ, не соотвѣтствующимъ его сану, отъимаютъ у добрыхъ качествъ, которыми онъ исполненъ, достоинство и прелесть, которую они могли-бы имѣть. Лицо его нельзя назвать непріятнымъ, но при видѣ болѣзненномъ и изношенномъ, онъ весьма худощавъ, уже сгорбленъ, и совершенно лишенъ свѣжести въ физіономіи и граціи въ манерахъ. Отецъ осьми живыхъ дѣтей, изъ которыхъ эрцгерцогиня его старшая дочь уже вступила въ семнадцатый годъ, онъ двадцатью годами старше Великой Княжны Екатерины Павловны, и ни въ какомъ отношеніи ей не пара и не могъ-бы ее сдѣлать счастливою. Ея обширный и дѣятельный умъ не нашелъ-бы отвѣта въ его умѣ; его наружность не могла-бы ее прельстить и привязать, и вступая съ нимъ въ бракъ, она подвергла-бы свое сердце тяжелому испытанію и вѣчнымъ сожалѣніямъ, по свойству и тяжести принятыхъ ею на себя обязанностей.

Независимо отъ соображеній, возбуждаемыхъ личнымъ характеромъ Императора Франца, Великая Княжна Екатерина Павловна, связывая свою судьбу съ его судьбою, ничего не выиграла-бы, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Ей пришлось-бы сдерживать въ себѣ тотъ высокій полетъ мысли, тѣ могучіе порывы души, которыми она такъ особенно отличается. Одинокій образъ жизни, на который были-бы обречены лучшіе ея годы, лишилъ-бы ее всѣхъ прелестей общества, коего она всегда чувствовала себя лучшимъ украшеніемъ. Она-бы сдѣлалась императрицею Австріи лишь для того, что-бы отказаться отъ внѣшняго блеска этого высокаго сана, и отъ всей той обстановки, которая польстила-бы ея самолюбію и вознаградила-бы ее за стѣсненіе, съ нимъ сопряженное, лишь для того, что-бы проводить одинокую жизнь въ частномъ аппартаментѣ Бурга, или Лак-

сенбургскаго замка, съ глазу на глазъ съ супругомъ, который не могъ-бы удовлетворить ни ея сердца, ни ея взоровъ, который при извѣстной мнѣ привязанности обожаемой Великой Княжны къ ея обязанностямъ, ежеминутно возлагалъ-бы на нее необходимость умственныхъ усилій и тяжкихъ побѣдъ надъ собственнымъ сердцемъ, лишь для того, что-бы не быть спокойною на счетъ судьбы дѣтей, которыхъ могло-бы даровать ей Провидѣніе; лишь для того, что-бы довольствоваться скромнымъ содержаніемъ въ 50 т. флориновъ въ годъ, между тѣмъ какъ теперь, въ лонѣ ея семейства, Россія предоставляетъ на ея личныя издержки вчетверо болѣе.

Я не преминулъ извѣстить В. В-во о томъ, что̀ говорили мнѣ въ Галиціи о видахъ Императора Франца на единственную дочь короля Саксонскаго; слухи эти были основательны. Онъ дѣйствительно сватался къ ней. Герцогъ Альбертъ, ихъ общій дядя, по слухамъ, втайнѣ велъ о томъ переговоры; но говорятъ, что принцесса отказала ему, потому что нашла его слишкомъ пожилымъ и потому что у него слишкомъ много дѣтей. Эти причины, служившія поводомъ къ отказу Саксонской принцессы, должны дѣйствовать еще сильнѣе на Русскую Великую Княжну, болѣе прекрасную и любезную, и которая моложе на десять лѣтъ.

Третьяго дни до меня дошелъ слухъ о другомъ выборѣ Императора, а именно о его двоюродной сестрѣ, младшей дочери покойнаго Эрцгерцога Фердинанда, какъ увѣряютъ, красавицѣ и очень хорошо воспитанной. Я постарался получить на этотъ счетъ положительныя свѣдѣнія, и узналъ, что этотъ бракъ окончательно рѣшенъ, что его окружаютъ величайшею тайною до полученія разрѣшенія отъ Папы, послѣ котораго онъ будетъ объявленъ; покуда, какъ увѣряютъ меня, Императоръ часто пріѣзжаетъ инкогнито изъ Лаксенбурга, что-бы посѣщать Эрцгерцогиню Беатрису. Это будетъ однимъ изъ семейныхъ браковъ, столь обычныхъ въ Австрійскомъ домѣ, и Эрцгерцогиня Беатриса столь умна, что конечно содѣйствовала съ своей стороны устройству этого союза, который доставитъ ея сыновьямъ положеніе, коего они до сихъ поръ не добились, и въ коемъ столь сильно нуждаются, что-бы утѣшиться въ утратѣ Герцогства Моденскаго и великолѣпныхъ своихъ помѣстій въ Ломбардіи.

По всѣмъ этимъ подробностямъ В. В-во видите, что Императоръ Францъ не только не есть приличная и желательная партія для Великой Княжны, Вашей дочери, но также, что онъ уже думалъ о новомъ бракѣ, что онъ уже нѣкоторое время нетерпѣливо занятъ выборомъ супруги; что если-бы я вручилъ ему конфиденціальное письмо В. В-ва, оно не могло-бы возъимѣть желаемаго дѣйствія, и что В. В-во къ счастію и весьма кстати сочли нужнымъ по отъѣздѣ моемъ изъ Тильзита приказать мнѣ, что-бы я не пускалъ его въ ходъ, пока В. В-во не рѣшитесь дать мнѣ объ этомъ новое предписаніе. И такъ, смѣю думать и надѣяться, что, не имѣя болѣе повода думать объ осуществленіи предположенія, вызвавшаго это письмо, имѣя даже причины забыть объ этомъ планѣ, В. В-во соблагоизволите предписать, что-бы я возвратилъ вамъ это письмо, все еще хранящееся у меня.

Умоляю В. В-во подарить нѣкоторое вниманіе собраннымъ мною замѣткамъ, которыя при семъ имѣю честь препроводить, объ особѣ и образѣ жизни Императора Франца; въ нихъ заключаются довольно любопытныя подробности; я дополнилъ ихъ всѣмъ тѣмъ, что̀ мнѣ удалось узнать объ Эрцгерцогѣ, старшемъ его сынѣ, и о скудномъ содержаніи, получаемомъ Эрцгерцогами его братьями.

XXIII.

À Vienne, le $\frac{13}{25}$ d'Août, 1807.

Madame,

Je suis trop convaincu de la bienveillance dont m'honore V: M-té I-le,

des droits que je puis y avoir par mon constant attachement pour Elle, de la part vive et particulière qu'Elle daigne prendre à mon bien-être et surtout à ma réputation dans le monde, pour ne pas recourir avec une entière confiance, et sans aucun détour à Sa protection et à Ses bontés dans une circonstance qui me touche de près du coté qui m'a été de tout tems le plus sensible, en un mot qui regarde mon honneur.

Rien ne pouvoit-être plus heureux et plus flatteur pour moi que d'être appellé par S: M-té L'Empereur pour travailler à Son rapprochement et à Sa paix avec la France. C'est sous Sa direction immédiate que j'ai négocié et signé le traité de paix de Tilsit, glorieux pour Son règne et aussi honorable qu'avantageux pour la Russie. C'est un mérite de plus, et j'ose le dire, que j'ai acquis près de mon maître et près de ma patrie, qui par cette paix a cessé de gémir sous les calamités d'une guerre meurtrière et ruineuse. L'Empereur a été content de moi et me l'a témoigné de differentes manières. Après son départ de Tilsit dans la lettre qu'il a daigné m'adresser de main-propre de Tauroggen en date du 28 de Juin, v: st: il me dit entre autres: «Recevez «encore une fois l'expression de ma «reconnaissance pour les soins que vous «avez donnés à une négociation aussi «épineuse, et qui nous a couté tant de «peines. Je m'empresserai de vous en «témoigner tout mon contentement *d'une «manière ostensible*; en attendant, croyez «à l'estime et à l'attachement que je «vous ai voués pour la vie.» Il y a six semaines que j'ai eu le bonheur de recevoir cette assurance flatteuse, qui remplissoit tout ce que j'avois à désirer; mais jusqu'à présent elle reste sans effet, tandis que le P-ce Dmitrii Labanoff, second Plénipotentiaire de l'Empereur pour la paix de Tilsit, a déjà été avancé au grade de général d'infanterie, tandis qu'en France le P-ce de Bénévent qui a signé notre traité de paix, et le P-ce de Neuchatel, qui a signé notre armistice, ont été élevés pour ces deux actes, l'un au rang de vice-grand Electeur, et l'autre à celui de vice-Connetable; tandis que de notre tems, de notre mémoire, ceux qui ont été employés à la confection des traités de paix de la Russie, dont nous avons été les témoins, ont tous obtenus des recompenses authentiques et signalées, et celles-là s'accordent ordinairement, dans tous les pays, autant pour recompenses à celui qui les reçoit, que pour illustrer le règne du souverain qui les distribue et l'événement, qui en donne l'occasion. Je vais le prouver en rappellant à V: M-té, que pour le traité de Cainardji le P-ce Repnine a été fait général en chef et a reçu le don de $^{50}/_{m.}$ rbl:; pour le traité de Werèla le général d'Igelstrohm a reçu l'ordre de St. André et des terres; pour le traité de paix de Yassi le P-ce Bezborodko a reçu pareillement le cordon bleu et des terres très considérables. La paix de Tilsit, et le moment où elle a été si heureusement conclue, sont bien plus importants pour la Russie, que ces trois paix avec la Turquie et la Suède que je viens de citer. Ayant travaillé à celle de Tilsit, l'ayant signée, mon nom y étant amalgamé à jamais, pourquoi devrois-je être moins heureux que les P-ces Repnin et Bezborodko et le général d'Igelstrohm, et ne pas recevoir comme eux à cette occasion un témoignage public de l'approbation et de la bienveillance de mon auguste maître. Il a daigné me le promettre; je ne puis donc que l'attendre en toute justice; mais le temps s'écoule sans que je le reçoive, et je crains que mon absence y contribue en me fai-

sant oublier. C'est à cet oubli que je supplie V: M–té de vouloir bien rémédier, en parlant à S: M–té L'Empereur de moi, de l'éspérance qu'il a daigné m'accorder; des titres que j'ai par les exemples des paix précédentes, pour la voir réalisée! Je me flatte que V: M–té me connoit trop, sait trop bien apprécier mon désintéressement pour croire que je désire obtenir des terres, ou quelque sommed'argent; si l'Empereur en avoit même l'idée, j'en serais inconsolable! Je suis riche des bienfaits de feu l'Empereur, que je ne dois qu'à la générosité de son coeur magnanime sans les avoir jamais provoqués; ils me suffiront pour achever le reste de mes jours avec aisance et tranquillité. Ce n'est qu'à l'honneur seul que je suis sensible, qui a toujours été le mobile de toutes mes actions, et ce n'est qu'un témoignage, une marque *honorifique* de la bienveillance de l'Empereur que j'ose souhaiter. Il faut que j'attache un grand prix, une grande importance à ce voeu, puisque je me permets de l'avoir, et que pour son accomplissement je prends la liberté de le placer sous la protection et les auspices de V: M–té. Je ne désire aucune place, aucune grace, qui pourroit gèner l'Empereur dans les effets de sa volonté,ou dans les habitudes de sa confiance. Je ne me souviens de ce, qui m'étoit déstiné en Mars de 1801, que pour me défendre de le souhaiter jamais. Mais l'Empereur ne pourroit–il pas me nommer au rang de la I–ère classe; ce ne seroit qu'un simple titre, qui sans changer essentiellement ma situation actuelle, seroit pourtant pour moi ce témoignage public des bontés de l'Empereur que je me crois obligé de réclamer à présent; et si j'ai deux ou trois de mes collégues dans mon rang actuel plus anciens que moi, comme le vieux Stroganoff et Zawadowski, qui pourroient s'en formaliser, mon absence les empêchera d'y être sensible, et puis y a–t–il un seul d'entr'eux qui ait signé un traité de paix, qui ait été pendant toute sa vie l'ami du père de son maître, qui jouisse des bontés et des attentions de son maître comme moi?

J'ai ouvert mon coeur à V: M–té; j'ai été plus prolixe, que je ne l'ai voulu pour lui expliquer le sentiment, qui m'affecte, j'ai rempli ce que ma franchise et mon devoir envers Elle me prescrivoient: je m'y borne, et le reste je l'attends de Sa justice et de Sa bienfaisance!

XXIII.

Вѣна $\frac{13}{25}$ Авг. 1807.

Государыня,

Я слишкомъ убѣжденъ въ благосклонности, коей удостоиваетъ меня В. И. В-во, въ тѣхъ правахъ, которыя я могъ пріобрѣсти на оную постоянною моею привязанностію къ Вамъ, въ живомъ и особенномъ участіи, которое Вы благоволите принимать въ моемъ благосостояніи и въ особенности въ моей репутаціи, что-бы не прибѣгнуть, съ совершеннымъ довѣріемъ и безъ всякихъ околичностей, къ Вашему покровительству и Вашимъ милостямъ въ обстоятельствахъ, близко касающихся меня съ той стороны, которая у меня всегда была самая чувствительная, однимъ словомъ, относящихся до моей чести.

Ничто не могло быть для меня счастливѣе и лестнѣе, какъ порученіе Государя Императора трудиться надъ примиреніемъ и сближеніемъ Его съ Франціею. Подъ Его непосредственнымъ руководствомъ велъ я переговоры въ Тильзитѣ и подписалъ мирный трактатъ, умножающій славу Его царствованія, почетный и вмѣстѣ выгодный для Россіи. Смѣю сказать, что это—новая заслуга передъ моимъ Государемъ и моимъ отечествомъ, которое перестало стенать подъ бременемъ кровопролитной и раззорительной войны. Государь остал-

ся мною доволенъ, что и выразилъ мнѣ различными способами. По отбытіи своемъ изъ Тильзита, въ собственноручномъ письмѣ, изъ Таурогена, отъ 28 Іюня ст. ст., коего Онъ меня удостоилъ, Онъ между прочимъ пишетъ: „Пріймите еще разъ выраженіе моей признательности за ваши труды по переговорамъ столь щекотливымъ, и стоившимъ намъ столькихъ усилій. Не замедлю выразить вамъ *явнымъ образомъ*, сколько я Вами доволенъ. Покуда вѣрьте уваженію и дружбѣ, связывающимъ насъ на всю жизнь". Вотъ уже шесть недѣль, какъ я имѣлъ счастіе получить это лестное увѣреніе, удовлетворявшее всѣмъ моимъ желаніямъ; но до сихъ поръ оно остается безъ дѣйствія, между тѣмъ, какъ кн. Димитрій Лобановъ, второй уполномоченный Государя при заключеніи Тильзитскаго мира, уже произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, между тѣмъ какъ во Франціи князь Беневентскій, подписавшій нашъ мирный трактатъ, и князь Нёшательскій, подписавшій наше перемиріе, были возведены по этимъ двумъ случаямъ, одинъ въ санъ вице-курфирста, другой въ санъ вице-коннетабля; между тѣмъ какъ въ наше время, на нашей памяти, тѣ, которымъ поручалось заключеніе мирныхъ трактатовъ Россіи, коихъ мы были свидѣтелями, всѣ получили награды блестящія и дѣйствительныя—такія награды, какія обыкновенно, и во всѣхъ странахъ, раздаются столько же для того, что-бы возблагодарить получающаго ихъ, какъ и для того, что-бы прославить царствованіе раздающаго ихъ Государя и событіе, подавшее къ нимъ поводъ. Докажу это, напомнивъ В. В-ву, что за Кайнарджійскій трактатъ кн. Репнинъ былъ сдѣланъ генералъ аншефомъ и получилъ въ даръ 50 т. рублей; что за Верельскій трактатъ генералъ Игельстромъ получилъ орденъ св. Андрея и помѣстья; что за Ясскій трактатъ кн. Безбородко точно также Андреевскую ленту и весьма значительныя имѣнія. Тильзитскій миръ и моментъ, въ который онъ былъ столь благополучно заключенъ, несравненно важнѣе для Россіи, чѣмъ упомянутые мною три трактата съ Турціею и съ Швеціею. Почему-же мнѣ, трудившемуся надъ Тильзитскимъ трактатомъ, подписавшему его, связавшему съ нимъ навсегда мое имя, быть менѣе счастливому, чѣмъ князья Репнинъ и Безбородко и чѣмъ генералъ Игельстромъ, и не получить, какъ они, по этому случаю, явное свидѣтельство одобренія и благоволенія моего Августѣйшаго Повелителя? Оно мнѣ обѣщано, я слѣдовательно имѣю полное право ожидать его, но время проходитъ, и я его не получаю, и я опасаюсь, что бы тому не содѣйствовало мое отсутствіе, заставляющее забывать обо мнѣ. Это-то забвеніе прошу я В. И. В-во разсѣять, поговоривъ съ Государемъ Императоромъ обо мнѣ, о надеждахъ, которыя онъ соблагоизволилъ во мнѣ возбудить; о тѣхъ правахъ на ихъ исполненіе, которыя даютъ мнѣ примѣры предъидущихъ мирныхъ трактатовъ. Льщу себя надеждою, что В. В-во слишкомъ хорошо знаете меня, слишкомъ умѣете цѣнить мое безкорыстіе, что-бы подумать, что я желаю получить помѣстья или деньги. Я былъ-бы безутѣшенъ, если-бы эта мысль могла прійти Государю Императору. Я богатъ щедротами покойнаго Государя, коими я обязанъ лишь великодушію Его и на которыя я никогда не напрашивался: ихъ достаточно, что-бы обезпечить остатокъ дней моихъ спокойствіемъ и довольствомъ. Лишь къ чести чувствителенъ я; она всегда была побужденіемъ моихъ дѣйствій, и лишь *почетнаго* свидѣтельства, знака благоволенія ко мнѣ Государя, смѣю я желать. Я придаю большую цѣну, великую важность этому желанію; только потому и дозволяю я себѣ питать его и осмѣливаюсь поручать его исполненіе покровительству и усмотрѣнію В. В-ва. Я не желаю никакого сана, никакой милости, которая могла-бы стѣснить Государя въ исполненіи Его воли, или въ привычкахъ Его довѣрія. Я вспоминаю о томъ, что пред-

назначалось мнѣ въ Мартѣ 1801-го года лишь для того, что-бы отречься отъ возможности когда-либо этого пожелать. Но не могъ-ли бы Государь пожаловать мнѣ чинъ перваго класса? Это было-бы лишь простымъ титуломъ, который, не измѣняя существенно моего настоящаго положенія, былъ-бы однакоже для меня тѣмъ явнымъ свидѣтельствомъ милости ко мнѣ Государя Императора, котораго я считаю долгомъ теперь требовать; и если два или три изъ моихъ товарищей по сану старше меня, какъ старикъ Строгановъ и Завадовскій, и могли-бы этимъ оскорбиться, то отсутствіе мое смягчитъ это чувство, и наконецъ, кто изъ нихъ когда-либо подписывалъ мирный трактатъ, кто изъ нихъ всю жизнь былъ другомъ отца своего монарха, кто наравнѣ со мною пользуется вниманіемъ и милостями самого Государя?

Я открылъ мое сердце В. В-ву; я объяснилъ Вамъ многословнѣе, чѣмъ того желалъ-бы, волнующія меня чувства; я исполнилъ то, что предписываютъ мнѣ моя откровенность и мои обязанности къ Вамъ. Остальное предоставляю Вашей справедливости и Вашему милосердію!

XXIV.

à Vienne, le $\frac{13}{25}$ d'Août 1807.

Madame,

Avant-hier étant déjà seul chez moi et occupé à écrire, je fus bien agréablement surpris à dix heures du soir par l'apparition soudaine de M-gr le Duc Ferdinand, frère de V: M-té I-le qui vint me voir avant que j'eusse appris son arrivée. Je n'ai pu entendre qu'avec une grande peine le récit qu'il voulut bien me faire de l'accueil impératif et peu fraternel qu'il a reçu du Roi son frère, et de tous les embarras où il s'est trouvé pendant sa courte apparition à Ludwigsbourg. Il n'a pas à se louer aussi de M-gr le Duc Louis, qui possédant l'entière bienveillance du Roi, le soutient dans toutes ses prétentions de famille. Le Roi éxige que tous les Princes ses frères quittent les ordres étrangers pour ne porter que les siens, et qu'ils abandonnent aussi le service des puissances étrangères pour retourner dans ses états. C'est là ce que le Duc Ferdinand a cru ne pouvoir faire; ce qui a été cause de la scène, qui a eu lieu entre le Roi et lui, de la continuation du séquestre de son apanage, et de son prompt retour ici. Il m'a assuré qu'il n'a entrepris cette course que par les conseils de l'Empereur François, qui l'a dirigé également dans le voyage inutile qu'il a fait à Paris, et ensuite dans ceux de Varsovie et de Berlin. Après son séjour à Paris il n'a vu l'Empereur Napoléon qu'à son passage par Dresde; il ne l'y a vu qu'à un seul entretien, auquel il a obtenu simplement la promesse qu'il s'intéresseroit en sa faveur près du Roi son frère. Le Duc Alexandre doit avoir reçu également l'intimation de quitter le service de Russie et de revenir dans sa patrie, mais je crois qu'il préférera de rester là où il est si bien, en conservant son agréable existance à Riga et la jouissance de sa belle possession en Courlande. M-gr le Duc Ferdinand m'a protesté qu'il a toujours regulièrement écrit à V: M-té chaque semaine, et que ce n'étoit que depuis le commencement de la guerre qui vient de finir, que par crainte de l'importuner il avoit cessé de Lui donner de ses nouvelles. Il croit que s'il avoit consenti à quitter le service d'Autriche quand il étoit à Paris, qu'alors il auroit eu par la protection de la France une souveraineté en Allemagne et qu'il auroit été admis parmi les membres de la ligue du Rhin. Mais à présent que tous ses voyages, et toutes ses tentatives depuis la paix de Presbourg ont

entièrement échoué, qu'il n'a rien obtenu de la France, qu'il ne s'est pas réconcilié et qu'au contraire il se trouve plus désuni que jamais avec le Roi son frère, que pour les démarches auxquelles il s'est décidé par la pénurie de ses ressources, il s'est attiré le blame et les conclusions défavorables de beaucoup de monde, qu'il n'a pas d'autre soutien que la pension provisoire de $^{20}/_{m}$. fl. que lui a accordée l'Empereur François au moment qu'il a quitté le gouvernement de Vienne, il est véritablement à plaindre. Il a voulu savoir mon opinion sur ce qu'il avoit à faire. Comme il est toujours compris dans le tableau du service et que son régiment lui est conservé, j'ai crû devoir lui conseiller de demander uniquement et simplement, pour tenir au moins à quelque chose, d'être remis en activité d'une manière conforme à son grade de Feldmaréchal. Quoiqu'il a été parfaitement bien reçu de l'Empereur, et des Archiducs Charles et Joseph, je ne crois pas cependant qu'il lui sera facile d'y réussir bientôt, parce que tous les grands commandemens dans l'intérieur de la monarchie et sur les frontières sont distribués, et qu'on aura de la répugnance à faire une destitution quelconque en sa faveur. Toutefois il restera en attendant à Vienne, et ce sera un plaisir particulier pour moi de le voir souvent, car en le voyant je ne pourrai que me rappeller par son nom et par ses traits qu'il est du même sang que ma bienfaitrice, qu'il a le bonheur d'être son frère et je me croirai encore à Pavlowskoi, où nous nous sommes vus tous les jours étant ensemble près de V: M–té. Par ces détails je ne fais qu'ébaucher ceux qu'il m'a donnés dans sa conversation confidentielle, m'imaginant qu'il les aura amplifiés dans la lettre qu'il m'a prié d'envoyer de sa part à V: M–té, et que je joins ici.

Tous mes moments me sont encore tellement enlevés depuis la quinzaine, que je suis à Vienne, qu'il m'a été impossible encore d'écrire à M–lle de Nélidoff, et je supplie V: M–té de vouloir bien le lui dire en l'assurant de tout mon attachement.

Je suis avec le plus profond respect.

P: S: J'ai l'honneur de présenter ci–joint à V: M–té deux lettres à son adresse, l'une du Duc Ferdinand que je lui ai annoncée, et l'autre de la Comtesse de Schouvaloff, mère, que sa santé très détériorée et au point que j'en ai été étonné, oblige d'aller éprouver les bienfaits du climat d'Italie, et qui Lui demande la permission de prolonger par ce motif son absence de Sa cour. Si V: M–té daigne lui répondre, comme je le crois, je la supplie de lui faire passer par mon entremise la réponse dont Elle l'honorera.

Le major de Thuylen que j'envoie en courrier avec cette expédition, n'ayant pas à passer par Riga, je prends la liberté de prier V: M–té d'y faire parvenir à M–gr le Duc Aléxandre, son frère, qui s'y trouve, la lettre dont m'a chargé pour lui le Duc Ferdinand, et que je joins également ici.

XXIV.

Вѣна $\frac{13}{25}$ Авг. 1807.

Государыня,

Третьяго дни, въ десять часовъ вечера, когда я уже сидѣлъ одинъ у себя, занятый письмами, я былъ пріятно пзумленъ появленіемъ герцога Фердинанда, брата В. И. В-ва, посѣтившаго меня прежде, чѣмъ я узналъ о его пріѣздѣ. Я съ огорченіемъ выслушалъ разсказъ, коего онъ меня удостоилъ, о повелительномъ, небратскомъ пріемѣ, сдѣланномъ ему королемъ, его братомъ, и о всѣхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ находился онъ во время краткаго своего появленія въ Лудвигсбургѣ. Онъ не

имѣетъ также повода быть довольнымъ герцогомъ Лудвигомъ, который, пользуясь полною благосклонностію короля, поддерживаетъ его въ его семейныхъ притязаніяхъ. Король требуетъ, что-бы всѣ принцы его братья отказались отъ иностранныхъ орденовъ и носили-бы только его ордена, а также что-бы они оставили иностранную службу и возвратились въ его владѣнія. На это-то герцогъ Фердинандъ не счелъ возможнымъ согласиться, что̀ и послужило поводомъ къ сценѣ, происшедшей между королемъ и имъ, къ продолженію секвестра, положеннаго на его удѣлъ, и къ быстрому его возвращенію сюда. Онъ увѣрялъ меня, что предпринялъ эту поѣздку лишь по совѣтамъ Императора Франца, который также присовѣтовалъ ему напрасное его путешествіе въ Парижъ, а затѣмъ въ Варшаву и въ Берлинъ. Послѣ пребыванія своего въ Парижѣ, онъ видѣлъ Императора Наполеона лишь въ проѣздъ его черезъ Дрезденъ, имѣлъ съ нимъ лишь одинъ разговоръ, въ которомъ добился только обѣщанія, что королю его брату будетъ замолвлено слово въ его пользу. Герцогъ Александръ должно быть также получилъ приказаніе оставить Русскую службу и вернуться въ отечество; но я полагаю, что онъ предпочтетъ остаться тамъ, гдѣ ему такъ хорошо и не откажется отъ пріятнаго своего существованія въ Ригѣ и пользованія прекраснымъ своимъ Курляндскимъ помѣстьемъ. Герцогъ Фердинандъ завѣрялъ меня, что онъ съ неизмѣнною правильностію писалъ къ В. В-ву каждую недѣлю, и что лишь съ начала войны только что кончившейся, пересталъ онъ давать Вамъ о себѣ вѣсти, опасаясь сдѣлаться докучливымъ. Онъ думаетъ, что если-бы въ бытность свою въ Парижѣ, онъ согласился оставить Австрійскую службу, онъ по протекціи Франціи получилъ-бы владѣніе въ Германіи и былъ-бы допущенъ въ Рейнскій союзъ. Но теперь, когда всѣ его путешествія, всѣ его попытки со времени Пресбургскаго мира кончились совершенною неудачею, когда онъ ничего не добился отъ Франціи, не успѣлъ примириться съ королемъ своимъ братомъ, а напротивъ, разошелся съ нимъ болѣе, чѣмъ когда-либо; когда хлопотами, вызванными скудостію его средствъ, онъ навлекъ на себя осужденіе и невыгодное мнѣніе многихъ; когда у него не остается иной поддержки, кромѣ временной пенсіи въ 20 т. флориновъ, дарованной ему Императоромъ Францомъ —онъ дѣйствительно достоинъ сожалѣнія. Онъ захотѣлъ узнать мое мнѣніе о томъ, что̀ слѣдуетъ ему дѣлать. Такъ какъ онъ все еще числится на Австрійской службѣ, и его полкъ остается за нимъ, то я счелъ нужнымъ посовѣтовать ему, что-бы онъ просто и прямо, для того, что-бы быть къ чему нибудь привязаннымъ, попросилъ о дѣйствительномъ назначеніи, сообразномъ съ его фельдъмаршальскимъ саномъ. Хотя онъ и былъ отлично принятъ Императоромъ и эрцгерцогами Карломъ и Іосифомъ, я однако-же не думаю, что-бы онъ скоро въ этомъ успѣлъ, ибо всѣ высокія военныя должности во внутренности имперіи и на границахъ заняты, и едва-ли захотятъ кого-либо смѣстить въ его пользу. Однако-же онъ останется покуда въ Вѣнѣ, и для меня будетъ особеннымъ удовольствіемъ видѣть его часто, ибо при каждомъ свиданіи, его имя, его черты будутъ напоминать мнѣ, что онъ одной крови съ моею благодѣтельницею, что онъ имѣетъ счастіе быть Ея братомъ, и мнѣ будетъ казаться, что я въ Павловскѣ, гдѣ мы видались съ нимъ ежедневно у В. В-ва. Эти указанія передаютъ лишь очеркъ того, что̀ онъ сообщилъ мнѣ въ откровенномъ разговорѣ; полагаю, что приложенное при семъ письмо, которое онъ просилъ мнѣ доставить В. В-ву, послужитъ дополненіемъ къ моему.

Въ теченіи двухъ недѣль, проведенныхъ мною въ Вѣнѣ, все мое время такъ мало мнѣ принадлежало, что я не имѣлъ еще возможности написать Е. И. Нелидовой: умоляю Ваше Величество передать ей это и увѣрить ее въ моей неизмѣнной привязанности.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

P. S. Честь имѣю препроводить при семъ В. В-ву два письма, адресованныя на Ваше имя; одно отъ герцога Фердинанда, мною уже упомянутое, другое отъ гр. Шуваловой-матери, которую здоровье разстроенное въ степени меня удивившей, принуждаетъ искать помощи въ Италіянскомъ климатѣ: это просьба о дозволеніи ей продлить свое отсутствіе отъ двора. Если В. В-во, какъ я полагаю, удостоите ее отвѣта, умоляю Васъ переслать этотъ отвѣтъ черезъ меня.

Такъ какъ маіоръ Тюиленъ, котораго я посылаю курьеромъ съ этимъ письмомъ, не проѣдетъ черезъ Ригу, осмѣливаюсь просить В. В-во доставить туда герцогу Александру Вашему брату, письмо къ нему, порученное мнѣ герцогомъ Фердинандомъ, и также при семъ приложенное.

XXV.

Vienne le $\frac{23\text{ d'Aout}}{(4\text{ de Septembre})}$ 1807.

Madame,

Le comte de Béroldingen envoyé extraordinaire de Wurtemberg en me faisant part de la mort de la C-sse d'Uxkull m'a remis par ordre de S: M-té Wurtembergeoise une lettre de ses parents pour V: M: I., que j'ai l'honneur de lui présenter ci-joint, et les marques de l'ordre St: Catherine de la 2-de classe dont cette dame étoit revétue, que j'adresse à m-r d'Archenewsky, trésorier du chapitre des ordres de Russie.

Ce que je n'ai pu dire à V: M-té par la poste au sujet de M-gr le Duc Ferdinand est, que dans la dernière audience que lui a accordé l'Empereur François il en eut pour réponse aux instances qu'il lui renouvella pour être remis en activité à l'armée, que malgré toute la bienveillance qu'il lui conservoit, il ne lui étoit pas possible de le faire, non seulement parcequ'il n'avoit pas de commandement militaire vacant; mais aussi parceque connaissant la volonté très prononcée du Roi son frère à son égard, il ne vouloit rien faire par attention pour lui, qui put lui être désagréable, et qu'en même tems il lui faisoit l'aveu, qu'il craignoit de mécontenter aussi par là l'Empereur Napoléon. V: M: voit que cette réponse, donnée par le souverain lui-même a son beau frère, à un Prince toujours honoré de ses bontés et qui sert sa maison depuis 27 ans, est si claire et précise, qu'elle ôte tout éspoir à M-gr le Duc Férdinand de réussir, et qu'il ne feroit que se compromettre en réiterant ses demarches. J'ai déjà informé V: M-té que dans son chagrin il prenoit la resolution de donner son entière démission, et vouloit se borner à l'unique pension de 1500 roubles qu'il reçoit de V: M-té, mais comme heureusement il a souhaité que je lui dise mon avis, j'ai taché de l'en detourner, en lui representant qu'il devoit éviter toute précipitation, que dans la circonstance où il se trouve il ne pouvoit rien faire de mieux que de se tenir parfaitement tranquile en se contentant jusqu'à ce que les événements le favorisent davantage, de voir son nom conservé dans le tableau militaire, et de jouir de la pension considérable de 20000 florins en argent, qu'il a obtenue ici, et dont en vérité il ne peut se passer, son apanage étant séquestré et n'ayant pas d'autres revenus. Je ne puis taire pareillement à V: M: qu'on assure généralement à Vienne qu'il est sur le point d'épouser la fille du P-ce de Metternich. Je me suis permis de lui en parler. Il est convenu que c'étoit là son intention, que les dispenses pour ce mariage venoient d'arriver de-

puis peu, mais qu'il ne l'accompliroit pas, et ne pouvoit le faire, tant qu'il seroit aussi gêné qu'il l'est du côté de sa fortune; qu'en se remariant il n'étoit pas en état de tenir une maison convenable; que mademoiselle de Metternich ne pouvoit lui apporter au plus que 8000 florins de rente; et que les promesses de l'Empereur faites en différentes occations de lui donner des terres héréditaires n'étant pas éxécutées il devoit renoncer malgré lui à cette union qui auroit fait son bonheur.

Je profite de mon éxpédition d'aujourd'hui pour communiqur aussi à V: M: en original la seconde lettre que M-gr le Duc Louis a bien voulu m'écrire. Je la supplie de me la restituer en daignant me faire connoître ce qu'Elle pense des plaintes du Duc contre les dispositions faites et ordonnées maintenant dans sa terre de Wurtzau, par la chancrie de finance de Courlande. Je n'ai pu répondre encore à S: A: R: et quand je le ferai ce ne sera qu'en termes généraux jusqu'à ce que V: M-té ne daigne par sa réponse me mettre à même, comme j'ose le désirer, de lui dire quelque chose de plus positif. En attendant je pourrai lui marquer seulement que je ne manquerai pas d'écrire en Russie pour avoir des renseignemens détaillés sur toutes ses reclamations. J'ignore jusqu'à ce moment quelle a été la décision de l'Empereur, mon maitre, sur la possession et les revenus de Würtzau et sur le mobilier de M-gr le Duc Louis, au moment qu'il a mis S: M: I-le dans le cas d'ordonner qu'il soit éxclu du service avec les Princes ses fils; et comme il m'est très nécéssaire de le savoir pour ma direction, je supplie V: M-té d'avoir la bonté de m'en informer.

Le translateur Frohman que j'ai trouvé attaché à mon ambassade, filleul de feu l'Empereur, wurtembergeois de naissance, tenant à une famille distinguée, et que la protection de V: M-té a fait agréger au departement des affaires étrangères, est un jeune homme fort appliqué et très employé dans ma chancellerie. Il donne beaucoup d'éspérances, et la preuve de son éxcellente moralité est que n'ayant pour vivre que ses modiques appointemens de 400 roubles avec la bonification du change, il les partage avec sa mère, soeur du gen. Pfuhl, femme éstimable et très valétudinaire qui périroit de misère sans cet acte de pieté filiale de son fils unique. Ce que je dis du jeune Frohman le rend véritablement digne, que V: M: lui continue Ses bontés et cet intérêt qu'Elle a daigné prendre autrefois à son sort. Je prends donc la liberté de Lui adresser mon humble et instante prière qu'Elle puisse engager le G-al de Budberg à lui faire augmenter ses appointemens qu'il employe d'une manière si louable. Je n'aurais certainement reçu de M-r de Budberg qu'une réponse négative, en l'en priant seul; mais il ne pourra refuser à V: M: dès qu'il apprendra d'Elle les raisons qui L'engagent à procurer ce bienfait à Son ancien protégé.

Dans ce moment M-gr le Duc Ferdinand vient de sortir de chez moi. Il a écrit sur ma table son incluse à V: M: et n'ayant pas avec lui son cachet, il l'a fermée avec des oublies. Il m'a conté avec une grande sensibilité que M-r de Béroldingen l'a fait avertir, que le Roi son frère venoit de lui défendre de le recevoir dans sa maison, d'aller chez lui et de le saluer, ou de lui parler, quand il le rencontreroit en lieu tiers.

XXV.

Вѣна 23 Авг. 1807.
4 Сент.

Государыня.

Графъ Берольдингенъ, чрезвычайный посланникъ короля Виртембергскаго, сообщая мнѣ о смерти графини Икскюль,

передалъ мнѣ, по повелѣнію его Виртембергскаго Величества, письмо отъ ея родныхъ въ В. И. В-ву, которое я имѣю честь при семъ приложить, и знаки ордена Св. Екатерины второй степени, которые были на нее возложены, и которые я посылаю г. Аршеневскому, казначею капитула Россійскихъ орденовъ.

То, чего я не могъ сказать В. В-ву по почтѣ относительно герцога Фердинанда, заключается въ слѣдующемъ: въ послѣднюю аудіенцію, данную ему Императоромъ Французомъ, въ отвѣтъ на его просьбы о дѣйствительномъ назначеніи по арміи, Императоръ отвѣчалъ ему, что, не смотря на всю свою къ нему благосклонность, онъ не можетъ исполнить его просьбы, не только за недостаткомъ ваканцій; но также потому, что, зная весьма опредѣленную волю короля его брата на его счетъ, онъ не хочетъ изъ вниманія къ королю сдѣлать что-либо ему непріятное; при этомъ Императоръ признался, что онъ боится также возбудить неудовольствіе императора Наполеона. В. В-во видите, что этотъ отвѣтъ, данный самимъ монархомъ его шурину, принцу, постоянно удостоиваемому его милостей, служащему его дому въ теченіи 27 лѣтъ, столь ясенъ и опредѣлителенъ, что отнимаетъ у герцога Фердинанда всякую надежду на успѣхъ, и что онъ лишь уронилъ-бы свое достоинство, возобновляя свои исканія. Я уже извѣстилъ В. В-во о томъ, что въ своемъ горѣ онъ рѣшался вовсе выйти въ отставку, и хотѣлъ довольствоваться одною пенсіею въ 1500 рублей получаемою имъ отъ В. В-ва; но такъ какъ онъ, къ счастію, пожелалъ узнать мое мнѣніе, то я постарался отговорить его отъ этого шага, представляя, что онъ долженъ воздерживаться отъ всякой поспѣшности, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находится, всего лучше ему держаться совершенно спокойно и довольствоваться, пока событія не примутъ болѣе благопріятный для него оборотъ, тѣмъ, что его имя остается въ военнослужебныхъ спискахъ и выхлопотанною имъ здѣсь значительною пенсіею въ 20000 флориновъ серебромъ, безъ которой онъ по истинѣ не можетъ обойтись, такъ какъ удѣлъ его подъ секвестромъ, и иныхъ доходовъ у него нѣтъ. Не могу также скрыть отъ В. В.-ва, что всѣ увѣряютъ въ Вѣнѣ, что онъ собирается жениться на дочери кн. Меттерниха. Я позволилъ себѣ заговорить съ нимъ отъ этомъ. Онъ сознался, что таково было его намѣреніе, что разрѣшеніе на этотъ бракъ недавно получено, но что совершить онъ его не можетъ, пока онъ такъ стѣсненъ денежными обстоятельствами; что женившись, онъ не былъ-бы въ состояніи держать приличный домъ; что княжна Меттернихъ могла-бы принести съ собою много что 8000 флориновъ дохода; и что такъ какъ неоднократныя обѣщанія Императора пожаловать ей наслѣдственныя помѣстья не осуществлялись, онъ долженъ поневолѣ отказаться отъ этого брака, который содѣлалъ-бы его счастіе.

Пользуюсь сегодняшнимъ курьеромъ, чтобы также сообщить В. В.-ву въ оригиналѣ второе письмо, котораго удостоилъ меня герцогъ Лудвигъ. Умоляю васъ возвратить мнѣ его и сообщить мнѣ, что думаетъ В. В.-о о жалобахъ герцога на распоряженія, сдѣланныя въ его имѣніи Вюрцау Курляндскою казенною палатою. Я не могъ еще отвѣтить Е. К. В.-у, и когда я это сдѣлаю, это будетъ лишь въ общихъ выраженіяхъ, пока В. В.-во, снисходя къ моему желанію, не дадите мнѣ возможности сказать ему что-либо болѣе положительное. Пока, могу только отвѣтить ему, что я не премину написать въ Россію, чтобы получить подробныя справки по всѣмъ его требованіямъ. Я еще не знаю, каково было рѣшеніе Государя Императора на счетъ имѣнія Вюрцау и доходовъ съ него, а также на счетъ движимости герцога Лудвига, послѣ того, какъ онъ подалъ Его Императорскому Величеству поводъ исключить его

изъ службы съ принцами его сыновьями; и такъ какъ мнѣ весьма нужно объ этомъ знать для руководства, то умоляю В. В-во меня объ этомъ извѣстить.

Переводчикъ Фроманъ, котораго я нашелъ состоящимъ при моемъ посольствѣ, крестникъ покойнаго Государя, Виртембержецъ по рожденію, принадлежащій къ хорошему семейству, и по покровительству вашего Величества причисленный къ департаменту иностранныхъ дѣлъ — молодой человѣкъ весьма прилежный и весьма полезный въ моей канцеляріи. Онъ подаетъ большія надежды, и доказываетъ свою прекрасную нравственность тѣмъ, что, имѣя на жизнь лишь скудное содержаніе въ 400 рублей (при курсовой потерѣ) онъ дѣлитъ его съ матерью, сестрою генерала Пфуля, женщиною почтенною и весьма больною, которая погибла-бы отъ нужды безъ этой помощи отъ единственнаго своего сына. То, что я говорю о молодомъ Фроманѣ, по истинѣ дѣлаетъ его достойнымъ того, чтобы В. В-во сохранили ему свои милости и то участіе, которое Вы нѣкогда соизволили принять въ его судьбѣ. И такъ осмѣливаюсь покорнѣйше и настоятельно просить В. В-во, чтобы Вы склонили генерала Будберга увеличить ему жалованіе, изъ коего онъ дѣлаетъ столь похвальное употребленіе. Я-бы, конечно, прося отъ себя г-на Будберга, могъ-бы только получить отрицательный отвѣтъ; но ему нельзя будетъ отказать В. В-ву, когда онъ узнаетъ отъ Васъ причины, побуждающія Васъ доставить это новое благодѣяніе человѣку, Вами уже облагодѣтельствованному.

Въ эту минуту, герцогъ Фердинандъ только что вышелъ отъ меня. Онъ написалъ на моемъ столѣ включенное тутъ письмо, и не имѣя при себя печати, онъ запечаталъ его облаткою. Онъ разсказалъ мнѣ съ крайнимъ огорченіемъ, что г. Берольдингенъ далъ ему знать, что король его братъ запрещаетъ ему принимать его въ своемъ домѣ, бывать у него, кланяться ему или говорить съ нимъ при встрѣчѣ въ третьемъ мѣстѣ.

XXVI

à Vienne, le $\frac{2}{14}$ de Septembre 1807.

Madame,

Je suis en possession à la fois de deux lettres de V: M: I:, de Peterhoff du 27 de Juillet, et de Pavlovskoi du 3 d'Aout. Les expressions flatteuses de bienveillance, dont elles sont remplies, me rendent parfaitement heureux. D'après le sentiment qui m'a engagé à écrire mon № 25 à V: M: pour invoquer Sa protection et me mettre en ce que j'avais de plus cher sous Ses auspices, Elle pourra facilement juger de la joie que j'ai eue d'apprendre, quand je ne pouvais m'en flatter encore, la grace distinguée que S: M: l'Empereur a daigné m'accorder en me conférant le rang de la 1-re classe. Je ne l'ai appris que par la voie de la poste ordinaire, il y a trois jours, par les félicitations particulières que j'en ai reçues, et par le peu de mots que V: M: a bien voulu m'en dire. Je Lui fais l'aveu sincère que ne changeant pas Sa manière d'envisager l'événement, auquel j'ai eu à contribuer et qui m'a procuré ce témoignage public de la satisfaction et de la haute approbation de mon Auguste Maître, Elle m'enlève la plus grande partie du bonheur dont j'aurais dû jouir maintenant. Je Lui ai dépeint progressivement, et avec tant d'exactitude et d'impartialité tout ce dont j'ai été le témoin, tout ce que je parvenais à savoir de source, à Tilsit, que je me permettais d'espérer qu'Elle auroit une autre conviction, qu'Elle auroit celle que l'état de notre armée, de nos finances, et de nos forces, que l'abandon, que nous éprouvions de nos alliés et en général que toutes nos circonstances éxigeaint impérieusement que sans per-

dre plus de tems, l'Empereur se décidat à la résolution salutaire qu'il a prise; qu'en s'obstinant à soutenir une lutte, où la balance penchoit déjà si visiblement contre nous, il auroit seulement compromis sa propre gloire, l'intégrité et les interéts de son Empire; et qu'en fin il ne pouvoit faire rien de mieux et de plus avantageux pour la Russie, rien qui y fut plus unanimement désiré, que ce qu'il a fait. Notre génération actuelle le bénit; nos générations futures le béniront; que le Ciel le conserve! A l'ombre de la paix, par les fruits qu'il en recueillera, il préparera de nouvelles destinées à la Russie, elles seront brillantes, quand il pourra la rendre heureuse et tranquille au dedans et formidable au dehors, et la reconnoissance de tous ses sujets qui les attendent augmente déjà leur amour et leur attachement pour lui. Est-il donc possible que V: M-té ait résisté à toutes les explications que lui ont sans doute données S: M: l'Empereur et M-gr le Grand Duc Constantin! En mon particulier il m'est éxtrémement douloureux, je dirai plus, je suis inconsolable, de voir V: M: que je chéris comme ma Bienfaitrice, que je venère dans tous Ses sentimens, dans toutes Ses actions, aussi divergeante qu'Elle l'est avec moi sur des objets clairs et convainquants qui me parroissent ne pas avoir besoin d'être discutés longtems pour fixer en leur faveur l'opinion qu'on doit en avoir. Mais je me console encore par l'éspérance que les événemens méme me justifieront bientôt près de V: M-té: Elle conviendra alors, que je n'ai pas eu tort, que je n'ai été qu'impartial, que j'ai bien jugé par la constance de mes principes politiques de ce qui avoit à favoriser le mieux, et avec le plus de durée la puissance et les intérêts de ma patrie. Ce qui est arrivé dans la Méditerranée, ce que se passe à présent dans la Baltique et le Sund, révolte toutes les âmes généreuses et magnanimes, et doit faire revenir des prédilections, ou des préventions d'habitude quelques fortes qu'elles soyent. Je n'ai jamais été ni anglois, ni françois, je suis trop attaché à l'honneur et à la prosperité de mon pays, pour être l'un ou l'autre; je ne suis que Russe, et c'est en ma qualité de Russe que je prends la liberté de parler avec une entière franchise à V: M-té. Ce que j'ose lui dire, je le dirais à la face de l'Eternel si j'avais à comparoître devant Lui dans ce moment.

Je ne me pardonne pas les inquiétudes et la précipitations que j'ai eue, en me décidant à écrire ma lettre № 25 à V: M-té. Quand je l'ecrivois, tout ce que je désirais, tout ce que je voulois devoir à l'intervention de V: M: étoit déjà accompli, mes voeux étoient remplis avant d'avoir été connus. Je n'étais pas oublié comme je craignois de l'être. S: M: L'Empereur m'avoit spontanément accordé la grace que je croyois pouvoir en obtenir. Je me juge à présent avec cette sévérité que V: M: a si souvent employée envers moi; je me condamne pour mon impatience et les doutes qu'elle a pû m'inspirer; et en le faisant j'ai d'autant plus raison de me livrer à la joie et à la reconnaissance que me causent la bienveillance de mon maitre, et la distinction honorable que je lui dois. C'est la dernière de toutes celles que je pourois en recevoir; mais mon attachement pour sa personne et mon zêle pour son service, n'ont pas besoin d'être encouragés, et j'en serai déjà amplement recompensé, dès qu'il daignera ne pas me priver du moyen de pouvoir les lui témoigner toujours.

Je pouvais croire que m-r le général de Budberg auroit voulu me montrer

l'attention (ce qui est assez d'usage entre des personnes liées entre elles, comme je le suis avec lui, par des relations immédiates de service) de me communiquer officiellement la grace peu commune que m'accordoit S: M: l'Empereur, et non seulement il ne l'a pas fait, mais jusqu'à présent je n'ai pas encore reçu une seule ligne de sa part, pas même la copie du traité que j'ai négocié et signé, et que je lui ai demandée avec instance, en le quittant à Tilsit, comme m'étant très nécéssaire. Je ne le dis à V: M: que parceque je ne Lui cache rien, et ne m'en plaignant pas, parceque je dois avoir l'air de ne pas le remarquer, je La supplie de le garder pour Elle seule.

J ai écrit à M-gr le Duc Louis en lui faisant parvenir la lettre de V: M:, pour la Duchesse son épouse, de même qu'à M-gr le Duc Eugène en lui envoyant le pacquet du P-ce son fils. M-gr le Duc Ferdinand est presque toujours à Maydlingen, petit bourg dans les environs de Vienne, pour y retablir sa santé; deux fois je l'ai invité à diner, sans avoir eu l'honneur de le posséder chez moi; il me semble que les désagrémens de sa situation lui donnent une grande mélancolie, et qu'il évite avec soin de se montrer dans le monde.

M-me l'Archiduchesse Béatrix, quand j'ai été admis chez elle, la P-sse François de Lichtenstein, et la C-sse de Chanclos, m'ont parlé avec le plus vif intérêt de V: M: I: et de la vénération qu'elles Lui portent. Les deux premières se sont très bien conservées et ont peu changé, dans les vingt-cinq ans que je ne les ai pas vues. Quant à la C-sse de Chanclos, elle a beaucoup engraissé et vieilli, mais au reste il paroit qu'elle jouit d'un état d'aisance et de prospérité. Elle habite à présent une très-jolie maison qu'elle a achetée à Schoenbrunn, et s'occupe beaucoup d'une nièce fort jolie, qui a épousé un C-te Esterhazy, jeune homme assez aimable et fort riche.

Vienne n'est plus ce qu'elle étoit autrefois, sous le règne de l'Empereur Joseph, au tems où je me suis vû à la suite de V: M:. C'est bien le même local, les mêmes rues, les mêmes maisons, et celles-là n'ont ni diminué, ni augmenté; mais ce n'est plus le même ton, ce ne sont plus les mêmes sociétés, les mêmes spectacles: tout y est froid, monotone, languissant. Ce séjour, tel qu'il est à présent, ne peut véritablement plaire et convenir qu'à un âge aussi avancé que le mien, quand on ne cherche et qu'on ne connoit plus d'autres attraits que sa tranquillité et un climat temperé. M-me l'Archiduchesse Elisabeth, P-sse remplie d'ésprit et d'amabilité et qui à l'âge de 70 ans conserve une tournure à Elle et une vivacité pareille à celle de son frère Joseph II., me disoit dernièrement à un spectacle de société que le C-te Louis Cobenzl a donné le jour de St. Alexandre, vieux style, à sa campagne pour célébrer la fête de l'Empereur mon maître:—je désire que Vous soyez le troisième àmbassadeur de Russie, qui preniez racine à Vienne; vous n'y serez pas géné; un chacun y vit comme il veut, mais ne vous attendez pas à y trouver une cour, il n'y en a pas, ce n'est plus ce que c'étoit du tems de ma mère; on se rappelle d'elle toujours ici, et peut-être encore dans d'autres pays.

L'Empereur François est parti depuis quelques jours pour faire une tournée à Gratz, Laubach et Saltzbourg, c'est principalement pour y inspecter les tribunaux. Les regrêts qu'il donnoit à la perte de feue l'Imperatrice, sa femme,

sont entièrement calmés; on le dit fort amoureux de la jeune Archiduchesse, sa cousine germaine, qu'il va épouser; pour la prouver, on conte, qu'il se rase, et qu'il va la voir, ou lui écrit tous les jours. Ce mariage n'est plus un mystère, on en parle publiquement, il doit se faire déjà à la fin de Novembre à cause de l'impatience du Promis, et pour le declarer on attend seulement que les six mois après le déçès de feue l'Impératrice soyent écoulés.

J'ai été interrompu ici par le courrier de Bagration, qui m'a apporté la lettre de V: M: du 19 d'Aôut. Je suis bien faché que mon voyage m'a empéché de Lui donner regulièrement de mes nouvelles; d'après la nature de la commission de confiance, dont Elle m'avoit honorée, je puis me représenter les inquiétudes que Lui causoit mon silence, et j'y ai souvent songé avec peine; mais à présent Elle doit avoir entre Ses mains toutes mes lettres écrites de Merzericze, de Cracovie, et dans les premières semaines de mon séjour ici. Ma grande éxpédition faite avec le major de Thuylen lui sera déjà sans doute parvenue. Celle-là Lui attestera le zêle et l'activité que j'ai mis à me bien aquitter de Ses ordres, je ne Lui ai rien tû de tout ce que mon devoir et ma conscience me prescrivoient de porter à Sa connaissance; et j'ose me flatter que tout ce qu'Elle aura appris de moi l'empéchera de regretter qu'un certain projet dont nous nous sommes tant occupés avant mon départ de Pétersbourg, n'a pas été abordable et qu'il faut l'oublier.

Ce que j'apprends journellement m'oblige à Lui répéter, que si même il auroit pû réussir, jamais il n'auroit produit aucun des avantages que nous en attendions, quand nous n'en jugions que d'après des données générales et dans l'éloignement. Je supplie V: M-té de communiquer cette nouvelle conclusion que je fais à Son égard à M-me la Grande Duchesse Catherine, en me rappellant à Son souvenir et à Ses bontés avec tout cet attachement et ces voeux qu'Elle me connoit pour Elle, et qui ne changeront jamais.

J'avoue à V: M: que le P-ce Bagration m'embarrasse beaucoup en voulant que je lui envoye sa femme. Quelque soit le langage que j'employerai, je doute fort que j'y réussisse. Je ne l'ai plus trouvée ici; elle était déjà à Carlsbad, où le vieux Duc de Weymar s'est beaucoup occuppé d'elle; on m'a dit aujourd'hui, qu'elle veut par réciprocité aller le voir dans sa résidence, et qu'après y être restée un ou deux jours, elle retournera immédiatement à Vienne. Cappellini, qui est aussi son medecin, trouve son état de santé très alarmant; sa maladie consiste dans un grand derangement dans les intestins; elle en souffre à présent et doit en craindre de très mauvaises suites pour l'avenir. Je veux employer Cappellini pour m'aider à lui faire naître l'envie de ne plus apporter de délai à son retour en Russie. Mais je crains qu'elle ne nous écoutera pas; alors il faudra l'y forcer en coupant court au crédit qu'elle a pu se former ici et en ne lui envoyant plus d'argent. Il est très vrai qu'elle fait des dépenses extravagantes dont tout le monde s'étonne et rit; elle tient maison ouverte et donne des fêtes, sans y être forcée, et personne ne lui en a aucune obligation.

Disant tout à V: M:, je ne puis passer sous silence la conduite ridicule et vraiment impardonnable de Razoumoffsky envers moi. J'ai été en tout au devant de lui avec les procédés les plus délicats et les plus empressés; je ne demandais pas mieux que d'avoir à les lui continuer; mais comment y-a-t'il

repondu? Il n'est venu me voir que le lendemain de mon arrivée, et après ma troisième missive pour la lui annoncer. Depuis j'ai diné trois fois chez lui, sans qu'il ait jugé à propos de venir une seule fois chez-moi. Deux fois je l'ai invité à diner, sans qu'il ait voulu venir. Cependant je l'ai encore invité une troisième fois avec tous les Russes qui se trouvent ici, à un grand diner que j'ai donné pour celebrer la fête de S-t Alexandre, en marquant sur mes cartes que je faisois cette invitation à l'occasion de la fête de l'Empereur, mon Auguste Maître. Ce jour là 60 personnes ont diné chez moi. De nouveau il n'est pas venu, ce qui a été remarqué à son désavantage par tout le monde; la veille il revint d'une maison de chasse où il étoit, il m'écrivit un billet d'excuses très froid, et alla diner chez Mylord Pembrock, sans penser à la politesse qu'il auroit pu avoir de passer pour un instant chez moi, pour me dire lui même que le lendemain je ne devais pas le compter parmi le nombre de mes convives. Le jour de la S-t Louis, M-me de Rombeck donnoit une fête, où nous nous rencontrâmes; je l'abordai dès que je le vis, mais pendant la soirée, en parlant souvent à mes voisins, il ne me dit pas le mot et ne m'approcha pas. Ceci fut encore remarqué, et on l'en a blamé généralement. Après avoir reçu de lui trois refus, je ne m'exposerai pas à en recevoir d'autres; je ne l'inviterai plus, je n'irai plus chez lui quand même la fantaisie pourroit lui revenir de m'inviter encore. Je lui ai toujours connu de la morgue, mais jamais je n'en ai été l'objet, et je ne m'imaginais pas que ce seroit ici que j'aurois à le devenir. Les réminiscences qu'il doit avoir, et les dispositions que j'avais de ne lui témoigner que les plus grandes attentions, me donnoient le droit de m'attendre à une autre conduite et à d'autres égards de sa part. Je me crois audessus de tout ce qu'il peut faire d'irrégulier envers moi. Jamais je ne lui en montrerai de mauvaise humeur, il ne pourra pas la provoquer, et je me contente à trouver que s'il ne sait pas vivre et se conduire, que ce n'est pas de moi de le corriger, et tant pis pour lui.

Je ne m'étonne pas que V: M: malgré le beau tems, soit restée si peu cette année-ci à Péterhoff, car Elle avoit perdu deux mois de son séjour ordinaire à Pavlowskoé, et il étoit bien naturel à Elle de vouloir en jouir ensuite le plus qu'Elle pouvoit. J'ose lui demander, si le monument de feu l'Empereur est fort avancé, si la partie de boston a recommencé pendant les soirées de l'automne, si les bals du dimanche ont toujours lieu pour la jeune famille. Espérant que M-grs les Grands Ducs Nicolas et Michel et M-me la Grande Duchesse Anne ne m'ont pas encore entièrement oublié, j'ose prier V: M-té de daigner leur présenter mon respectueux hommage.

Sans le vouloir et bien contre mon gré, je suis toujours en faute, vis-à-vis de mon ancienne et très chère amie, M-lle de Nélidoff. Jusqu'á prèsent je n'ai pu encore lui écrire. Dix fois j'ai pris la plume à la main pour la faire, et toujours des incidens inattendus m'en ont empeché. Mais elle doit être trop sûre de mon attachement et de ma reconnaissance pour m'en vouloir; qui mieux qu'elle peut savoir que ce n'est pas mon coeur qui se tait envers elle; que mon silence ne vient que des circonstances et de mes occupations; et puis V: M-té lui communiquant comme je le crois mes lettres, elle y trouve tout ce que j'aurais eu à lui écrire sur mon compte. Je ne me trompe pas sans doute

en supposant qu'elle est restée avec deux ou trois dames de la communauté à Pavlovskoé, pendant le voyage de Péterhoff. J'éspère que sa santé est enfin entièrement rétablie, et qu'elle passe les mêmes heures de la journée près de V: M–té, comme par le passé. Parfaitement persuadé qu'elle aura pris une grande part à la paix de Tilsit, et après à mon avancement, je me formalise de ce qu'elle n'a pas voulu trouver un instant de loisir, pour me le dire en peu de mots elle même. J'y aurais été bien sensible; je l'aurais été tout autant que je le suis à l'indifférence qu'elle semble me témoigner au sujet de ces deux événemens, qui me regardent si particulièrement. V: M–té me faira une grace en daignant le lui dire.

Je demande pardon à V: M–té, de l'avoir fatiguée aujourd'hui par la lecture d'une aussi longue lettre que l'est celle–ci. Mais Elle connoit le premier besoin et la première des satisfactions de mon coeur, et en les Lui rappellant je Lui indique en même tems, ce qui a fait ma faute, et ce qui doit être mon excuse.

Je suis avec le plus profond respect.

XXVI.

Вѣна $\frac{2}{14}$ Сент. 1807.

Государыня.

Я получилъ разомъ два письма отъ В. И. В-ва, одно изъ Петергофа отъ 27-го Іюля, другое изъ Павловска отъ 3-го Августа. Лестныя выраженія благосклонности, коими они наполнены, вполнѣ осчастливили меня. По чувствамъ, побудившимъ меня написать В. В-ву мое письмо подъ N° 25. взывающее къ Вашему покровительству и помощи въ томъ, что̀ для меня всего дороже, Вы легко можете судить о радости, испытанной мною, при извѣстіи, предварившемъ мои ожиданія, объ особенной милости, которой удостоилъ меня Государь Императоръ, возводя меня въ чинъ перваго класса. Я узналъ объ этомъ лишь путемъ обыкновенной почты, черезъ частныя поздравленія, полученныя мною, и черезъ тѣ немногія строки, которыя соблаговолили написать мнѣ В. В-во. Но сознаюсь чистосердечно, что В. В-во, оставаясь при Вашемъ воззрѣніи на событіе, въ которомъ пришлось мнѣ участвовать и которое доставило мнѣ явное свидѣтельство высокаго одобренія моего Августѣйшаго Повелителя, тѣмъ самымъ отъимаете у меня бо̀льшую долю счастія, коимъ я долженъ былъ-бы теперь наслаждаться. Я описывалъ Вамъ послѣдовательно, съ полною точностію и безпристрастіемъ все то, чего былъ я свидѣтелемъ въ Тильзитѣ, все то, что̀ могъ я узнать изъ самыхъ источниковъ. Я по этому позволялъ себѣ надежду, что В. В-во прійдете къ иному мнѣнію, и убѣдитесь, что состояніе нашей арміи, нашихъ финансовъ, нашихъ силъ, что отступничество нашихъ союзниковъ и вообще всѣ наши обстоятельства повелительно и безъотлагательно требовали спасительнаго рѣшенія, къ которому пришелъ Государь Императоръ; что, упорствуя въ борьбѣ, въ коей вѣсы уже такъ видимо склонялись не въ нашу сторону, онъ только подвергъ бы опасности собственную свою славу, цѣлость и интересы своихъ владѣній; что наконецъ онъ не могъ сдѣлать ничего болѣе выгоднаго для Россіи, ничего, что̀бы болѣе соотвѣтствовало ея единодушнымъ желаніямъ. Нынѣшнее поколѣніе благословляетъ его, грядущія поколѣнія его благословятъ; да сохранитъ его Небо! Подъ сѣнію мира, пользуясь плодами его, онъ уготовитъ новыя судьбы для Россіи, и онѣ будутъ блистательны, когда ему удастся сдѣлать ее счастливою и спокойною внутри и страшною извнѣ и благодарность всѣхъ его подданныхъ, чающихъ отъ него этихъ великихъ судебъ, уже увеличиваетъ къ нему ихъ привязанность и любовь. Возможно-ли, что-бы В. В-во устояли противъ всѣхъ объясненій, безъ сомнѣнія Вами полученныхъ отъ Государя Импе-

ратора и отъ Великаго Князя Константина Павловича? Для меня лично крайне прискорбно, скажу болѣе, я не могу утѣшиться въ томъ, что В. В-во, которую я обожаю какъ мою благодѣтельницу, которой я поклоняюсь во всѣхъ ея чувствахъ, во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, настолько расходитесь со мною насчетъ вещей убѣдительныхъ и ясныхъ, повидимому не требующихъ долгаго обсужденія для того, чтобы объ нихъ установилось надлежащее мнѣніе. Но еще утѣшаюсь надеждою, что самыя событія оправдаютъ меня передъ В. В-омъ; Вы признаете тогда, что меня винить не въ чемъ, что я только былъ безпристрастенъ, и что твердость моихъ политическихъ правилъ дала мнѣ возможность судить о томъ, что̀ могло принести наибо̀льшую и самую прочную пользу интересамъ моего отечества. То, что̀ произошло на Средиземномъ морѣ, то, что̀ происходитъ теперь на Балтійскомъ и въ Зундѣ, возмущаетъ всѣ благородныя души, и должно разсѣять всѣ пристрастія, всѣ привычные предразсудки, какъ-бы ни были они сильны. Я никогда не былъ ни Англичаниномъ, ни Французомъ, я слишкомъ дорожу честью и благополучіемъ моей родины, чтобы быть тѣмъ или другимъ; я только Русскій, и лишь въ качествѣ Русскаго осмѣливаюсь я говорить съ В. В-вомъ съ такою полною откровенностію. То же, что̀ осмѣливаюсь я говорить Вамъ, я сказалъ-бы и передъ лицомъ Всевышняго, если-бы мнѣ теперь-же пришлось предстать предъ Нимъ.

Не могу простить себѣ той безпокойной поспѣшности, которая побудила меня написать В. В-ву мое письмо подъ № 25. Когда я писалъ его, все то, чего я желалъ, чѣмъ я хотѣлъ быть обязаннымъ В. В-ву, уже было мнѣ дано. Желанія мои были исполнены прежде, чѣмъ о нихъ узнали. Я не былъ забытъ, какъ я этого опасался. Государь Императоръ по собственному движенію оказалъ мнѣ милость, которую я хотѣлъ у Него выпросить. Я теперь сужу о себѣ съ тою строгостію, которую такъ часто оказывали мнѣ В. В-во, осуждаю себя за мое нетерпѣніе и за тѣ сомнѣнія, которыя оно могло во мнѣ возбудить, и тѣмъ болѣе имѣю я поводовъ къ радости и благодарности къ моему Повелителю за его благосклонность, за почетную милость, имъ мнѣ оказанную. Это послѣдняя изъ всѣхъ тѣхъ, которыя я могъ получить отъ него; но моя привязанность къ его особѣ и ревность къ его службѣ не нуждаются въ поощреніяхъ, и для меня будетъ достаточною наградою возможность постоянно выказывать эти чувства.

Я могъ надѣяться, что г. генералъ Будбергъ соизволитъ оказать мнѣ вниманіе (довольно обычное между лицами связанными подобно намъ непосредственными служебными отношеніями) оффиціяльнымъ сообщеніемъ о несовсѣмъ обычной милости, оказанной мнѣ Государемъ Императоромъ; и не только онъ этого не сдѣлалъ, но я до сихъ поръ не получилъ отъ него ни единой строки, ни-же копіи съ трактата, мною подписаннаго, о которой я, разставаясь съ нимъ въ Тильзитѣ, просилъ его настоятельно, ибо она мнѣ весьма нужна. Говорю объ этомъ В. В-ву лишь потому, что ничего отъ Васъ не скрываю, и, не жалуясь на эти поступки, которыхъ я, для виду, не долженъ замѣчать, умоляю В. В-во объ этомъ не говорить.

Я написалъ къ Герцогу Лудвигу, отсылая ему письмо Вашего Величества къ Герцогинѣ его супругѣ, и точно также къ Герцогу Евгенію, отправляя къ нему посылку отъ принца его сына. Герцогъ Фердинандъ почти постоянно живетъ въ Майдлингенѣ, мѣстечкѣ въ окрестностяхъ Вѣны, для поправленія своего здоровя; я два раза приглашалъ его обѣдать, но не имѣлъ чести видѣть его у себя; повидимому, непріятности его положенія наводятъ на него сильную грусть, и онъ тщательно избѣгаетъ выѣздовъ въ свѣтъ.

Эрцерцогина Беатриса, когда я былъ у нея принятъ, княгиня Лихтенштейнъ,

и графиня Шанкло, съ самымъ живымъ участіемъ говорили мнѣ о В. В-вѣ, и о своей къ Вамъ преданности. Двѣ первыя очень хорошо сохранились и мало измѣнились въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ видѣлъ. Что̀ касается до гр. Шанкло, то она очень пополнѣла и состарѣлась, впрочемъ она имѣетъ видъ счастливый и довольный. Она живетъ теперь въ очень красивомъ домѣ, купленномъ ею въ Шёнбруннѣ, и очень занята хорошенькою своею племянницею, вышедшею за мужъ за графа Эстергази, молодаго человѣка довольно любезнаго и очень богатаго.

Вѣна теперь уже не то, чѣмъ была прежде, въ царствованіе Императора Іосифа, въ то время когда я находился при свитѣ Вашего Величества. Это таже мѣстность, тѣ-же улицы, тѣ-же дома, и ихъ не убавилось и не прибавилось; но нѣтъ уже прежняго тона, прежнихъ обществъ, прежнихъ зрѣлищъ, все стало холодно, однообразно, безжизненно. Жизнь здѣшняя въ томъ видѣ, какой она приняла теперь, по истинѣ можетъ прійтись по вкусу и по нраву лишь въ мои преклонныя лѣта, когда не ищешь и не знаешь иныхъ удовольствій, кромѣ спокойствія и умѣреннаго климата. Эрцерцогиня Елисавета, принцесса, исполненная ума и любезности, не смотря на свои семдесять лѣтъ сохранившая своеобразный складъ ума и живость, напоминающую ея брата Іосифа II, говорила мнѣ недавно, на домашнемъ спектаклѣ, данномъ графомъ Лудвигомъ Кобенцлемъ на его дачѣ, въ день Св. Александра, по старому стилю (въ ознаменованіе имянинъ Государя Императора): „желаю, что-бы вы были третьимъ Русскимъ посланникомъ, пускающимъ корни въ Вѣнѣ; вы тутъ не будете стѣснены ни въ чемъ, всякій здѣсь живетъ, какъ хочетъ; но не ожидайте, что найдете здѣсь дворъ; его нѣтъ, теперь не то, что̀ во времена моей матери. Ее все еще вспоминаютъ здѣсь, а быть можетъ и въ другихъ странахъ.“

Императоръ Францъ уже нѣсколько дней какъ выѣхалъ въ Грацъ, Лайбахъ и Зальцбургъ, главнымъ образомъ для того, чтобы обозрѣть судебныя мѣста. Печаль его о покойной Императрицѣ совершенно успокоилась; говорятъ, что онъ очень влюбленъ въ юную Эрцгерцогиню, свою двоюродную сестру, на которой онъ женится; въ доказательство, разсказываютъ, что онъ ежедневно брѣется, и посѣщаетъ ее, или пишетъ къ ней. Этотъ бракъ уже не тайна, объ немъ открыто говорятъ; онъ долженъ совершиться въ концѣ Ноября, по нетерпѣнію жениха, и чтобы объявить о немъ, только ждутъ, чтобы прошло шесть мѣсяцевъ со смерти покойной Императрицы.

Тутъ меня прервалъ курьеръ отъ Багратіона, привезшій мнѣ письмо В. В-ва отъ 19-го Августа. Я крайне огорченъ тѣмъ, что мое путешествіе помѣшало правильному полученію моихъ писемъ. По свойству конфиденціяльнаго порученія, коего удостоили меня В. В-во, могу себѣ представить безпокойство, причиненное моимъ молчаніемъ, и я часто съ огорченіемъ думалъ объ этомъ; но теперь въ рукахъ В. В-ва должны находиться всѣ письма, посланныя мною изъ Мержерицы, изъ Кракова, и въ первыя недѣли моего пребыванія здѣсь. Мое большое письмо, отправленное съ майоромъ Тюиленомъ, конечно теперь уже дошло до Васъ. Оно засвидѣтельствуетъ о рвеніи и дѣятельности, приложенныхъ мною къ точному исполненію Вашихъ приказаній; я не умолчалъ ни о чемъ, что̀ по долгу и совѣсти я былъ обязанъ довести до свѣдѣнія В. В-ва; и смѣю надѣяться, что все сказанное мною отъиметъ у Васъ всякое сожалѣніе о томъ, что извѣстный проэктъ, которымъ мы столько были заняты до отъѣзда моего изъ Петербурга, оказался неисполнимымъ и что слѣдуетъ о немъ забыть.

То, что̀ я узнаю ежедневно, обязываетъ меня повторить В. В-ву, что даже если-бы онъ удался, никогда-бы изъ него не проистекли тѣ выгоды, коихъ мы

ожидали, судя издали, и по общимъ даннымъ. Умоляю В. В-во сообщить Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ это новое заключеніе, къ которому я прибѣгъ на Ея счетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить меня ея воспоминанію и Ея милостямъ, съ выраженіемъ той привязанности и преданности, которыя Ей извѣстны, и которыхъ ничто не измѣнитъ.

Признаюсь В. В-ву, что кн. Багратіонъ ставитъ меня въ большое затрудненіе своимъ желаніемъ, чтобы я прислалъ къ нему его жену. Какимъ языкомъ я ни говорилъ бы съ нею, сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Я не засталъ ея здѣсь; она была уже въ Карльсбадѣ, гдѣ старый герцогъ Веймарскій сильно занимался ею; сегодня мнѣ сказали, что она изъ признательности хочетъ посѣтить его въ его резиденціи, и что, пробывши тамъ день или два, она немедленно вернется въ Вѣну. Капеллини, который ее лѣчитъ, находитъ состояніе ея здоровья весьма опаснымъ; болѣзнь ея состоитъ въ значительномъ разстройствѣ кишокъ; она имъ страдаетъ теперь, и должна опасаться въ будущемъ весьма дурныхъ послѣдствій. Хочу воспользоваться Капеллини, чтобы внушить ей мысль не откладывать болѣе своего возвращенія въ Россію. Но боюсь, что она насъ не послушается; тогда нужно будетъ ее къ этому принудить, пресѣкая кредитъ, который она могла себѣ здѣсь составить, и не высылая ей болѣе денегъ. Совершенно справедливо, что она дѣлаетъ безумныя издержки, которымъ всѣ удивляются и смѣются; она держитъ открытый домъ и даетъ праздники, не будучи къ тому принуждена, и никто ей за это не благодаренъ.

Такъ какъ я говорю В. В-ву все, то не могу умолчать о смѣшномъ и поистинѣ непростительномъ поведеніи со мною Разумовскаго. Я во всемъ пошелъ къ нему навстрѣчу самымъ деликатнымъ и предупредительнымъ образомъ; я только и желалъ продолжать въ томъ-же смыслѣ наши отношенія; но какъ отвѣтилъ онъ на мою предупредительность? Онъ посѣтилъ меня лишь на другой день по моемъ пріѣздѣ, и послѣ третьяго моего о томъ извѣщенія. Съ тѣхъ поръ я три раза обѣдалъ у него, онъ-же не счелъ нужнымъ быть у меня ни разу. Два раза я приглашалъ его обѣдать, но не дождался его. Однакоже я пригласилъ его еще въ третій разъ, вмѣстѣ со всѣми Русскими здѣсь находящимися, на большой обѣдъ, который я далъ, чтобы отпраздновать день Св. Александра, причемъ въ приглашеніяхъ было сказано, что они разсылаются по случаю имянинъ Государя Императора. Въ этотъ день обѣдало у меня 60 человѣкъ. Опять онъ не пріѣхалъ, что̀, къ его невыгодѣ, и было замѣчено всѣми; наканунѣ онъ вернулся съ охоты, написалъ мнѣ извинительную записку, весьма холодную, и отправился обѣдать къ милорду Пемброку, не подумавши о томъ, чтобы изъ учтивости заѣхать ко мнѣ на минутку и сказать мнѣ лично, что я на другой день не долженъ расчитывать на его присутствіе въ числѣ моихъ гостей. Въ день Св. Лудвига, г-жа Ромбекъ давала праздникъ, на которомъ мы встрѣтились; я тотчасъ подошелъ къ нему, но въ теченіи вечера, часто говоря съ моими сосѣдями, онъ не сказалъ мнѣ ни слова и ни разу не подходилъ ко мнѣ. Это опять было замѣчено, и навлекло на него всеобщее порицаніе. Получивши отъ него три отказа, я не стану подвергать себя новымъ, я не стану болѣе приглашать его, и не стану къ нему ѣздить, даже если ему прійдетъ фантазія снова приглашать меня. Я всегда зналъ его спѣсь, но никогда ей не подвергался и не воображалъ, что мнѣ прійдется испытать ее здѣсь. Воспоминанія, которыя онъ долженъ хранить, и мое расположеніе оказывать ему во всемъ крайнее вниманіе, давали мнѣ право ожидать отъ него иного поведенія, иной предупредительности. Считаю себѣ выше всѣхъ неправильностей, которыя онъ можетъ себѣ позволить относительно меня. Никогда не покажу

я ему неудовольствія, да онъ и не можетъ возбудить его во мнѣ; я довольствуюсь тѣмъ, что нахожу, что онъ не умѣетъ жить и обращаться съ людьми, и тѣмъ хуже для него.

Я не удивляюсь тому, что Ваше Величество, несмотря на хорошую погоду, такъ мало прожили въ этомъ году въ Петергофѣ, ибо Вы пропустили два мѣсяца Вашего обычнаго пребыванія въ Павловскѣ, и естественно пожелали за тѣмъ какъ можно долѣе насладиться имъ. Осмѣливаюсь спросить Васъ, подвигается-ли памятникъ покойному Государю, возобновилась-ли по осеннимъ вечерамъ бостонная партія, все-ли происходятъ по воскресеньямъ балы для юнаго семейства. Надѣясь, что Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи и Великая Княжна Анна Павловна еще не совсѣмъ забыли меня, смѣю просить Ваше Величество передать имъ мой почтительнѣйшій поклонъ.

Противъ воли и желанія, я все еще виноватъ противъ моего стариннаго и дорогаго друга Е. И. Нелидовой. До сихъ поръ, я не могъ еще написать ей. Разъ десять, я бралъ въ руки перо, чтобы это сдѣлать, и каждый разъ мнѣ мѣшалъ какой-либо неожиданный случай. Но она должна быть слишкомъ убѣждена въ моей привязанности и въ моей признательности, чтобы сѣтовать на меня. Кто лучше ея можетъ знать, что сердце мое не участвуетъ въ этомъ молчаніи; что оно лишь слѣдствіе занятій и обстоятельствъ, а за тѣмъ В. В-во, какъ полагаю я, сообщаете ей мои письма, и она находитъ въ нихъ все то, что я могъ-бы написать ей о себѣ. Я конечно не ошибаюсь, предполагая, что во время путешествія въ Петергофъ, она оставалась въ Павловскѣ съ двумя-тремя монастырскими дамами. Надѣюсь, что ея здоровье наконецъ совершенно поправилось, и что она проводитъ съ В. В-вомъ тѣ-же часы, какъ и въ прежнія времена. Совершенно убѣжденный въ томъ, что она приняла самое живое участіе въ Тильзитскомъ мирѣ и затѣмъ въ моемъ повышеніи, я обижаюсь тѣмъ, что она не удосужилась сама сказать мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ. Я былъ-бы очень чувствителенъ къ такому вниманію; настолько-же, насколько я чувствителенъ къ равнодушію, которое она повидимому выказываетъ относительно этихъ двухъ событій, столь близко касающихся меня. В. В-во крайне одолжите меня, передавъ ей это.

Прошу извиненія у В. В-ва въ томъ, что утомилъ Васъ сегодня чтеніемъ столь длиннаго письма. Но вамъ извѣстны первая потребность и первое счастіе моего сердца; напоминая о нихъ, я указываю въ одно время и на источникъ моей вины, и на поводъ къ извиненію. Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ, и т. д.

XXVII.

á Vienne le $\frac{\text{23 de Septembre,}}{\text{(5 d'Octobre)}}$ 1807.

Madame,

J'éxpédie aujourd'hui en courrier le jeune Schilling, neveu de feue m-me de Benkendorf, en cédant aux instances qu'il m'en a faites pour arriver plutôt à Pétersbourg, où il va chercher sa soeur, élévée par la générosité et sous les auspices de V: M: I:; et c'est lui que je charge de cette lettre. Je viens de recevoir celle dont V: M: m'a honoré en date du 25 d'Août; je la suppose écrite au Palais Taurique, et non à Pavlovskoé, puisqu'Elle daigne me dire, qu'après s'en être occupée Elle va voir entrer les gardes. Je suis d'autant plus sensible à ce témoignage de grande bonté de Sa part, qu'Elle a bien-voulu me l'accorder en m'écrivant dans un moment, où Elle étoit pressée et ne pouvoit disposer de Son tems à volonté. Mais ce qui m'afflige, ce qui augmente mes inquiétudes jusqu'à ce que j'aurai appris d'Elle-même, comment Elle envisagera tout ce que j'ai eu l'hon-

neur de lui dire, avec des détails aussi clairs que positifs, dans ma lettre du $\frac{13}{25}$ d'Août; c'est que V: M: ayant été satisfaite de mes premières nouvelles d'ici, l'attente que celles-là semblent lui avoir données, sur ces informations qu'Elle avoit encore à recevoir de moi, n'a pû être remplie.—Ce que j'ai dû Lui dire n'étoit certainement pas ce que je désirois, ni ce qui pouvait répondre au désir et à l'attente de V: M-té et à ceux de M-me la Grande Duchesse. Mais j'avois à Les informer de la vérité, telle que j'ai pû la connoître; tout m'en imposoit le devoir, et je m'en suis acquitté. Quand même j'aurois été en état de Lui présenter un tablean plus agréable, la démarche que j'avois à soigner ne pouvant plus être faite à propos, n'auroit pû que compromettre sans aucun succès quelconque; car j'ai la preuve qu'avant mon arrivée, et d'abord après le refus de la Princesse de Saxe, le choix de l'Empereur s'étoit déjà fixé sur sa cousine germaine la jeune Archiduchesse Béatrix. — On prétend qu'il en est fort amoureux, et ce mariage, d'après son caractère, et ses habitudes connues, et par quantité de considérations de famille, doit lui convenir plus que tout autre. Puisqu'il faut donc renoncer au projet que son veuvage avoit fait naître pour l'établissement de M-me la Grande Duchesse, ce n'est pas selon moi une raison pour revenir à l'un des deux projets antérieurs, formés pour Elle, car ayant fait la connaissance personnelle des deux Princes, de Bavière et de Prusse, j'ai pris la liberté de représenter à V: M: de Tilsit, qu'indépendament de l'inconduite envers la Russie du père du premier d'entr'eux, et du peu de fortune du second, leurs extérieurs et leurs qualités morales ne sont pas tels, qu'ils puissent être dignes de la main d'une Princesse aussi accomplie, et encore moins lui plaire et mériter les sentimens de son coeur. L'Archiduc Jean, quatrième frère de l'Empereur, est d'une figure si intéressante et si agréable, il a tant de belles qualités, il est si aimable, et s'applique tant au métier qu'il a embrassé, il fixe tant l'affection et l'éspérance générale du public, que s'il avoit déjà un sort pareil à celui de ses frères ainés les Archiducs Charles et Joseph, ou, si on pouvoit lui en former un, qui le rendit plus indépendant en assurant le bien-être de sa postérité, j'ose croire, qu'alors il n'y auroit pas de Prince en Europe qui par sa naissance, sa figure et ses qualités solides et aimables, put convenir autant à M-me la Grande Duhesse Catherine et être plus digne d'elle que lui. Je n'ose en parler qu'il cause du voeu ardent que je forme à chaque instant que M-me la Grande Duchesse puisse enfin être établie, et qu'elle doive aux soins maternels de V: M: ce bonheur parfait et durable, auquel personne n'a plus de droits qu'elle.

En suppliant V: M: de me rappeller aux bontés de M-gr le Grand Duc Constantin et de M-me la Grande Duchesse Catherine et de faire mes compliments à m-mes de Liewen et de Nélidoff, je Lui renouvelle l'assurance de l'attachement sans bornes et du profond respect avec lesquels je suis etc.

XXVII.

Вѣна 23 Сент. 1807.
5 Окт

Государыня.

Я сегодня посылаю курьеромъ молотаго Шилинга, племянника покойной г-жи Бенкендорфъ, уступая его просьбамъ о доставленіи ему возможности быть поскорѣе въ Петербургѣ, куда онъ ѣдетъ за сестрою, воспитанной щед-

ротами и подъ покровительствомъ В. В-ва, и ему поручаю я это письмо. Я только что получилъ то, коего удостоили меня В. В-во отъ 25-го Августа: предполагаю, что оно написано изъ Таврическаго Дворца, а не изъ Павловска, ибо Вы изволите говорить, что, окончивши его, Вы будете смотрѣть разводъ. Я тѣмъ болѣе чувствителенъ къ этому свидѣтельству Вашей ко мнѣ милости, что В. В-во соизволили оказать мнѣ его въ минуту, гдѣ Вы были заняты и не могли располагать вполнѣ своимъ временемъ. — Но что̀ меня огорчаетъ, что̀ увеличиваетъ мое безпокойство, пока я не узнаю отъ Васъ самой Вашего воззрѣнія на все, что̀ я имѣлъ честь сказать Вамъ, съ полною подробностію и ясностію въ письмѣ моемъ отъ $\frac{1}{2}\frac{3}{5}$ Августа, это то, что В. В-во, оставшись довольны первыми извѣстіями, мною посланными, могли основать на дальнѣйшихъ ожидаемыхъ отъ меня свѣдѣніяхъ надежды, которыя не сбылись. То̀ что̀ я долженъ былъ сказать Вамъ, конечно не было тѣмъ, чего я желалъ, ни тѣмъ, что̀ могло соотвѣтствовать желаніямъ и надеждамъ, какъ В. В ва, такъ и Государыни Великой Княжны. Но мнѣ приходилось писать Вамъ истину, на сколько я могъ ее узнать; все налагало на меня эту обязанность, и я ее исполнилъ. Даже если бы я былъ въ состояніи представить В. В-ву картину болѣе пріятную, шагъ, мнѣ порученный, могъ-бы только уронить насъ, не приводя ни къ какому успѣху; ибо я имѣю доказательства тому, что до моего пріѣзда и тотчасъ послѣ отказа принцессы Саксонской, выборъ Императора уже остановился на его двоюродной сестрѣ, молодой эрцгерцогинѣ Беатрисѣ. — Увѣряютъ, что онъ оченъ влюбленъ, и этотъ бракъ, судя по его характеру и по извѣстнымъ его привычкамъ, и въ силу многихъ семейныхъ соображеній, долженъ быть ему по сердцу болѣе всякаго другаго. Но если нужно слѣдовательно отказаться отъ плана, вызваннаго для Великой Княжны вдовствомъ Императора, то это не есть, по моему мнѣнію, причина, чтобы вернуться къ одному изъ двухъ прежнихъ, сдѣланныхъ для нея предположеній; ибо, познакомившись лично съ двумя принцами, Баварскимъ и Прусскимъ, я осмѣлился представить В. В-ву изъ Тильзита, что независимо отъ дурнаго поведенія относительно Россіи отца перваго изъ нихъ, и отъ малаго состоянія втораго, ихъ наружность и ихъ нравственныя качества не таковы, чтобы они могли считаться достойными руки столь прелестной принцессы, и еще менѣе понравиться ей и заслужить ея привязанность. Эрцгерцогъ Іоаннъ, четвертый братъ Императора, имѣетъ лицо столь интересное и пріятное, у него столько прекрасныхъ качествъ, онъ такъ любезенъ, и такъ дѣятеленъ по той части, которую онъ избралъ, онъ настолько сосредочиваетъ на себѣ вниманіе и надежды общества: что еслибы онъ имѣлъ уже положеніе, подобное занимаемому его старшими братьями, эрцгерцогами Карломъ и Іосифомъ, или, если-бы ему можно было доставить таковое, дѣлающее его независимымъ черезъ обезпеченіе его потомства, — то смѣю думать, что тогда не нашлось-бы принца въ Европѣ, который по рожденію, по наружности, по своимъ основательнымъ и любезнымъ качествамъ могъ-бы болѣе понравиться Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и быть болѣе ея достойнымъ. Смѣю говорить о немъ лишь въ силу пламеннаго и постояннаго моего желанія видѣть Великую Княжну наконецъ пристроенною, и обязанною материнскимъ попеченіямъ В. В ва тѣмъ полнымъ и прочнымъ счастіемъ, на которое никто болѣе ея не имѣетъ правъ.

Умоляя В. В-во поручить меня милостямъ Великаго Князя Константина Павловича и Великой Княжны Екатерины Павловны и передать мой поклонъ графинѣ Ливенъ и Е. И. Нелидовой, повторяю увѣренія въ безграничной преданности и глубочайшемъ почтеніи, и т. д.

XXVIII

à Vienne, le $\frac{27 \text{ de Septembre}}{(9 \text{ d'Octobre})}$ 1807

Madame,

Le courrier qui m'a été éxpédié pour me porter la reponse, dont V: M: I-le m'a honorée en date du 4 de Septembre à ma lettre du 13 d'Août, est arrivé et me l'a remis hier. Ce que je craignois tant d'avance, s'est donc éffectivement accompli. Toutes les éxplications que j'ai eu a faire, tous les détails dont j'ai instruit V: M:, n'ont pû être accueillis par Elle et par M-me la Grande Duchesse Catherine comme j'avois à le souhaiter! Mais en tout ce que je Lui ai dit, je n'ai parlé que d'après le devoir de ma conscience, que d'après mon attachement pour V: M: et Son auguste famille, que d'après la plus éxacte vérité, que d'après tout ce que j'ai vu, entendu et pu juger moi-même; et j'ose répéter encore une fois que très certainement la non-réussite du projet que j'avais à soigner n'est pas à regretter. Je ne disconviens pas que nous connaissions déjà à Pétersbourg les principaux traits du caractère, des qualités, et des habitudes de l'Empereur François; mais leur impression sur nous dans l'éloignement ne pouvoit pas être celle qu'ils ont produits sur moi ici, quand je les ai connus de plus près et plus particulièrement. Je suis persuadé que M-me la Grande Duchesse n'auroit pas éprouvé d'autres sentimens, et n'auroit pas vu avec d'autres yeux que moi.—L'assiduité et la nature des soins auxquels elle avoit à se vouer, l'insipide monotonie de l'emploi de son tems, la mesquinerie du service et des objets qui l'eussent entourée, n'auroient jamais pû la satisfaire et la rendre heureuse. J'en ai la conviction et ne puis penser autrement. Il est très vrai que si les circonstances m'avoient permis d'arriver ici deux mois plutôt, que j'aurais trouvé alors le choix de l'Empereur François encore non déterminé, et que peut être j'aurois eu la possibilité de lui remettre la lettre de V: M: I-le, mais quand même je l'eus fait, la question de la religion Grecque, toute neuve pour les souverains de l'Autriche, auroit été inabordable, je le sais par toutes les informations que j'en ai prises; et si même par le plus grand et le plus inattendu des hazards, elle eut pû être applanie, ce que je ne crois pas, je reviens toujours à soutenir que la personne et les habitudes de François I-er ne pouvoient convenir à M-me la Grande Duchesse, et que son hymen avec lui, en l'enlevant au bonheur que le coeur maternel de V: M: désire lui procurer, n'auroit eu qu'à lui faire exercer journellement les efforts de sa raison.

L'Empereur François est décidement fort amoureux de sa promise, et j'ai eu l'honneur de le dire déjà à V: M-té. Rien ne le prouve mieux, que les grandes dépenses dont il s'est chargé pour former son trousseau, malgré son goût connu pour l'épargne, et le propos qu'il doit avoir tenu souvent, qu'en se mariant pour la troisième fois il devoit avouer, que les deux premières fois il ne l'avoit été que par la politique, et que ce n'étoit que cette troisième fois qu'il alloit se marier par le choix et le voeu de son propre coeur. La jeune Archiduchesse Béatrix doit être véritablement fort intéressante, ayant de l'esprit, de l'instruction, et beaucoup de fraicheur et d'agrément dans sa figure. Son éducation a été fort austère, et c'est au point qu'elle n'a jamais paru en public et n'a pas même été à aucun spectacle jusqu'à présent, et on prétend que cette innocence parfaite de sa part

lui subjugue encore davantage l'Empereur. V: M–té peut conclure de là, s'il est possible de le décider à rompre un engagement aussi avancé, et s'il peut m'être convenable, avec cette grande certitude de ne pas réussir, de tenter à cet effet des insinuations, ou des démarches quelconques, quelque bien amenées qu'elles puissent être? Il ne nous reste qu'à condamner à un oubli profond l'existence de ce projet, auquel j'ai été un des premiers à me complaire, tant que je n'ai pas été sur les lieux où il avoit à s'accomplir.

Il n'y a pas de doute que tout engage V: M: et S: M: l'Empereur, Son fils, à avoir d'autres vues pour l'établissement de M–me la Grande Duchesse Catherine. Ne pouvant contredire aux raisons de la répugnance que M–me la Grande Duchesse a d'accorder sa main au P–ce Royal de Bavière, et ne le trouvant pas moi–même assez aimable pour Elle, quoiqu'il soit doué d'un excellent coeur et qu'il est déstiné à devenir un des plus puissants souverains de l'Allemagne, je m'arrête aux trois Princes que V: M: daigne me nommer comme ceux qu'Elle juge être dignes de M–me Sa fille et pouvoir maintenant lui convenir. Je ne manquerai pas de prendre sur chacun d'eux les renseignemens les plus vrais et les plus détaillés; les notions que j'ai à rassembler sur le P–ce Royal de Würtemberg me seront les plus difficiles; mais en attendant, V: M–té me permettra de Lui émettre éxposées sur le compte de ces Princes mes reflexions suivantes.

Le P–ce Royal Son neveu a sans doute le sort le plus brillant d'entr'eux; on loue sa figure et son ésprit, mais je ne puis supposer que dans ses goûts et ses principes il soit ausse pûr et aussi sévère que les deux archiducs. La passion qu'il a euë pour la D–lle Abel, son opiniâtreté à vouloir l'épouser, la conduite peu régulière qu'il a tenue envers le roi son père me donnent cette opinion, et puis son alliance éloigneroit trop M–me la Grande Duchesse de son pays natal, et ne seroit pas aussi utile et conforme aux interêts politiques de la Russie que celle de la maison d'Autriche.

Le jeune Archiduc Ferdinand, avec cette belle réputation de bravoure qu'il s'est acquise pendant la campagne de 1805, avec toutes ses qualités distinguées, et même avec cet éxtérieur agréable qu'il doit avoir, n'est que le second de la branche de troisième géniture de sa famille, n'a pas de fortune, n'a aucun appanage, n'a d'autres ressources que celles que lui offre le service qu'il a embrassé, et ne peut jamais aspirer à être aussi bien traité que peuvent l'être les archiducs frères de l'Empereur.

C'est l'archiduc Jean seul, je l'avouë, qui est l'objet de mes voeux, parceque d'après l'impression qu'il a produit sur moi, quand il m'a donné audience, j'ai la persuasion que sa beauté mâle et son amabilité peuvent lui mériter le coeur de m–me la Grande Duchesse, autant qu'il est digne de sa main par son mérite et sa naissance. Je suis enchanté de voir que le bien, que je n'ai pû m'empêcher d'en dire déjà, a pû lui attirer l'attention de V: M: et celle de l'Empereur mon maître. Je le suis d'autant plus que dans ma dernière lettre à V: M: j'ai pris la liberté de le lui recommander, comme le plus digne, selon moi, d'entre tous les jeunes princes de l'Europe qui peuvent prétendre à présent à l'honneur d'épouser M–me la Grande Duchesse Catherine.

Pour que ce souhait ardent que je forme pour elle ne reste pas aussi cette fois inutile et sans effet, et pour satis–

faire d'une manière sûre aux questions que V: M: m'a faites sur le sort futur, qui peut être accordé à l'Archiduc Jean, désirant d'y contribuer de mon mieux, et ayant bien reflêchi aux moyens que je pouvois en avoir, j'ai trouvé qu'il falloit absolument que ceux là fussent soutenus par le zêle et la bonne volonté du c-te de Stadion, et je me suis décidé à m'ouvrir confidentiellement envers lui. Voici comment je l'ai fait.

Je lui ai demandé pour ce matin un entretien particulier. Après avoir glissé pour la forme sur differents événemens diplomatiques, j'allai droit à mon but en lui disant que j'avois à lui faire un aveu, auquel il ne s'attendoit pas, mais qui lui seroit la plus forte preuve de la grande confiance que je place en lui, et de ma sollicitude personnelle à resserer encore plus les liens de l'alliance et de l'intimité qui subsistent entre nos deux Empires; qu'en tout ce que j'avois à lui communiquer je n'agissais que de mon chef, de mon propre mouvement et qu'il seroit seul à le savoir; que je désire vivement apprendre de lui ce qu'il peut penser d'une idée qui m'est venue, que je n'ai encore fait connoître à personne, et qui ne cesse de m'occuper, parceque je la crois également avantageuse à la Russie et à l'Autriche; que s'il l'approuve et en porte le même jugement que moi, qu'alors j'éspère qu'il m'assistera avec zêle pour la réaliser, et qu'il m'accordera préalablement ses conseils pour la fixer dans le vague où je la tiens encore; que je lui avoue, qu'en venant ici, je me livrais à l'éspoir que par son entremise je pourrais engager l'Empereur à demander en mariage M-me la Grande Duchesse Catherine, dont il connoit lui-même les belles qualités et les perfections, mais que bientôt après mon arrivée j'avois dû y renoncer avec le plus vif regret, ayant eu le chagrin de savoir que l'hymen de l'Empereur étoit finalement arrangé avec la jeune Archiduchesse, sa cousine germaine; que j'avais longtems hésité, et qu'enfin je m'étois décidé à ne pas le lui cacher, en le priant de me dire avec la même franchise, et sous le sceau du secret, si un des Archiducs ne pourroit pas remplacer l'Empereur, et quel seroit celui d'entr'eux qui par son établissement et son mérite pouvoit le plus espérer que M-me la Grande Duchesse pût lui être accordée. Après avoir compléttement abondé dans mon sens et dans mon désir, et après s'être étendu en témoignages de reconnaissance pour mes dispositions favorables envers l'Autriche, il me répondit qu'il croyoit que l'union avec l'Empereur auroit rencontré des difficultés pénibles, et peut-être insurmontables à cause de la difference de religion (ce que je savois avant lui) et qu'il alloit me nommer l'un après l'autre tous les Archiducs afin que nous puissions nous concerter ensemble sur celui d'entr'eux qui nous parroitroit le plus conforme à nos intentions communes.

Au nom de l'Archiduc Ferdinand, grand duc de Wurtzbourg, je dis que depuis longtems le bruit circuloit qu'il alloit se remarier, et qu'il me sembloit que son âge n'approchoit pas assez de celui de M-me la Grande Duchesse.

Au nom de l'Archiduc Palatin, dont il prétendoit connoître la prédilection particulière pour M-me la Grande Duchesse depuis son dernier séjour à Pétersbourg, je dis que les rites de notre Eglise ne permettoient pas que deux soeurs épousassent le même mari.

L'Archiduc Antoine, déjà grand-maître de l'ordre Teutonnique, nous le passâmes malgré la probabilité de la sécularisation prochaine de sa principauté.

Enfin nous nous arrêtames à l'Archiduc Jean, dont la figure et les qualités sont si distinguées; il donna des éloges à son caractère, à son application, à sa douceur, à ses principes, en ajoutant que tous les enfants de l'empereur Léopold avoient été très bien élevés, qu'ils avoient tous de l'instruction et beaucoup de religion. C'est beaucoup, mais ce n'est pas tout, lui repondis-je; quel est son sort actuel, quel est l'établissement qu'on pourra lui donner à l'occasion de son mariage, quel sera le bien-être qu'il pourra assurer à sa postérité, car ce n'est pas avec sa pension actuelle du $^{24}/_{T.}$ fl., qu'il pourroit se présenter pour devenir l'époux d'une Grande Duchesse de Russie?—Le traitement ordinaire d'un Archiduc qui s'établit, dit Stadion, est de 50 à 60 mille florins par an.—Cette somme là, repliquai-je, est aussi bien insuffisante; mais entre les regles de l'arithmétique ne compte-t'on pas la multiplication, et ne pourroit on pas l'employer dans ce cas?—Oh, oui, et même en triplant ces $^{50}/_{T.}$ fl:, me repondit Stadion.—Fort bien, dis-je, un revenu de $^{150}/_{T.}$ fl: pourroît être acceptable, mais il faudroit y réunir une place de gouverneur-général avec une résidence agréable et convenable, car le jeune couple seroit gené et ne pourroit pas se considérer bien établi en ne quittant jamais Vienne; et qu'il me sembloit qu'on pourroit choisir à cet usage la Bohème, et que l'Archiduc y resideroit à Prague, ou les deux Gallicie, et qu'il pourroit y habiter Lemberg ou Cracovie; que je trouvois pour lui le séjour de Prague préférable à cause du grand et beau château qui s'y trouve, mais que lui et M-me la Grande Duchesse préfereroient peut-être celui de Lemberg à cause du voisinage de la Russie. Le c-te Stadion m'objecta que depuis la perte des Pays-Bas et du Milanez l'Empereur n'avoit plus de places de gouverneurs-généraux à distribuer, et qu'il seroit embarrassé pour en créer une nouvelle, parceque toutes les provinces qui composent à présent la monarchie Autrichienne sont reunies en un seul et même corps et assujeties à une seule et même administration; et qu'au reste que l'archiduc Charles avoit déjà prouvé l'intérêt qu'il prenoit au sort de ses frères en cedant volontairement la grande maitrise de l'ordre Teutonique à l'archiduc Antoine, et qu'il ne me parroissoit pas probable, que lui, étant généralissime et ministre de la guerre et de la marine, s'opiniâtre à ne pas céder à un autre de ses frères le poste purement honorifique de gouverneur-général de la Bohême en faveur de l'occasion, si favorable aux intérêts de la maison d'Autriche pour laquelle on pourroit lui demander cette céssion; qu'il dépendoit uniquement de la volonté de l'Empereur de limiter l'autorité du nouveau gouverneur-général, et de la constituer de façon qu'elle n'intervertisse pas la marche qu'il avoit établie pour l'administration uniforme de ses états; et qu'il me parroissoit que ce mariage que nous projettions pour l'archiduc Jéan ne pouvoit avoir lieu, qu'autant qu'on lui auroit accordé une pension, qui ne fut pas audessous de $^{150}/_{m}$ flo: dont il m'a fait mention, un grand gouvernement et une autre résidence que Vienne. Stadion finit par se ranger de mon avis sur tous ces points, en m'assurant de l'empressement qu'aura son maître de cimenter davantage son alliance avec la Russie, en fesant épouser à son frère M-me la Grande Duchesse, et qu'il étoit persuadé d'avance du plaisir avec lequel il voudra arranger le mariage de l'archiduc Jéan, en améliorant son sort dès que Stadion

lui en feroit la proposition de lui-même, qu'il ne vouloit pas en écrire à l'Empereur, qui retourne de Saltzbourg avant 15 jours, mais qu'il lui en parleroit avec instance, et comme d'une idée de sa part, d'abord après son retour; que ce ne seroit qu'à son premier travail qu'il pourra connoître la décision de l'Empereur sur la manière de donner cours à l'idée du mariage de l'archiduc Jéan, et surtout ce qu'il jugeroit à propos de faire pour améliorer son sort et lui donner un établissement convenable; qu'alors il m'en instruiroit pour que j'y fasse de nouvelles remarques, si elles me paraitraient nécéssaires; qu'il n'y avoit rien de plus aisé, que d'envoyer l'hyver prochain l'archiduc à Pétersbourg, qu'on pourroit trouver plusieurs prétêxtes plausibles pour ce voyage; mais qu'il lui sembloit impossible qu'il ne dévinat pas le but, pour lequel on l'y forçait aller, et qu'en attendant, il se permettoit de désirer que je puisse sonder sur cette idée V: M: et savoir d'avance quelles seront à son égard Son opinion et Ses dispositions, de même que celles de S: M: l'Emereur mon maître. Je lui ai promis de le faire, mais très légérement et pas autrement qu'avec les plus grands ménagemens par le respect que je suis accoutumé d'observer dans toutes mes relations avec V: M: I. Il m'a fait aussi de grandes instances pour que j'engage V: M: à ne pas dire un mot de ce projet qu'il formoit avec moi à l'Archiduc-Palatin, qu'il devoit absolument l'ignorer, et que s'il l'apprenoit qu'il tacheroit certainement d'en entraver l'accomplissement. Quand je lui marquai mon étonnement qu'il ne me nommoit pas aucun des trois archiducs, fils de feu l'archiduc Ferdinand, il me répondit qu'en convenant de toutes les bonnes qualités dont ils étoient doués, il ne les croyoit pas en état d'être comptés parmi ceux qui peuvent espérer la main de M-me la Grande Duchesse, que l'archiduc François, l'ainé d'entr'eux, a perdu le Brisgau qui avoit été devolu à son père comme une indémnité pour le duché de Modène; que pas un d'eux ne possédoit de grands biens ou de grands revenus, et que jamais aucun d'eux n'auroit le moyen et le droit d'obtenir tout ce que l'Empereur pourroit accorder pour l'établissement d'un de ses frères, et qu'étant fils et frères d'Empereurs ils sont plus rapprochés du Trone, et jouissent du titre d'Altesses Imperiales que les autres n'ont pas.

En éxécutant les ordres de V: M:, je Lui restitue ci-joint Sa lettre autographe à cachet volant, déstinée pour François I-er, que j'avois conservé en dépot chez moi, depuis que l'Empereur mon maitre a daigné me la confier à Tilsit.

J'ai été tellement animé par le sentiment qui m'attache à V: M: et à M-me la Grande Duchesse, qu'insensible à la fatigue du corps, et sans ménager mes yeux, je n'ai pas quitté mon bureau depuis du soir jusqu'à sept heures du matin pour achever d'emblée cette lettre, qui contient le rapport détaillé de tout ce que j'ai pû déjà faire, ayant appris Ses dernières intentions, pour La tranquilliser et pour servir de mon mieux M-me la Grande Duchesse Catherine. Il n'y a rien que je ne fasse pour lui prouver le vif intérêt qu'elle m'inspire, et que je prends à son bonheur; je chéris en elle le souvenir, le génie et les traits de la physionomie de feu l'Empereur mon Bienfaiteur.

Je serai parfaitement heureux, si V: M: ne sera pas mécontente de la prétendue confidence que j'ai crû devoir faire à Stadion et de la tournure dont je l'ai enveloppée; et si Elle daigne me

dire, que dans tout ce que j'ai fait et dit, j'ai pû mériter Son approbation. Il n'y a pas d'événement dans ma vie où Sa bienveillance ne m'ait été et ne me soit nécéssaire pardessus tout.

Je suis avec le plus profond etc.

XXVIII.

Вѣна $\frac{27\ \text{Сент.}}{9\ \text{Окт.}}$ 1807.

Государыня,

Курьеръ, отправленный съ отвѣтомъ, коего удостоили меня В. И. В-во отъ 4-го Сентября на письмо мое отъ 13-го Августа, прибылъ сюда вчера. И такъ, то, чего я напередъ боялся, сбылось на дѣлѣ! Всѣ объясненія, которыя я долженъ былъ представить, всѣ подробности, сообщенныя мною В. В-ву, не имѣли желаннаго дѣйствія ни на Васъ, ни на Великую Княжну Екатерину Павловну! Но во всемъ, что̀ я сказалъ, я руководствовался только долгомъ моей совѣсти, только моею преданностію къ В. В—ву и Вашему Августѣйшему семейству, только точною истиною, только тѣмъ, что̀ я видѣлъ, слышалъ и могъ обсудить лично; и смѣю повторить еще разъ, что неудача проэкта, мнѣ порученнаго, не должна возбуждать сожалѣнія. Я не отрицаю, что уже въ Петербургѣ намъ были извѣстны главныя черты характера, качествъ и привычекъ Императора Франца, но впечатлѣніе произведенное ими на насъ издали, не могло быть тѣмъ-же, какое я получилъ здѣсь, когда я узналъ ихъ вблизи и болѣе подробно. Я убѣжденъ, что Великая Княжна не испытала-бы иныхъ чувствъ, и не посмотрѣла-бы на дѣло иными глазами, чѣмъ я. — Усидчивость и свойство заботъ, которымъ Она должна была-бы посвятить себя, скучное однообразіе, въ которомъ протекало-бы Ея время, скудость окружающаго Ее штата и обстановки, никогда не могли-бы удовлетворить Ее и дать Ей счастіе. Я въ этомъ убѣжденъ и иначе думать не могу. Конечно, если-бы обстоятельства позволили мнѣ прибыть сюда двумя мѣсяцами раньше, пока выборъ Императора Франца еще не опредѣлился, я быть можетъ имѣлъ-бы возможность передать ему письмо В. В—ва, но даже если- бы я это сдѣлалъ, вопросъ о православномъ исповѣданіи, совершенно новый для Австрійскихъ монарховъ, остался-бы неприступнымъ: я это знаю по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, и если даже, сверхъ всякаго чаянія, его удалось бы уладить, чего я не предполагаю, я все таки возвращаюсь къ выраженному мною мнѣнію, что личность и привычки Франца I-го не могли прійтись по сердцу Великой Княжнѣ и что Ея бракъ съ нимъ могъ-бы только лишить Ее счастія, которое желаетъ Ей доставить материнское сердце В. В—ва, обрекъ бы Ее лишь на ежедневныя усилія разума.

Императоръ Францъ рѣшительно очень влюбленъ въ свою невѣсту, и я уже имѣлъ честь говорить объ этомъ В. В—ву. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ значительныя издержки, производимыя имъ для ея приданаго, не смотря на извѣстную его бережливость, и часто, какъ говорятъ, повторяемое имъ изрѣченіе, что, „вступая въ третій бракъ, онъ долженъ признаться, что первые два были дѣломъ политики“ и что „лишь въ этотъ третій разъ онъ женится по выбору и по желанію сердца.“ Молодая эрцгерцогиня Беатриса дѣйствительно, по слухамъ, очень привлекательна: она умна, образована и лицомъ очень свѣжа и миловидна. Воспитаніе ея было весьма строгое, и это въ такой степени, что она еще ни разу не являлась въ обществѣ и даже до сихъ поръ никогда не была въ театрѣ, и увѣряютъ, что эта ея совершенная невинность еще болѣе покоряетъ ей сердце Императора. В. В-во можетъ отсюда заключить, возможно-ли ему рѣшиться на разрывъ столь подвинувшагося сватовства, и прилично-ли мнѣ, при

такой увѣренности въ неудачѣ, попытаться на внушенія или на какой-либо шагъ, какъ-бы ни былъ онъ хорошо подведенъ? Остается намъ только обречь на совершенное забвеніе самое существованіе этого проэкта, который мнѣ изъ первыхъ улыбался, пока я не былъ на мѣстѣ, гдѣ пришлось-бы его осуществить.

Нѣтъ сомнѣнія, что все должно навести В. В—во и его В—во Государя Императора на иные виды для супружества Великой Княжны Екатерины Павловны. Не имѣя возможности опровергать причины, по которымъ Великой Княжнѣ было-бы тягостно отдать свою руку королевскому принцу Баварскому, и не находя самъ, чтобы онъ былъ достаточно для нея любезенъ, хотя онъ и имѣетъ отличное сердце и ему предстоитъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ могущественныхъ владѣтелей Германіи, я останавливаюсь на тѣхъ трехъ принцахъ, которыхъ В. В—во соблагоизволили назвать мнѣ, какъ могущихъ быть достойными Вашей Августѣйшей дочери и прійтись Ей по сердцу. Не премину собрать о каждомъ изъ нихъ самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія; всего труднѣе будетъ собрать мнѣ ихъ о королевскомъ принцѣ Виртембергскомъ; но пока В. В—во позволите мнѣ изложить Вамъ на счетъ этихъ принцевъ слѣдующія замѣчанія:

Королевскій принцъ, Вашъ племянникъ, конечно изъ всѣхъ трехъ имѣетъ самое блестящее положеніе; хвалятъ его наружность; но не могу предполагать, что-бы въ своихъ вкусахъ и правилахъ, онъ былъ столь-же чистъ и строгъ, какъ оба эрцгерцога. Страсть, которую онъ питалъ къ дѣвицѣ Абель, упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на бракѣ съ нею, несовсѣмъ правильное его поведеніе относительно короля, его отца, внушаютъ мнѣ это мнѣніе; а затѣмъ бракъ съ нимъ слишкомъ-бы отдалилъ Великую Княжну отъ Ея родины, и не былъ-бы столь согласенъ съ политическими интересами Россіи, какъ брачный союзъ съ Австрійскимъ домомъ.

Молодой эрцгерцогъ Фердинандъ, при блестящей репутаціи храбрости, которую онъ стяжалъ во время кампаніи 1805-го года, при всѣхъ своихъ отличныхъ качествахъ, наконецъ при красивой наружности, которую ему приписываютъ, есть лишь второй въ вѣтви третьяго колѣна въ своемъ семействѣ, не имѣетъ ни состоянія ни удѣла; у него нѣтъ иныхъ средствъ кромѣ службы, и онъ не можетъ имѣть притязаній на такоеже положеніе, какъ эрцгерцоги братья Императора.

Одинъ эрцгерцогъ Іоаннъ, признаюсь, составляетъ предметъ моихъ желаній, ибо по впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на меня, когда онъ далъ мнѣ аудіенцію, я убѣжденъ, что его мужественная красота и его любезность могутъ тронуть сердце Великой Княжны, въ той-же мѣрѣ, какъ онъ достоинъ Ея руки по рожденію и по заслугамъ. Я съ удовольствіемъ вижу, что добро, которое я сказалъ о немъ, уже привлекло на него нѣкоторое вниманіе со стороны В. В—ва и Государя Императора. Я тѣмъ болѣе тому радуюсь, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ В. В—ву, я осмѣлился рекомендовать его, какъ наидостойнѣйшаго, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ принцевъ Европы, которые могутъ теперь имѣть притязаніе на руку Великой Княжны Екатерины Павловны.

Для того, что-бы это желаніе не осталось, подобно прежнему, недѣйствительнымъ и безплоднымъ, для того, что-бы отвѣчать достовѣрно на вопросы В. В—ва на счетъ будущей судьбы эрцгерцога Іоанна, я, желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать ея устройству, и по зрѣломъ размышленіи о мѣрахъ, которыя могу для этого употребить, нашелъ, что мнѣ необходимо усердное содѣйствіе со стороны графа Стадіона, и рѣшился открыться ему конфиденціально. Вотъ какъ я это сдѣлалъ.

Я попросилъ у него на сегодняшнее утро частнаго разговора; коснувшись, для формы, разныхъ дипломатическихъ событій, я приступилъ прямо къ цѣли, сказавъ, что я долженъ ему сдѣлать

признаніе, котóрого онъ не ожидаетъ, но которое будетъ для него лучшимъ доказательствомъ моего къ нему довѣрія и моей личной заботливости о дальнѣйшемъ укрѣпленіи тѣхъ дружелюбныхъ связей, которыя существуютъ между двумя имперіями; что во всемъ томъ, что̀ я имѣю ему сообщить, я дѣйствую отъ собственнаго лица, по собственному своему движенію, и объ этомъ узнаетъ только онъ; что̀ я очень желаю отъ него узнать, что̀ онъ подумаетъ о мысли, которая пришла мнѣ въ голову, и которую я еще не сообщалъ никому; которая постоянно занимаетъ меня, ибо я считаю ее одинаково выгодною и для Россіи, и для Австріи, и что если онъ ее одобритъ и согласится съ моимъ мнѣніемъ, то я надѣюсь, что онъ ревностно поможетъ мнѣ въ ея исполненіи, и что онъ предварительно не откажетъ мнѣ въ своихъ совѣтахъ, что-бы вывести ее изъ той неопредѣленности, въ которой она пока носится въ моемъ умѣ; что, пріѣзжая сюда, я предавался надеждѣ черезъ его посредство подвинуть Императора къ тому,что-бы онъ посватался къ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, прекрасныя качества и совершенства которой ему извѣстны, но что вскорѣ по прибытіи моемъ сюда, я долженъ былъ отказаться, съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, отъ этого плана, узнавъ, къ крайнему своему прискорбію, что бракъ Императора съ молодою эрцгерцогинею окончательно улаженъ; что я долго колебался, и наконецъ рѣшился не скрывать отъ него моего намѣренія, и что прошу его сказать мнѣ съ тою-же откровенностью, и подъ безусловнымъ секретомъ, не могъ-ли-бы замѣнить Императора который-либо изъ эрцгерцоговъ, и кто изъ нихъ, по своему положенію и заслугамъ, могъ бы скорѣе всего надѣяться получить руку Великой Княжны. Отвѣтивъ мнѣ совершенно въ смыслѣ моихъ желаній, распространившись въ свидѣтельствахъ благодарности за мое благопріятное Австріи расположеніе, онъ присовокупилъ, что бракъ съ Императоромъ встрѣтилъ-бы затрудненія, тягостныя и быть можетъ непобѣдимыя, по причинѣ разности въ исповѣданіи (что̀ было мнѣ и безъ того извѣстно) и что онъ назоветъ мнѣ одного за другимъ всѣхъ эрцгерцоговъ, для того, что-бы мы могли сговориться на счетъ того изъ нихъ, котораго мы найдемъ наиболѣе соотвѣтствующимъ нашимъ общимъ намѣреніямъ.

При имени эрцгерцога Фердинанда, Великаго Герцога Вюрцбургскаго, я сказалъ, что уже давно ходитъ слухъ о его намѣреніи вступить во второй бракъ, и что, какъ мнѣ кажется, его лѣта не довольно подходятъ къ лѣтамъ Великой Княжны.

При имени эрцгерцога Палатина, о которомъ онъ увѣрялъ, что знаетъ объ особенной его привязанности къ Великой Княжнѣ со времени послѣдняго его пребыванія въ Петербургѣ, я сказалъ, что правила нашей церкви не допускаютъ, что-бы двѣ сестры выходили за одного и того-же мужа.

Эрцгерцога Антона, какъ Гросмейстера Тевтонскаго Ордена, мы пропустили, несмотря на вѣроятность скорой секуляризаціи его владѣній.

Наконецъ мы остановились на эрцгерцогѣ Іоаннѣ, наружность и качества коего столь прекрасны; онъ похвалилъ его характеръ, его прилежаніе, его правила, присовокупляя, что всѣ дѣти императора Леопольда были очень хорошо воспитаны, что они всѣ имѣютъ свѣдѣнія и очень религіозны.—Это много, но это еще не все, отвѣчалъ я ему—каково его положеніе въ настоящее время, какое содержаніе можно будетъ ему дать по случаю его брака, какое благосостояніе можетъ онъ обезпечить за своимъ потомствомъ, ибо не съ пенсіею-же въ 24,000 флориновъ можетъ онъ представиться искателемъ руки Русской Великой Княжны?—Обыкновенное содержаніе эрцгерцога, вступающаго въ бракъ, отвѣчалъ Стадіонъ, составляетъ отъ 50 до 60 тысячь флориновъ въ годъ.—Эта сумма, возразилъ я, также

весьма недостаточна; но между правилами ариѳметики не существуетъ-ли и умноженіе, и нельзя-ли было-бы его приложить въ этомъ случаѣ?—О, конечно, и даже утроивъ эти 50 тысячь флориновъ, отвѣчалъ Стадіонъ. —Очень хорошо, сказалъ я, на доходъ въ 150 тысячь флориновъ можно-бы согласиться, но къ нему слѣдовало-бы присоединить генералъ-губернаторство съ пріятною и приличною резиденціею, ибо молодая чета была-бы стѣснена, и не могла-бы считать себя пристроенною надлежащимъ образомъ, если-бы ей нельзя было никогда оставлять Вѣну; и что для этого, по моему мнѣнію, можно было-бы избрать Богемію, и сдѣлать Прагу резиденціею эрцгерцога, или обѣ Галиціи, при чемъ онъ жилъ-бы въ Лембергѣ, или Краковѣ; что я нахожу жизнь въ Прагѣ болѣе для него удобною, по причинѣ прекраснаго и обширнаго тамошняго замка, но что онъ и Великая Княжна предпочли-бы можетъ быть жить въ Лембергѣ, по причинѣ сосѣдства съ Россіею. Гр. Стадіонъ возразилъ мнѣ, что со времени утраты Нидерландовъ и Миланской области, императоръ уже не располагаетъ никакими генералъ-губернаторскими мѣстами, и что ему было-бы затруднительно создать новое, потому что всѣ провинціи, составляющія теперь Австрійскую монархію, соединены въ одно цѣлое и подчинены одной администраціи. На это я сказалъ ему, что эрцгерцогъ Карлъ уже доказалъ участіе свое въ судьбѣ своихъ братьевъ, и что мнѣ не кажется вѣроятнымъ, что-бы онъ, будучи уже генералиссимусомъ и министромъ военнымъ и морскимъ, отказался-бы уступить другому изъ своихъ братьевъ чисто-почетное званіе генералъ-губернатора Богеміи, принявъ въ соображеніе столь благопріятный интересамъ Австрійскаго дома случай, по которому можно было-бы попросить его объ этой уступкѣ; что отъ воли Императора вполнѣ зависитъ ограничить власть новаго генералъ-губернатора, такъ что-бы она не нарушала хода однообразнаго управленія, введеннаго имъ въ его владѣніяхъ, и что мнѣ кажется, что бракъ эрцгерцога Іоанна можетъ совершиться лишь, если онъ получитъ пенсію не ниже 150 тысячь флориновъ, о которой шла рѣчь, значительное губернаторство и иную резиденцію чѣмъ Вѣну. Стадіонъ наконецъ по всѣмъ этимъ пунктамъ склонился къ моему мнѣнію, увѣрилъ меня въ радости, съ которою его государь пожелаетъ скрѣпить союзъ свой съ Россіею посредствомъ брака между своимъ братомъ и Великою Княжною; сказалъ, что онъ убѣжденъ въ готовности Императора облегчить бракъ эрцгерцога Іоанна черезъ улучшеніе его состоянія, какъ только онъ, Стадіонъ, сдѣлаетъ ему это предложеніе отъ себя; что онъ не хочетъ писать къ Императору, возвращающемуся изъ Зальцбурга менѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, но что онъ будетъ говорить съ нимъ, настойчивымъ образомъ, объ этомъ планѣ, какъ о своемъ собственномъ, тотчасъ по его возвращеніи; что лишь при первомъ докладѣ можетъ онъ узнать рѣшеніе Императора о способѣ, которымъ нужно пустить въ ходъ мысль о бракѣ эрцгерцога Іоанна, и въ особенности о томъ, что̀ онъ сочтетъ нужнымъ сдѣлать для улучшенія его положенія и для приличнаго его обезпеченья; что за тѣмъ онъ сообщитъ мнѣ это рѣшеніе для того, что-бы я сдѣлалъ на него мои замѣчанія, если сочту это нужнымъ; что нѣтъ ничего легче, какъ послать эрцгерцога будущею зимою въ Петербургъ, что для этого путешествія можно найти много благовидныхъ предлоговъ, но что ему кажется невозможнымъ, что-бы эрцгерцогъ не угадалъ цѣли этой посылки; и что пока, онъ позволяетъ себѣ желать, что-бы я могъ коснуться этой мысли въ письмѣ къ Вашему Величеству и вывѣдать напередъ, какъ отнесетеся къ ней Вы и Государь Императоръ. Я обѣщалъ ему это сдѣлать, но лишь очень слегка, и не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, въ силу той почтительности,

которую я привыкъ соблюдать во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ В. И. В-вомъ. Онъ также настоятельно просилъ меня о томъ, что-бы я склонилъ В. В—во не говорить ни слова о нашемъ проэктѣ эрцгерцогу Палатину, который никакъ не долженъ узнать о немъ, иначе-же конечно постарается воспрепятствовать его осуществленію. Когда я выразилъ ему мое удивленіе тому, что онъ не называетъ мнѣ ни одного изъ трехъ эрцгерцоговъ сыновей покойнаго эрцгерцога Фердинанда, онъ отвѣчалъ мнѣ, что, отдавая справедливость прекраснымъ ихъ качествамъ, онъ не считаетъ ихъ въ рядахъ тѣхъ, которые могли-бы имѣть надежды на руку Великой Княжны; что старшій изъ нихъ, эрцгерцогъ Францъ, потерялъ Брейсгау, дарованный ему его отцомъ какъ вознагражденіе за герцогство Моденское; что ни у одного изъ нихъ нѣтъ ни значительныхъ имѣній, ни большихъ доходовъ, и что ни у одного изъ нихъ нѣтъ ни средствъ, ни права получить то, что могъ-бы сдѣлать Императоръ для устроенія судьбы одного изъ своихъ родныхъ братьевъ, которые, будучи императорскими сыновьями и братьями, болѣе приближены къ престолу, и пользуются титуломъ Императорскихъ Высочествъ, которого нѣтъ у прочихъ эрцгерцоговъ.

Исполняя приказанія В. В-ва, возвращаю Вамъ при семъ собственноручное письмо подъ открытой печатью, назначенное Францу I-му, хранившееся у меня съ тѣхъ поръ какъ Государь Императоръ изволилъ вручить мнѣ его въ Тильзитѣ.

Я такъ одушевился чувствомъ, привязывающимъ меня къ В. В-ву и къ Государынѣ Великой Княжнѣ, что, нечувствительный къ тѣлесной усталости, и не щадя своихъ глазъ, я не оставлялъ письменнаго стола отъ вечера до семи часовъ утра, что-бы разомъ окончить это письмо, содержащее подробное донесеніе о всемъ, что я могъ до сихъ поръ сдѣлать, узнавъ послѣднія Ваши распоряженія, что-бы успокоить Васъ, и сослужить посильную службу Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Нѣтъ того, чего-бы я не сдѣлалъ, что-бы доказать Ей живое участіе, принимаемое мною въ Ея счастіи; я обожаю въ Ней память, геній и самыя черты покойнаго Государя, моего благодѣтеля.

Я буду вполнѣ счастливъ, если В. В-во не будете недовольны мнимою конфиденціею, которую я счелъ нужнымъ сдѣлать Стадіону, и оборотомъ, который я ей далъ и если Вы соблагоизволите сказать мнѣ, что все сказанное и сдѣланое мною удостоилось Вашего одобренія. Нѣтъ обстоятельствъ въ моей жизни, въ которыхъ я не нуждался-бы, прежде всего, въ Вашемъ благоволеніи.

Остаюсь, съ глубочайшимъ почтеніемъ и т. д.

XXIX.

à Vienne le $\frac{12}{31}$ d'Octobre 1807.

Madame,

J'avoue que la correspondance que M-gr le Duc Louis a entamé avec moi sur la situation et les circonstances où il s'est placé, si volontairement, envers la Russie, commence à m'embarrasser beaucoup. V: M: I-le verra la chaleur qu'il y met dans sa lettre du 20 d'Octobre, que je Lui présente ci-joint en original. Je l'accompagne de la copie de la réponse que j'ai faite à S: A: R:, et il me parroit que cette-là, quoique courte, n'en est pas moins claire. J'espère que V: M: ne me blamera pas de n'avoir pas voulu me charger, comme il le désiroit, d'informer de propre mouvement l'Empereur des détails dans lesquels il est entré vis-à-vis de moi, pour sa justification. Pouvois-je parler contre ma propre conviction? m'étoit-il permis d'oser revenir près de l'Empereur sur une décision de sa part, qu'un fait public avoit motivé, et que sa dignité même avoit rendu nécéssaire? Quant

à la lettre de M-me la Duchesse que M-gr le Duc m'envoye pour mon auguste maître, je supplie V: M: de vouloir bien la lui remettre; s'il jugeoit à propos d'y répondre, je serais charmé qu'il fit passer sa réponse par mon entremise. Ce ceroit pour M-me la Duchesse une consolation, et je ne pourrois qu'être très flatté, après ma négative donnée au Duc, d'avoir à la lui faire parvenir.

Avant-hier, ayant obtenu une audience privée de l'Empereur François pour lui présenter le conseiller privé Jéan Narischkin, qui arrive de Carlsbad pour passer l'hyver ici, je ne l'ai pas fait entrer d'abord avec moi dans le cabinet de l'Empereur; j'y suis entré seul pour féliciter S: M: I-le sur son heureux retour. C'étoit mon pretêxte, mais mon but étoit de donner à ce prince une occasion de me voir et de me parler tête-à-tête. Je croyois que peut-être il me parleroit de lui-même, aumoins en termes généraux, de l'objet de ma conversation confidentielle avec son ministre; mais comme il ne m'a pas fait appercevoir qu'il la savoit, et que le c-te de Stadion ne m'en dit rien aussi jusqu'à présent, j'ai à supposer, qu'il n'a pas encore eû le tems d'en rendre compte, ou que peut-être l'Empereur balance encore sur ce qu'il doit me communiquer de ses dispositions en faveur de son frère. Après ce que j'ai fait déjà, V: M: conviendra sans doute, qu'il ne me convient pas d'être empressé ou impatient, et qu'il faut que j'attend en silence et avec tranquillité que Stadion vienne de lui-même à moi. Il ne peut me laisser longtems dans l'incertitude, et dans quelques jours il faudra absolument qu'il me dise où en sont les choses. On ne connoit pas encore au juste le jour du mariage de l'Empereur; les uns croyent que ce sera le 22 ou le 26 du mois prochain, et d'autres soutiennent que ce sera après l'Avent, au commencement de Janvier; il ne pourra être fixé que quand on saura le tems auquel les ouvriers, qui travaillent à force, acheveront la nouvelle salle et les nouveaux appartemens pour l'Impératrice future, dans le Burg. On prétend que l'Empereur veut être marié par son beau frère, nommé à l'évéché de Waitz, qui doit recevoir pour cette cerémonie l'ordre de la prétrise avant l'âge requis.

Je mets sous les yeux de V: M: la lettre que je viens de recevoir d'un certain Eserskoy, major dans le régiment de Witebsk qui est maintenant à Padoue, et je Lui transmets aussi sa supplique. Il m'a parru de mon devoir de ne pas m'en dispenser, quoique je sais fort bien qu'il ne sera pas facile à V: M: d'accorder la grace qu'il Lui demande. Il a eu le malheur de perdre sa femme pendant que son service le retenoit à Corfou; sa fille est à présent entre les mais de ses parens aussi pauvres que lui, et il y a plus de cinq ans qu'il a quitté sa patrie en suivant son régiment.

Hier à neuf heures du matin j'ai été singulièrement éffrayé par l'apparition soudaine du c-te de Komarovsky chez moi. *) Je ne me rappellois que de l'état malheureux dans lequel je l'avais laissé; j'ignorais entiérement sa guérison et son départ pour les pays étrangers. Je ne voulais pas croire que c'étoit lui qu'on m'avoit annoncé. Je le trouvai avec étonnement; mais en même tems avec satisfastion tel que je

*) Графъ Е. Ѳ. Комаровскій, коего Записки помѣщены въ Р. Архивѣ 1867 года. Тяжкая болѣзнь поражала на нѣкоторое время его умственныя способности; но сколько намъ извѣстно, кн. Куракинъ ошибается, приписывая Крейтону его излѣченіе: графа Комаровскаго вылѣчилъ одинъ простолюдинъ какими то простыми средствами. *И. Б.*

l'ai toujours connu, parfaitement retabli, et son regard et son maintien n'avoient rien qui put indiquer le genre de maladie dont il a eu à souffrir. Il m'a dit qu'il étoit venu avec sa famille pour consulter les médecins de Vienne, et qu'il comptoit s'arreter ici jusqu'au retour de la belle saison pour aller prendre ensuite les eaux qu'on lui conseillera. Sa cure fait grand honneur à mon ami Crighton; j'ai seulement à regretter qu'il n'a pû dompter de même cette vilaine goutte qui m'a tant tourmentée l'hiver passé pour avoir eu trop de liberté à faire ses ravages et à passer d'une partie de mon corps dans l'autre.

Je supplie V: M: de me rappeller au souvenir de M-gr le Grand Duc Constantin et M-me la Grande Duchesse Catherine, et d'agréer l'hommage de l'inviolable attachement et du respect profond avec lequel je suis etc.

XXIX.

Вѣна, $\frac{19}{31}$ Октября 1807.

Государыня,

Признаюсь, что переписка, которую завелъ со мною Герцогъ Лудвигъ на счетъ положенія и обстоятельствъ, въ которыя онъ поставилъ себя, столь добровольно, относительно Россіи, начинаетъ сильно затруднять меня. В. В-во увидите, съ какимъ жаромъ онъ изъясняется въ письмѣ своемъ отъ 20-го Октября, прилагаемомъ при семъ въ оригиналѣ. Присовокупляю къ нему копію съ моего отвѣта Его Кор. В-ву, и мнѣ кажется, что этотъ отвѣтъ, хотя краткій, тѣмъ не менѣе ясенъ. Надѣюсь, что В. В-во не осудите меня за то, что я не согласился, какъ онъ того желалъ, извѣстить отъ себя Государя Императора о тѣхъ подробностяхъ, въ которыя онъ вошелъ передо мною для своего оправданія. Могъ-ли я говорить противъ собственнаго убѣжденія? Позволительно-ли мнѣ возвращаться передъ Государемъ къ рѣшенію Его, вызванному общеизвѣстнымъ фактомъ и вынужденному собственнымъ Его достоинствомъ? Что-же касается до письма Герцогини къ Государю Императору, посылаемому мнѣ Герцогомъ, умоляю В. В-во передать его; и если Онъ сочтетъ нужнымъ отвѣчать, я былъ-бы очень доволенъ, если-бы отвѣтъ былъ посланъ черезъ меня. Это было-бы утѣшеніемъ для Герцогини, и мнѣ было-бы отрадно, послѣ моего отказа Герцогу, его ей доставить.

Третьяго дни, испросивши себѣ частную аудіенцію у Императора Франца, для того, что-бы представить ему тайнаго совѣтника Ивана Нарышкина, пріѣхавшаго изъ Карлсбада, что-бы провести здѣсь зиму, я не ввелъ его прямо въ кабинетъ Императора, но вошелъ туда одинъ, что-бы поздравить Его В-во съ счастливымъ возвращеніемъ. Таковъ былъ мой предлогъ, но цѣлію моею было дать этому Государю случай видѣть меня и говорить со мною наединѣ. Я думалъ, что, быть можетъ, онъ самъ заговоритъ со мною, по крайней мѣрѣ въ общихъ выраженіяхъ, о предметѣ моего конфиденціяльнаго разговора съ его министромъ, но такъ какъ онъ не далъ мнѣ замѣтить, что-бы онъ о немъ зналъ, и какъ графъ Стадіонъ также до сихъ поръ ничего не говоритъ мнѣ объ этомъ, я долженъ предполагать, что графъ до сихъ поръ не успѣлъ передать о нашемъ разговорѣ, или что, быть можетъ, Императоръ еще колеблется на счетъ того, что онъ долженъ сообщить мнѣ относительно своихъ распоряженій въ пользу брата. Послѣ того, что я уже сдѣлалъ, В. В-во конечно согласитесь, что мнѣ не прилично настаивать, или выказывать нетерпѣніе, я что и долженъ ожидать въ молчаніи и спокойствіи, чтобы самъ Стадіонъ ко мнѣ обратился. Онъ не можетъ оставлять меня долго въ неизвѣстности, и черезъ нѣсколько дней по необходимости долженъ будетъ сказать мнѣ, въ какомъ положеніи дѣло. Еще не извѣстенъ навѣрное день брака Импера-

тора; иные думаютъ, что это будетъ 22-го или 26-го будущаго мѣсяца, а другіе утверждаютъ, что это будетъ послѣ Адвента, въ началѣ Января. День этотъ можетъ быть окончательно назначенъ лишь тогда, когда узнаютъ срокъ, къ которому работники, трудящіеся безъ устали, окончатъ новую залу и новые аппартаменты для будущей Императрица, въ Бургѣ. Увѣряютъ, что Императоръ желаетъ быть повѣнчаннымъ своимъ шуриномъ, назначеннымъ епископомъ въ Вайцъ, который по этому случаю будетъ рукоположенъ въ священники раньше требуемаго возраста.

Посылаю В. В-у письмо, которое я только что получилъ отъ нѣкоего Езерскаго, майора Витебскаго полка, который теперь въ Падуѣ, и прилагаю также его прошеніе. Я счелъ моимъ долгомъ отъ этого не уклониться, хотя я очень хорошо знаю, что В. В-ву будетъ нелегко оказать ему милость, о которой онъ проситъ. Онъ имѣлъ несчастіе лишиться жены въ то время, какъ служба удерживала его въ Корфу; дочь его теперь на попеченіи родственниковъ, столь-же бѣдныхъ, какъ и онъ, и вотъ уже болѣе пяти лѣтъ, какъ онъ оставилъ родину вмѣстѣ съ своимъ полкомъ.

Вчера, въ девять часовъ утра, я былъ немало испуганъ внезапнымъ появленіемъ у меня гр. Комаровскаго. Я помнилъ только о несчастномъ состояніи, въ которомъ я его оставилъ; я совершенно не зналъ о его выздоровленіи и отъѣздѣ въ чужіе краи. Я не повѣрилъ, когда мнѣ о немъ доложили. Къ удивленію моему и вмѣстѣ удовольствію, я нашелъ его такимъ-же, какимъ всегда зналъ его, совершенно здравымъ, и ничего въ его взглядѣ и въ его пріемахъ не указывало на тотъ родъ болѣзни, которому онъ подвергался. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ съ семьею посовѣтоваться съ Вѣнскимъ врачами, и что онъ думаетъ остановиться здѣсь до лѣта что-бы потомъ отправиться на воды, которыя ему присовѣтуютъ. Его излѣченіе дѣлаетъ великую честь моему другу Крейтону; мнѣ остается только пожалѣть, что ему нестолько-же посчастливилось съ скверною подагрою, которая такъ измучила меня прошлою зимою своими безпрестанными переходами изъ одной части тѣла въ другую.

Умоляю В-е В-во напомнить обо мнѣ Вел. Кн. Константину Павловичу и Вел. Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и принять увѣреніе въ непоколебимой привязанности и глубокомъ почтеніи, съ коимъ остаюся и т. д.

XXX.

à Vienne le $\frac{\text{3 de Novembre,}}{\text{22 (d'Octobre)}}$ 1807.

Madame,

Je suis outré, je suis affligé, je puis dire que je suis inconsolable de devoir renoncer à l'éspérance, qui m'étoit si agréable, et dont je me nourissais depuis mon entretien confidentiel avec le c-te de Stadion. La manière empressée dont il y avoit partagé mes sentimens, et la considération des avantages mutuels qui auroient éxistés pour la Russie et l'Autriche si les liens qui les unissent actuellement avoient encore pû être fortifiés par le noeud de la parenté entre leurs monarques, me fesoit éspérer que mon idée seroit saisie au vol; qu'on tâcheroit de l'éxécuter sans delai, en me satisfaisant, comme je l'entendais, sur tous les articles que j'avois éxpliqué comme des objets de doute, ou d'inquiétude pour moi, que je n'aurois à donner à V: M: I. que des rapports agréables; et enfin, que j'étois sur le point d'atteindre à l'accomplissement de mon voeu le plus cher, celui de contribuer à l'établissement et au bonheur futur de M-me la Grande Duchesse Catherine. Je jouissais d'avance de la satisfaction que j'avois à en ressentir. J'attendois avec impatience le retour de l'Empereur, et ce que j'avois à

apprendre de Stadion après qu'il l'auroit vû. Mais l'Empereur François étaut déjà ici depuis, huit jours, et Stadion ne me disant rien, impatienté de cette reserve de sa part, qui ne pouvoit m'être de bonne augure, et par zêle pour M-me la Grande Duchesse désirant de réussir au plutôt dans ce que j'avois entrepris pour elle, ou au moins de savoir sans m'abuser plus longtems ce qui devoit m'y faire renoncer, je mis de côté ma résolution de rester en silence jusqu'à ce que Stadion ne le rompe de lui même. Me trouvant hier d'après son invitation à une conférence chez lui, pour des communications d'affaires de sa cour qu'il avoit à me faire, et prêt à le quitter, voyant qu'il s'y bornoit, je l'abordai en lui demandant, s'il n'avoit pourtant rien à me dire des représentations qu'il avoit voulu faire à son maître à la suite de notre conversation. Ma question le jetta dans un embarras visible.—Oui, me répondit-il, je les ai faites, je n'y ai pas manqué, mais l'Empereur trouve très difficile tout arrangement nécéssaire pour assurer le sort et le bien-être de la postérité de son frère; il dit que les loix de l'état, les régles et les loix établies pour sa famille s'y opposent; il croit qu'au lieu de l'Archiduc Jéan, il vaudroit mieux songer à l'Archiduc Charles, qui a la perspective certaine d'une fortune immense par l'héritage qui l'attend. J'arretai à ces mots Stadion, en lui observant que nous avions trouvés que l'Archiduc Jéan, par son âge, sa figure, et son mérite, étoit celui des Archiducs qui convenoit le mieux à M-me la Grande Duchesse; qu'il ne pouvoit être question que de lui; que les raisons qui nous ont engagées à passer l'Archiduc Charles étoient toujours éxistantes, que sa fortune lui avoit été léguée par sa tante et son oncle et n'étoit pas un don ou un éffet de la générosité de l'Empereur; qu'il étoit fort douteux qu'il voulut se marier, ou que M-me la Grande Duchesse put vouloir de lui, à cause de la différence d'âge et de santé entr'eux; que j'avois désiré savoir ce qui pourroit être fait en faveur de l'Archiduc Jéan pour lui faciliter un mariage, aussi illustre pour lui et aussi utile aux intérêts de la maison d'Autriche; et que je devois avouer que ce que j'entendois des dispositions de l'Empereur, ne repondant pas dutout à l'attente que j'en avois eu entravoit entièrement l'éxécution de notre idée. Stadion ajouta, que l'Empereur lui avoit confirmé ce qu'il n'avoit pas sû d'une manière positive, que la pension annuelle de chaque Archiduc est de $^{50}/_{m}$ fl., et que l'Archiduc Jéan avoit à réunir encore au traitement que lui procuroit sa naissance les appointemens de ses differentes places. Je repliquai: tout ce que l'Archiduc possède à présent et son éxistence actuelle ne suffisent pas pour lui faire obtenir la main de M-me la Grande Duchesse; mais au-moins l'Empereur penche-t-il à lui accorder un gouvernement et une résidence particulière, qui soyent convenables, se décide-t-il à l'envoyer sous quelque pretêxte en Russie, ce qui est indispensable, pour que le connoissant personnellement M-me la Grande Duchesse et ses augustes parents puissent d'autant mieux se décider en sa faveur. —Non, me dit Stadion, je n'ai pas touché ces deux articles, je n'en ai pas eû même le loisir, tant l'Empereur s'est occupé de ses moyens et de ses calculs, sur ce que ses frères devoient avoir de droit, et sur ce qu'il pouvoit faire de plus pour l'un ou l'autre d'entr'eux. Mais, continua Stadion, vous m'avez promis de communiquer votre idée à l'Impératrice-Mère, vous avez

donc à recevoir Sa réponse, et je me flatte que vous ne me la laisserez pas ignorer.

—Ah, m'écriai-je, il est vrai que j'attends cette réponse, mais c'est avec la plus grande inquiétude; je ne puis être sûr que S: M: L'Impératrice-Mère approuve mon idée; peut-être en me blâmant, me témoignera-t-Elle son mécontentement de l'avoir ëue, et si même Elle daignoit l'approuver, Son approbation ne peut-être que subordonnée aux informations que j'ai à Lui faire parvenir; et de fait, par toutes les circonstances, que j'avois peu prévues et dont vous venez de m'instruire, je devrai la considerer comme n'ayant pas eû lieu. En proférant ces mots je tachai de mettre fin à une entrevue où j'ai été plus contrarié dans mes voeux et mes intentions que je ne pouvais le croire, et piqué au vif je n'eus plus d'autre soin que de quitter Stadion avec un air serein et indifférent. Il est clair par ce compte fidèle que je rends à V: M: I-le, que l'Empereur François ne sait pas apprécier l'utilité et les avantages pour sa maison d'une alliance plus étroite avec la famille impériale de Russie; qu'il n'est pas du tout disposé à aucun sacrifice, ou à aucun arrangement extraordinaire quelconque pour mettre son frère en état d'aspirer à la main de M-me la Grande Duchesse; qu'il n'est pas porté pour son voyage à Pétersbourg; qu'ayant beaucoup d'enfans de son second lit à établir, et que se préparant à voir leur nombre augmenté par son troisième hymen, il veut borner ses frères à leur stricte legitime, afin de ne pas se mettre à la gêne sur tout ce qu'il pourroit être obligé de faire un jour pour ses propres enfans; que je suis forcé malgré moi de revenir de mon idée sur l'Archiduc Jéan et de la proposition que j'avais hazardée en sa faveur; et par conséquent que V: M: ne doit plus compter sur lui pour les vues, auxquelles Elle auroit pû le déstiner.

Si le peu de fortune et la situation dépendante de l'Archiduc Jéan lui ôtent la possibilité de se placer sur les rangs pour devenir l'époux de M-me la Grande Duchesse, à plus forte raison l'Archiduc Ferdinand, malgré sa bravoure reconnue, n'étant ni frère, ni fils d'Empereur, n'étant que le second frère d'une troisième géniture, et étant encore plus éloigné du trône et plus gêné dans ses ressources, ne peut pas en être digne.

Le P-ce Royal de Würtemberg a une très jolie figure, beaucoup d'ésprit et d'amabilité, mais on ne fait pas l'éloge de son coeur: il est à une école et a des éxemples de dureté qui ne le préparent pas à une conduite differente de celle du Roi son père; son coeur n'est pas plus neuf, ses moeurs ont toujours été celles de ce siècle. Sa liaison avec M-lle Abel, dont on prétend qu'il a eu deux enfants, n'est pas la seule qu'on lui connoisse, et par toutes ces raisons il me semble que V: M: ne peut pas penser à lui.

Le Duc de Saxe-Cobourg, dont on dit du bien, petit souverain d'un très petit duché, convient aussi peu que le P-ce Héréditaire de Meklembourg Strelitz.

Le P-ce Royal de Bavière, qui a l'ouïe dure et de la difficulté dans son parler, qui n'est pas beau, étant roux et légérement marqué de petite vérole, que je n'ai vû que pour détruire ma prédilection pour lui, que pour trouver qu'il ne pouvoit plaire à M-me la Grande Duchesse, que pour le dépeindre à V: M: tel qu'il s'est offert à mes yeux, a cependant le coeur excellent, une judiciaire saine, des connaissances, un caractère ferme et loyal, il est aimé et

réspecté pour ses bonnes qualités dans son pays; on lui rend la justice qu'il a été brave à la guerre, et si M-me la Grande Duchesse pouvoit seulement lui pardonner les torts de son père envers la Russie, et la malheureuse nécéssité où il s'est trouvé de porter les armes contre nous, je suis persuadé qu'elle oublieroit le peu d'agrément de son éxtérieur et ne seroit sensible qu'à son mérite réel et à sa moralité. Alors en considérant les obstacles qui s'accumulent pour empêcher son établissement, j'oublierais aussi tout ce que j'ai écrit contre ce prince après avoir fait sa connaissance à Tilsit, et retournant à mon ancienne opinion, j'oserais dire que dans ce moment-ci il est toujours le meilleur parti pour Elle. Je serais fort heureux si V: M: daignoit m'informer de ce qu'elle en pensera actuellement; car en vérité je souffre de la résignation à laquelle M-me la Grande Duchesse doit se soumettre pour son avenir, du peu de fruits que j'ai retiré de ma tentative, et de tout ce que je suis obligé de porter aujourd'hui à la connaissance de V: M-té.

XXX.

Вѣна $\frac{\text{3 Ноября}}{\text{23 Октября}}$ 1807.

Государыня.

Я взбѣшенъ, я огорченъ, могу сказать, я безутѣшенъ въ томъ, что долженъ отказаться отъ столь пріятной надежды, которою питался я со времени моего конфиденціяльнаго разговора съ графомъ Стадіономъ. Радушіе, съ коимъ онъ раздѣлялъ мои чувства, соображеніе взаимныхъ выгодъ и для Россіи и Австріи, ожидаемыхъ отъ скрѣпленія союза, нынѣ между ними существующаго, узами родства между ихъ монархами, все возбуждало во мнѣ надежду, что мысль моя будетъ схвачена на лету; что ее постараются осуществить безотлагательно, давъ мнѣ удовлетворительный отвѣтъ на счетъ всѣхъ пунктовъ, возбудившихъ во мнѣ сомнѣніе или безпокойство, что мнѣ прійдется писать В. В-ву лишь пріятныя донесенія; наконецъ, что я близокъ къ исполненію любимаго моего желанія, и что мнѣ удастся содѣйствовать устроенію будущей судьбы и счастія Великой Княжны Екатерины Павловны. Я радовался напередъ тому удовольствію, которое я при этомъ-бы испыталъ. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія Императора, и того, что скажетъ мнѣ Стадіонъ, повидавшись съ нимъ. Но такъ какъ уже прошла недѣля съ пріѣзда Императора, а Стадіонъ все молчалъ, то выведенный изъ терпѣнія этою сдержанностію съ его стороны, не предвѣщавшей ничего добраго, и движимый усердіемъ къ Великой Княжнѣ, желая успѣть какъ можно скорѣе въ томъ, что я для нея предпринялъ или по крайней мѣрѣ узнать, что можетъ заставить меня отказаться отъ моего предпріятія, я отступилъ отъ своего намѣренія хранить молчаніе, пока его не прервetъ самъ Стадіонъ. Находясь вчера у него, по его приглашенію, на совѣщаніи по дѣламъ его Двора, о которыхъ ему нужно было мнѣ сообщить, и видя при прощаніи, что онъ ими и хочетъ ограничиться, я обратился къ нему съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ сказать мнѣ чего-либо о представленіяхъ, которыя онъ хотѣлъ сдѣлать своему Государю по поводу нашего послѣдняго разговора? Мой вопросъ привелъ его въ видимое смущеніе. — Да, отвѣчалъ онъ мнѣ, я ихъ сдѣлалъ, я не преминулъ исполнить мое обѣщаніе; но Императоръ находитъ весьма затруднительною всякую мѣру, которая моглабы обезпечить судьбу и благосостояніе потомства его брата: онъ говоритъ, что государственные законы, семейныя правила и постановленія тому препятствуютъ; онъ полагаетъ, что вмѣсто эрцгерцога Іоанна, лучше подумать объ

эрцгерцогѣ Карлѣ, имѣющемъ вѣрные виды на громадное наслѣдство. На этихъ словахъ я остановилъ Стадіона, замѣтивъ ему, что мы пришли къ заключенію, что эрцгерцогъ Іоаннъ, по возрасту, наружности и заслугамъ, тотъ изъ эрцгерцоговъ, который всего лучше приходится Великой Княжнѣ; что только о немъ и можетъ идти рѣчь, что причины, заставившія насъ пропустить Эрцгерцога Карла, продолжаютъ существовать; что его состояніе завѣщано ему его дядею и тёткою, а не есть даръ, или слѣдствіе щедротъ Императора; что весьма сомнительно, что-бы онъ хотѣлъ жениться, или что-бы Великая Княжна согласилась за него выйти, по причинѣ разности ихъ возрастовъ и здоровья; что я пожелалъ узнать, что̀ можетъ быть сдѣлано въ пользу эрцгерцога Іоанна, что-бы облегчить ему бракъ, столь же блестящій для него, какъ и полезный интересамъ Австрійскаго дома, и что я долженъ признаться, что слышанное мною о расположеніи Императора, не соотвѣтствуя вовсе моимъ ожиданіямъ, дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе нашего плана. Стадіонъ присовокупилъ, что его Государь подтвердилъ ему, чего онъ прежде не зналъ положительно, что годовой окладъ каждого изъ эрцгерцоговъ составляетъ 50 тысячъ флориновъ и что къ этому содержанію, принадлежащему ему по рожденію, слѣдуетъ присовокупить жалованіе, по разнымъ занимаемымъ имъ должностямъ. —Все то, возразилъ я, чѣмъ теперь обладаетъ эрцгерцогъ Іоаннъ, и теперешнее его положеніе, недостаточно, что-бы дать ему право на руку Великой Княжны; но, по крайней мѣрѣ, склоненъ-ли Императоръ даровать ему губернаторство и особую резиденцію, которыя были-бы приличны; рѣшается-ли онъ послать его подъ какимъ-либо предлогомъ въ Россію, для того, что-бы, узнавъ его лично, Великая Княжна и Ея Августѣйшіе родственники могли тѣмъ рѣшительнѣе склониться въ его пользу? — Нѣтъ, отвѣчалъ Стадіонъ, я не коснулся этихъ двухъ пунктовъ, я даже не имѣлъ къ тому времени, до того Императоръ занялся своими средствами, и расчетами о томъ, что̀ долженъ получить каждый изъ его братьевъ по праву, и о томъ, что̀ можетъ онъ сверхъ того сдѣлать для одного, или другого, или третьяго изъ нихъ. Но, продолжалъ Стадіонъ, вы мнѣ обѣщали сообщить вашу мысль Императрицѣ-матери, вы слѣдовательно должны получить отъ Нея отвѣтъ, и надѣюсь, что вы его отъ меня не скроете.—Ахъ! воскликнулъ я; конечно ожидаю я этого отвѣта, но съ крайнимъ безпокойствомъ; я не могу быть увѣреннымъ, что-бы Ея В-во Императрица-мать одобрила мою мысль; быть можетъ, Она выразитъ мнѣ за нее свое неудовольствіе, и даже если-бы Она соблагоизволила ее одобрить, одобреніе Ея не можетъ не зависѣть отъ свѣдѣній, которыя прійдется мнѣ Ей сообщить; а на дѣлѣ, въ силу тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ я не предвидѣлъ и которыя вы только что мнѣ сообщили, я долженъ буду принять такое одобреніе какъ недѣйствительное. Этими словами я постарался положить конецъ разговору, въ которомъ мои намѣренія и желанія были обмануты въ бо̀льшей степени, чѣмъ я могъ того ожидать; и, раздраженный до нельзя, я могъ только постараться о томъ, что-бы оставить Стадіона съ видомъ равнодушнымъ и яснымъ. Изъ этого правдиваго отчета, передаваемаго мною В. В-ву, ясно, что Императоръ Францъ не умѣетъ цѣнить пользъ и выгодъ, представляемыхъ его дому болѣе тѣснымъ сближеніемъ съ Русскимъ Императорскимъ семействомъ, что онъ нисколько не расположенъ ни къ какой жертвѣ, ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ для того, что-бы дать своему брату возможность искать руки Великой Княжны Екатерины Павловны; что онъ не склоняется къ его путешествію въ Петербургъ; что, имѣя на рукахъ устройство судьбы многихъ дѣтей отъ второго брака, и ожидая еще приращенія семейства отъ третьяго, онъ хочетъ

ограничить содержаніе своихъ братьевъ тѣмъ, чего онъ не можетъ ихъ лишить по закону, для того, что-бы не стѣснять себя на счетъ того, что̀ онъ со временемъ захочетъ сдѣлать для своихъ дѣтей; что я противъ воли принужденъ отказаться отъ моего плана на счетъ Эрцгерцога Іоанна и отъ предложенія, на которое я рѣшился въ его пользу; и что слѣдовательно В. В-во не должны болѣе расчитывать на него въ тѣхъ видахъ, которые Вы могли на него имѣть

Если скудное состояніе и зависимое положеніе Эрцгерцога Іоанна отнимаютъ у него возможность искать руки Великой Княжны, то тѣмъ менѣе ея достоинъ Эрцгерцогъ Фердинандъ, не смотря на всѣми признанную его храбрость: ибо онъ ни Императорскій сынъ, ни братъ, а только второй братъ въ третьемъ колѣнѣ, и еще болѣе удаленъ отъ престола и стѣсненъ въ средствахъ.

Королевскій Принцъ Виртемберскій имѣетъ красивую наружность, очень уменъ и любезенъ, но сердца его не хвалятъ; онъ проходитъ такую школу, видитъ передъ собою такіе примѣры жестокосердія, которые заставляютъ ожидать отъ него поведенія, подобнаго отцовскому; онъ не отличается свѣжестію чувствъ, и нравы его всегда были нравами вѣка. Его связь съ дѣвицею Абель, отъ которой, какъ говорятъ, у него двое дѣтей, не есть единственная, которую за нимъ знаютъ; и по всѣмъ этимъ причинамъ мнѣ кажется, что В. В-во не можете о немъ думать.

Герцогъ Саксенъ-Кобургскій, котораго хвалятъ, маленькій владѣтель весьма малаго герцогства, столь-же не пара Великой Княжнѣ, какъ и наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій.

Королевскій Принцъ Баварскій, который тугъ на ухо и имѣетъ недостатокъ въ выговорѣ, который не красивъ, такъ какъ онъ рыжъ и рябоватъ, котораго я увидѣлъ лишь для того, что-бы разочароваться въ моемъ къ нему пристрастіи, и что-бы найти, что онъ не можетъ понравиться Великой Княжнѣ, и описать его таковымъ, какимъ онъ представился моимъ глазамъ, имѣетъ однако-же прекрасное сердце, здравый разсудокъ, свѣдѣнія, твердый и честный характеръ; онъ любимъ и уважаемъ на родинѣ за свои хорошія качества; отдаютъ справедливость его храбрости на войнѣ; и если-бы Великая Княжна только могла простить ему вину его отца противъ Россіи и несчастную необходимость, заставившую его поднять противъ насъ оружіе, я убѣжденъ, что она забыла-бы о непривлекательности его наружности и была-бы чувствительна лишь къ истиннымъ его заслугамъ и къ его нравственности.

Тогда, принявъ въ соображеніе препятствія къ устройству ея судьбы, возникающія со всѣхъ сторонъ, я забылъ бы также все то, что̀ я написалъ противъ этого Принца, познакомившись съ нимъ въ Тильзитѣ; и возвращаясь къ прежнему моему мнѣнію, я осмѣлился-бы сказать, что въ настоящую минуту онъ все таки лучшая для нея партія. Я-былъ-бы очень счастливъ, если бы В. В-во соизволили извѣстить меня о томъ, что̀ Вы объ этомъ думаете въ настоящее время; ибо по истинѣ, я страдаю отъ безнадежности, въ которую облекается будущность Великой Княжны, отъ малой пользы, извлеченной мною изъ моей попытки, и отъ всего того, что̀ я сегодня принужденъ довести до свѣдѣнія В. В-ва.

XXXI.

à Vienne, le $\frac{16}{28}$ de Novembre, 1807.

Madame,

J'ai eu le bonheur de recevoir par courrier les trois lettres dont V: M: I: m'a honorée de Gatshina le 28 d'Octobre. L'ostensible étoit parfaite; en remplissant entièrement son but, elle m'a donnée l'envie, le courage, la possibilité de revenir sur une affaire, qu'avec

chagrin et dépit j'avois crû devoir abandonner et que je considérois déjà, quoiqu'elle me tint fortement à coeur, comme non avenue et comme ne devant plus m'occuper. Mais avant de rendre compte à V: M. de ce que je viens de tenter encore, je dois commencer par me justifier à Ses yeux des reproches pleins de bonté qu'Elle me fait. Si mes premières ouvertures, confiées au c-te de Stadion, comme des idées spontannées, ne venant que de moi seul, ont pû parroître à V: M: trop précipitées, il est très vrai que je ne me suis déterminé à les faire que par zêle et attachement pour M-me la Grande Duchesse Catherine et par l'impatience de mon désir de la voir enfin bien établie; il est vrai aussi que la manière et les précautions avec lesquelles je me suis expliqué vis-à vis de Stadion, ont dû le persuader pleinement que je ne lui ai parlé que de mon propre chef, sans y être aucunement attaché, et qu'il est impossible qu'il ait pû avoir des soupçons du contraire. J'en ai la preuve par la réponse, à laquelle je l'ai forcé après le retour de l'Empereur, réponse si peu conforme à mon espérance et qui m'a tant affligée! Je ne disconviens, que ma confidence du projet que je m'étois permis, sur le choix et le mariage de l'Empereur François a été assez gratuite; mais je ne l'ai faite qu'en mon seul et privé nom, pour convaincre Stadion d'autant plus du prix que j'attachois à un nouveau lien de parenté entre notre maison impériale et celle d'Autriche, et parceque j'ai voulu essayer, si peut-être je ne réussirai pas par cette insinuation à faire tourner encore les vuës de l'Empereur sur M-me la Grande Duchesse comme V: M-té le souhaitoit également. Alors on n'étoit pas généralement aussi persuadé, qu'on l'est à présent, du goût et de l'attachement de l'Empereur pour sa jeune promise, et il m'étoit pardonnable de croire qu'il ne lui seroit pas difficile encore, puisque son mariage ne faisoit que se divulguer sans être annoncé publiquement, de lui en préférer une autre qui par ses qualites distinguées avoit à lui assurer son bonheur domestique, et qui par sa naissance avoit à convenir beaucoup plus aux intérêts de sa monarchie. Je me disois aussi, que si même je rencontrais de la difficulté à produire en lui ce changement, que cette circonstance suffisoit pour faire accueillir davantage et rendre plus instant le désir que j'ai ensuite énoncé, qu'il put au moins pour cimenter l'union des deux Empires être suppléé par un des princes de son sang. Telles sont les véritables causes qui m'ont portées à cette confidence. Je respectais trop les noms que j'avais à ménager, et la délicatesse des personnes augustes que je voulais servir, pour n'avoir pas soigneusement évité tout ce qui pouvoit les compromettre; je crois n'avoir compromis personne, puisque je n'ai parlé que de ma propre part, que comme d'une idée qui me séduisoit par les avantages réciproques qu'elle offroit aux deux Empires dont j'avais à entretenir l'amitié, et si j'ai failli en cette occasion, ce n'est certainement que par trop de zêle et avec les meilleures intentions.

Je n'ai pû dire du jeune archiduc Ferdinand que ce que j'en ai dit. Je savais seulement la conduite brillante qu'il avoit tenue à la guerre, que ses grands talents militaires inspiroient pour lui une grande considération et donnoient de belles éspérances; qu'il étoit aimé et respecté par ses subalternes, que sa conduite étoit affable, sage et reservée; qu'il n'avoit pas de fortune; qu'il n'en avoit pas à attendre; et que sa réputation comme son éxistence dans

le monde étoient tout-à fait dépendantes de la carrière qu'il avoit embrassée; mais je ne le connaissois pas encore personnellement; il étoit à Brün, où il commande, et je n'avois pû rien aprendre de précis et de bien détaillé sur sa vie privée et ses inclinations. Comme il étoit arrivé ici pour quelquetems et que j'avois à présenter ce matin à m-me l'archiduchesse sa mère et à sa famille quelques-uns de mes compatriotes; c'est aujourd'hui que je l'ai vû pour la première fois, et que j'ai fait sa connaissance. Il est très bien fait, fort poli, fort causant, le son de sa voix et toute sa tournure intérressent et sont fort agréables; il est celui des enfants de m-me l'archiduchesse Béatrix qui lui ressemble le plus. Il a tout ses traits, son profil, son sourire, ses yeux, ses cheveux; son teint est celui d'un militaire, toujours éxposé à l'air et au soleil, mais ayant cependant un air de santé, de la fraicheur et des couleurs, et je puis dire que sa phisionomie et sa figure peuvent plaire, et qu'il appartient à ce très petit nombre de princes qui ont à intérresser par la réunion des qualités de leur ésprit à celles de leur éxtérieur. Des objets de service le rappellent à Brün, il part après demain pour retourner ici, à ce qu'il m'a dit, vers l'epoque fixée pour le mariage de l'archiduchesse sa soeur. Son éxtérieur et sa conversation, très prevenants en sa faveur, annoncent un bon caractère et des moeurs douces, et on ne sauroit en supposer d'autres, par l'ésprit reconnu de m-me l'archiduchesse Béatrix et les soins particuliers qu'elle a pris de l'éducation et de la morale de ses fils; l'archiduc Ferdinand, qui lui ressemble tant, doit être son enfant chéri. Jusqu'à présent c'est tout ce que je suis en état d'en dire à V: M:; mais il me parroit que ce que j'en dis suffit déjà pour La disposer très favorablement pour lui. Je ne me permets pas la comparaison entre les deux archiducs Jéan et Ferdinand; tous les deux sont remplis de grandes et de belles qualités; tous les deux ont des figures très agréables, et chacun d'eux m'a beaucoup plû; quand V: M: et m-me la Grande Duchesse les verront ensemble, ce sera à Elles à les apprécier mieux, que je ne puis le faire, et ce n'est pas d'ici qu'il me convient d'oser préjuger de l'impréssion qu'ils feront sur M-me la Grande Duchesse de même que de l'opinion et du sentiment que l'un ou l'autre d'entr'eux pourra mériter d'elle de préférance.

La lettre ostensible de V: M:, je l'avoue, m'a fait le plus grand plaisir parcequ'elle m'accordait une grande latitude et de nouveaux moyens pour repprendre l'affaire qui en étoit l'objet, et à laquelle je ne songeois plus, à cause du dépit et du mécontentement que m'avoit causée la reponse de Stadion. J'ai été longtems indécis, si je ferois usage de cette lettre ostensible de V: M: ou non, si j'avois à m'en servir d'abord, ou si je devois avant attendre Sa reponse sur le rapport détaillé que je Lui ai fait de mon dernier entretien avec Stadion sur le même sujet. Enfin considérant que l'irrésolution et le peu de bonnes dispositions pour l'établissement futur de son frère, que l'Empereur François avoit témoigné à son ministre, ne provenoit que de vues rétrécies, d'un calcul de finance et de lézine, de la peine qu'il avoit d'augmenter la pension et d'améliorer le sort de son frère; considérant aussi que V: M: insistoit le plus, comme de raison, sur les qualités morales, sans s'arrêter à quelques milliers d'écus de revenu de plus ou de moins; qu'il falloit voir et traiter la chose en grand, et ne pas

contester dès le commencement sur des minuties qui pouvoient la faire échouer; que pour moi le point principal à obtenir et la grande difficulté à vaincre, consistoient à présent à porter l'Empereur François à désirer et à permettre, que son frère et son cousin fassent le voyage de Pétersbourg, et que c'étoit là, à quoi se bornoit pour ce premier moment le désir de V: M:; je me suis décidé à la produire immédiatement, étant persuadé que ma démarche, sans faire aucun mal, n'étoit qu'une suite naturelle des représentations que j'avois annoncées à Stadion vouloir adresser à V: M:, et pouvoit au contraire faire beaucoup de bien; voici de quelle manière je m'y suis pris.

Hier, conférant avec Stadion sur les affaires générales, je tachai de lui faire bien sentir la verité du tableau que je lui traçoi du besoin que l'Autriche avoit de la Russie; que la Russie ne pouvoit jamais avoir l'intention de diminuer sa puissance et ses possessions et que dans tous les cas c'étoit la Russie qui avoit toujours à être son principal égide; et à la fin de la conférance, au moment que je me levais pour le quitter, je lui dis: il faut pourtant que je vous donne de grands regrêts; nous voilà assis dans la même chambre et sur la même place, où nos deux entretiens confidentiels ont eû lieu; je n'ai pas besoin de vous faire l'apologie des sentiments qui m'y ont animés et qui certainement étoient bien sincères; vous n'avez qu'à vous rappeller de la reticence que vous aviez à me répondre après avoir vû l'Empereur, et de la réponse peu satisfaisante que vous avez été enfin dans le cas de me donner; vous ne doutez pas sans doute que j'en ai été aussi étonné qu'affligé, vous ne pouvez avoir oublié que j'ai voulu communiquer légerement à S: M: l'Impératrice-Mère l'idée qui m'étoit venue et que nous avions debattu ensemble; je vous ai promis de ne pas vous laisser ignorer la réponse dont Elle m'honoreroit; le courrier d'hier m'a apporté cette réponse, je ne voulais plus vous la montrer puisque l'affaire qu'elle regarde a cessé de nous occuper et que surtout moi personnellement je n'y dois plus songer; cependant je me suis déterminé à vous la faire lire, et en vérité ce n'est que pour vous faire regretter le peu de facilité que vous avez eu à m'annoncer pour l'accomplissement d'un projet que je considérois devoir être également utile et avantageux à nos deux cours; eh bien, tenez, voyez; lisez-la! Stadion la lut à haute voix; à chaque ligne il faisoit des pauses pour n'éxprimer que sa satisfastion; après en avoir achevé la lecture il s'ecria: mais pourquoi comptez vous donc que l'affaire dont il a été question entre nous soit entièrement terminée et qu'il n'y a plus à y revenir; ce n'est pas mon opinion, je crois au contraire qu'avec quelques modifications et quelques éxplications de plus, elle doit réussir; je vous demande la permission de dire à l'Empereur que vous avez reçu cette réponse de S: M: l'Imperatrice-Mère et que je l'ai lue; je suis persuadé que le voyage des deux archiducs dont il y est fait mention ne subira pas de grands obstacles: rien n'est plus naturel que de les faire aller à votre cour comme Monseigneur le Grand Duc Constantin a déjà été deux fois à Vienne, et comme ils appartiennent tous les deux au métier des armes que l'Empereur Aléxandre affectionne tant, le prétexte de leur voyage sera tout trouvé quand ils iront en Russie le printems prochain pour y assister à l'exércice des troupes. Je repliquai à Stadion: Fort bien, je consens que vous portiez à la connaissance de

l'Empereur votre maître le contenu de cette réponse que m'a faite S: M: l'Imperatrice-Mère, mais en le fesant ne dites plus rien sur tout ce qui nous a antérieurement occupé pour fixer d'avance l'établissement futur de celui des deux archiducs qui pourra obtenir la main de M-me la Grande Duchesse, puisque c'est là ce qui a tant embarrassé l'Empereur; bornez-vous à lui faire désirer cette nouvelle union, de même que le voyage de son frère et de son cousin à Pétersbourg, pour qu'ils s'y fassent connoître individuellement; si l'un d'eux fixera le choix de M-me la Grande Duchesse, et celui de l'Empereur Son frère et de Son Auguste Mère, et qu'ils se conviendront mutuellement, alors il y aura toujours assez de tems pour que nos deux cours s'entendent et s'arrangent entr'elles sur tout ce qui a rapport à l'établissement et au sort des nouveaux epoux et de leur postérité; mais si ce voyage des archiducs doit avoir lieu, pourquoi le differer jusqu'au printems, plutôt il pourra se faire et mieux cela sera: le carnaval est ordinairement très brillant chez nous et seroit au moins aussi pour eux une excellente occasion d'aller à Pétersbourg pour en profiter d'abord après les fêtes du mariage de l'Empereur; mais il faudroit qu'ils y arrivent tous les deux ensemble, ou au moins qu'il n'y ait pas un grand intervalle entre l'arrivée de l'un et de l'autre.—Tout ce que vous m'éxpliquez par rapport à ce voyage sera facile à arranger, me dit Stadion; mais comment sauver à l'archiduc, qui ne seroit pas choisi, l'humiliation qu'il auroit de ne l'avoir pas été?—Ah! je vous entends, répondis-je, votre remarque est juste; mais j'éspère pouvoir l'annuler par une idée qui me vient; souvenez-vous que nous avons en Russie deux Grandes Duchesses à marier, que M-me la Grande Duchesse Anne qui est la cadette a déjà treize ans, qu'elle est très formée et très grande pour son âge, que dans quinze mois, ou deux ans, elle pourra être aussi établie, et qu'elle pourra fort bien convenir par tous les grands avantages de sa naissance, de sa fortune et de ses qualités personnelles à celui des archiducs, qui n'aura pas obtenu le coeur et la main de m-me sa soeur ainée.—Oui, certainement, repliqua Stadion, c'est un excellent éxpédient que vous proposez-là; mais comment marier deux archiducs à la fois, quand nous en avons déjà tant qui sont à la charge de l'état, et que leur nombre doit sant doute s'augmenter encore par le troisième mariage de l'Empereur? Mais comment faire consentir l'archiduc Ferdinand à ce voyage, lui qui est si attaché à son métier et aux règles les plus strictes du service, dans un moment, où il commande toutes les troupes en Moravie et en Silesie, et où nous avons à surveiller les mouvements de l'armée Françoise qui s'obstine à ne pas quitter dans le voisinage les provinces Prussiennes. Je ne pû m'empêcher de l'interrompre.—Mais on passe, dis-je, sur bien des considérations, quand il est question de former des doubles noeuds de parenté avec un monarque aussi puissant que l'Empereur de Russie; on ne voit que les avantages qui doivent en resulter, et tout doit y céder; c'est là ce que j'ai à vous répondre à vos deux remarques, et j'y ajoute que le voyage de l'archiduc Jéan seul ne peut suffire, qu'il ne remplira pas le but que je vous éxplique, qu'il faut absolument que l'archiduc Ferdinand soit à Pétersbourg, en même tems que lui, et dans ce moment-ci, puisque vous me faites consentir à m'occuper de nouveau d'un objet que je regardois

déjà comme non avenu, je me borne à souhaiter et à vous demander uniquement que les deux archiducs aillent se présenter à ma cour et qu'ils le fassent avant la fin de cet hiver. Il faut que le ton dont je proférai ces paroles fut si positif ou convainquant, que Stadion se desista de toutes ses objéctions et me déclara que sans perdre de tems il informeroit son maître de la réponse dont V: M: m'avoit honorée, et que dans ses représentations il insisteroit près de lui pûrement et simplement sur le voyage des deux archiducs à Pétersbourg. Il a senti qu'il ne me seroit pas indifférent de faire savoir à V: M-té par le courrier que j'ai à reéxpedier, le résultat qu'aura produit sa réponse et m'a promis de m'en informer dans deux ou trois jours. Je suis à l'attendre; ce que j'en saurai formera le contenu d'une lettre separée que j'adressai à V: M:, en attendant je Lui éxpose, dans celle-ci, le narré de mon entretien d'hier avec Stadion et ce que j'ai à repondre à V: M: à tout ce qu'Elle a daigné m'écrire en date de 28 d'Octobre.

Je suis avec le plus profond respect etc.

XXXI.

Вѣна $\frac{16}{28}$ Ноября 1807.

Государыня,

Я имѣлъ счастіе получить черезъ курьера три письма, которыми В. И. В-во почтили меня изъ Гатчины, отъ 28-го Октября. Открытое письмо превосходно, и вполнѣ соотвѣтствуя своей цѣли, оно дало мнѣ желаніе, смѣлость, возможность возвратиться къ дѣлу, отъ котораго, къ огорченію моему и досадѣ, я считалъ себѣ вынужденнымъ отказаться, и которое я считалъ уже (хотя я сильно принималъ его къ сердцу) несбывшимся и непоправимымъ никакими усиліями. Но прежде, чѣмъ дать отчетъ В. В-ву въ моихъ новыхъ попыткахъ, я долженъ оправдаться передъ Вами въ исполненныхъ милости упрекахъ, которые Вы мнѣ дѣлаете. Если первыя мои предложенія, сообщенныя графу Стадіону, лично отъ меня, какъ собственныя мои мысли, могли показаться В. В-ву слишкомъ поспѣшными, то прошу Васъ быть увѣренною, что я рѣшился на нихъ лишь изъ усердія и преданности къ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и изъ нетерпѣливаго желанія видѣть Ея судьбу наконецъ устроенною: увѣряю Васъ также, что осторожный способъ, которымъ я объяснился съ графомъ Стадіономъ, долженъ былъ убѣдить его, что я говорилъ съ нимъ по собственному побужденію и что нѣтъ возможности, что-бы онъ подозрѣвалъ противное. Я имѣю тому доказательство въ его отвѣтѣ, къ которому я принудилъ его по возвращеніи Императора, отвѣтѣ, столь мало соотвѣтствовавшемъ моимъ надеждамъ, такъ сильно меня огорчившемъ! Не отрицаю, что откровенность моя на счетъ предположеннаго мною брака съ Императоромъ Францомъ не была вызвана ничѣмъ со стороны графа; но это признаніе было сдѣлано лично отъ меня, для того, что-бы еще болѣе убѣдить Стадіона въ цѣнѣ, придаваемой мною новымъ родственнымъ узамъ между нашимъ Императорскимъ домомъ и Австрійскимъ и потому, что я хотѣлъ попытаться, не удастся ли мнѣ этимъ намекомъ снова обратить виды Императора на Великую Княжну, какъ того желали и В-е В-во. Тогда не всѣ, въ той-же степени, какъ теперь, были убѣждены въ привязанности Императора къ его молодой невѣстѣ, и мнѣ было простительно думать, что ему не будетъ трудно (такъ какъ о его бракѣ лишь говорилось, но не было объявлено) предпочесть другую невѣсту, которая по отличнымъ своимъ качествамъ обезпечила-бы его семейное счастіе, и въ то-же время, по рожденію своему, гораздо бо-

лѣе соотвѣтствовала-бы интересамъ монархіи. Я говорилъ себѣ также, что даже если мнѣ не удастся произвести въ немъ эту перемѣну, выраженнаго мною желанія будетъ достаточно, что-бы придать болѣе внушительности, болѣе шансовъ на успѣхъ высказанному мною за тѣмъ предложенію о замѣнѣ его (для скрѣпленія узъ между двумя Имперіями) однимъ изъ принцовъ его крови. Вотъ истинныя причины, побудившія меня къ такой откровенности. Я слишкамъ уважалъ имена, съ которыми я обращался, и чувства Августѣйшихъ особъ, для которыхъ я трудился, что бы не избѣгать самымъ тщательнымъ образомъ всего, что могло поставить ихъ въ ложное положеніе; я думаю, что я въ этомъ успѣлъ, ибо я говорилъ лишь отъ своего лица, лишь какъ о планѣ, подкупившемъ меня взаимными выгодами, которыя онъ обѣщалъ двумъ Имперіямъ, между которыми я призванъ поддерживать дружбу; и если въ этомъ случаѣ я впалъ въ ошибку, то конечно только изъ лишняго усердія и съ лучшими намѣреніями.

О молодомъ эрцгерцогѣ Фердинандѣ я сказалъ все, что могъ сказать. Мнѣ только и было извѣстно, что на войнѣ онъ выказалъ себя самымъ блестящимъ образомъ, что его военные таланты внушаютъ къ нему большое вниманіе и подаютъ большія надежды; что онъ любимъ и уважаемъ своими подчиненными, что его поведеніе снисходительно, умно и сдержано; что у него нѣтъ состоянія, что ему неоткуда его ждать; и что его репутація какъ и его положеніе въ свѣтѣ находятся въ совершенной зависимости отъ избранной имъ карьеры; но я еще не зналъ его лично, онъ былъ въ Брюннѣ, при ввѣренномъ ему войскѣ, и я не могъ узнать ничего подробнаго и точнаго о его частной жизни и о его наклонностяхъ. Такъ какъ онъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько времени, а мнѣ пришлось сегодня представлять эрцгерцогинѣ его матери и ея семейству, нѣкоторыхъ изъ моихъ соотечественниковъ, то я сегодня увидѣлъ его въ первый разъ, и съ нимъ познакомился. Онъ очень хорошо сложенъ, очень учтивъ, очень разговорчивъ, звукъ его голоса и всѣ его пріемы весьма пріятны и внушаютъ сочувствіе; это тотъ изъ дѣтей эрцгерцогини Беатрисы, который наиболѣе походитъ на нее. У него всѣ ея черты, ея профиль, ея улыбка, ея глаза, ея волосы; онъ имѣетъ цвѣтъ лица воина, всегда подверженнаго воздуху и солнцу; впрочемъ, онъ имѣетъ видъ здоровый, свѣжій и румяный, и я допускаю, что лицо его и физіономія могутъ нравиться, и что онъ принадлежитъ къ тому весьма малому числу принцевъ, которые возбуждаютъ сочувствіе по соединенію умственныхъ качествъ съ привлекательною наружностію. Дѣла службы требуютъ его присутствія въ Брюннѣ, и онъ уѣзжаетъ послѣ-завтра, что-бы вернуться сюда, какъ онъ мнѣ сказалъ, около времени назначеннаго для бракосочетанія эрцгерцогини, его сестры. Его наружность и разговоръ, столь предрасполагающіе въ его пользу, указываютъ на добрый характеръ и кроткіе нравы, да иныхъ и ожидать нельзя, при извѣстномъ умѣ эрцгерцогини Беатрисы и особенномъ стараніи ея о воспитаніи и нравственности ея сыновей; эрцгерцогъ Фердинандъ, столь похожій на нее, считается ея любимцемъ. До сихъ поръ, вотъ все, что я въ состояніи сказать Вашему Величеству; но мнѣ кажется, что сказаннаго мною достаточно, что-бы расположить Васъ къ благосклонному о немъ сужденію. Я не позволю себѣ сравненія между эрцгерцогами Іоанномъ и Фердинандомъ; оба исполнены прекрасныхъ и высокихъ качествъ; оба имѣютъ очень привлекательную наружность, и оба мнѣ весьма понравились. Когда В. В-во и Великая Княжна увидите ихъ вмѣстѣ, Вы оцѣните ихъ лучше, и не мнѣ, отсюда, судить напередъ о впечатлѣніи, которое они произведутъ на Великую Княжну, и о томъ мнѣніи или чувствѣ, которое можетъ возбудить въ ней одинъ изъ нихъ преимущественно передъ другимъ.

Открытое письмо В. В-ва, признаюсь, очень обрадовало меня, ибо отверзаетъ мнѣ широкое поприще и новыя средства для возобновленія дѣла, о которомъ въ немъ рѣчь, и о которомъ я болѣе не думалъ, вслѣдствіе неудовольствія и досады, причиненной мнѣ отвѣтомъ Стадіона. Я долго оставался въ нерѣшимости, воспользоваться-ли мнѣ этимъ открытымъ письмомъ В. В-ва или нѣтъ, пустить ли мнѣ его въ ходъ тотчасъ-же, или дождаться мнѣ прежде Вашего отвѣта на подробный отчетъ, представленный мною о моемъ послѣднемъ разговорѣ съ Стадіономъ по тому-же предмету; но наконецъ, принявъ въ соображеніе, что нерѣшимость и нежеланіе заручиться на счетъ будущей судьбы своего брата, обнаруженныя Императоромъ въ разговорѣ съ его министромъ, происходили отъ узости взглядовъ, отъ мелочнаго, денежнаго расчета, вызваннаго затрудненіями въ увеличеніи содержанія и обезпеченіи судьбы его брата; принявъ также въ соображеніе, что В. В-во, какъ и слѣдовало ожидать, настаиваете всего болѣе на нравственныхъ качествахъ, не останавливаясь за нѣсколькими тысячами недостающихъ дукатовъ; что слѣдуетъ вести дѣло въ общихъ чертахъ, и не спорить съ самого начала о мелочахъ, которыя могутъ его испортить; что для меня главная цѣль и главное затрудненіе теперь состоятъ въ томъ, что-бы склонить Императора Франца къ желанію и дозволенію поѣздки его братьевъ, роднаго и двоюроднаго, въ Петербургъ; и что лишь въ этомъ, въ настоящее время, заключается желаніе В. В-ва; я рѣшился пустить письмо въ ходъ немедленно, убѣжденный, что этотъ шагъ, не принося никакого вреда, покажется лишь естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ представленій, съ которыми я обѣщалъ Стадіону обратиться къ В. В-ву, и напротивъ можетъ принести большую пользу. Вотъ, какъ я принялся за дѣло.

Вчера, совѣщаясь съ Стадіономъ о дѣлахъ государственныхъ, я постарался ясно дать почувствовать ему, насколько Австрія нуждается въ Россіи; что Россія никогда не можетъ имѣть намѣренія уменьшить могущество и владѣнія Австріи, и что во всякомъ случаѣ, Россіи всегда прійдется быть ея главною защитницею; и въ концѣ совѣщанія, въ ту минуту, какъ я вставалъ что-бы его оставить, я сказалъ: „Прійдется мнѣ однако-же возбудить въ васъ сильныя сожалѣнія: вотъ мы сидимъ въ той-же комнатѣ и на томъ-же мѣстѣ, на которомъ происходили наши два конфиденціяльные разговора, и мнѣ нѣтъ надобности извиняться въ тѣхъ чувствахъ, которыя меня тогда одушевляли, и были совершенно искренни. Стоитъ вамъ только вспомнить ваше нежеланіе отвѣчать мнѣ, послѣ вашего свиданія съ Императоромъ, и мало удовлетворительный отвѣтъ, который вы наконецъ были вынуждены дать мнѣ. Вы конечно, не сомнѣваетесь, что я былъ имъ столько-же удивленъ, какъ и огорченъ. Вы не могли забыть, что я хотѣлъ сообщить слегка Императрицѣ-матери мысль, которая пришла мнѣ въ голову и которую мы разработывали вмѣстѣ, и я обѣщалъ вамъ не скрыть отъ васъ отвѣта, коего она меня удостоитъ; вчерашній курьеръ привезъ мнѣ этотъ отвѣтъ, и я хотѣлъ было не показывать его вамъ, потому что дѣло, которого онъ касается, перестало занимать насъ, и мнѣ въ особенности нечего о немъ болѣе думать: однако-же я рѣшаюсь дать вамъ его прочесть, и право, только для того, что-бы заставить васъ пожалѣть о тѣхъ затрудненіяхъ, которыми былъ встрѣченъ проэктъ, по моему крайнему разумѣнію, полезный и выгодный для обоихъ нашихъ дворовъ; и такъ, читайте!“ Стадіонъ прочелъ письмо вслухъ; на каждой строкѣ онъ останавливался, что-бы выражать свое удовольствіе: окончивши чтеніе, онъ воскликнулъ: —Но почему-же считаете вы дѣло, о которомъ шла рѣчь между нами, совершенно покончennымъ и невозобновимымъ? Я не того мнѣнія. Я напротивъ думаю, что при нѣкото-

рыхъ дополнительныхъ объясненіяхъ и видоизмѣненіяхъ, оно должно удасться; прошу у васъ позволенія сказать Императору, что вы получили этотъ отвѣтъ отъ Е. В-ва Императрицы матери, и что я читалъ его. Я увѣренъ, что путешествіе двухъ эрцгерцоговъ, о которомъ въ немъ рѣчь, не встрѣтитъ большихъ препятствій; нѣтъ ничего естественнѣе, какъ послать ихъ къ вашему двору точно такъ же, какъ Великій Князь Константинъ Павловичъ уже два раза былъ въ Вѣнѣ, и такъ какъ оба принадлежатъ къ военной профессіи, столь уважаемой императоромъ Александромъ, то если они поѣдутъ въ Россію будущею весною что-бы присутствовать при ученіяхъ войскъ, нечего намъ искать иного предлога для ихъ путешествія.

—Очень хорошо, отвѣчалъ я Стадіону, соглашаюсь на то, что-бы вы довели до свѣдѣнія вашего Государя содержаніе этого отвѣта Императрицы-матери, но при этомъ не говорите ему больше ничего о всемъ томъ, о чемъ мы толковали прежде относительно предварительнаго опредѣленія будущихъ средствъ того изъ эрцгерцоговъ, который могъ-бы удостоиться руки Великой Княжны, ибо это-то и затруднило Императора ограничтесь тѣмъ, что-бы заставить его желать этого новаго союза, а также путешествія его братьевъ въ Петербургъ, для того, что-бы ихъ тамъ узнали лично; если одинъ изъ нихъ остановитъ на себѣ выборъ Великой Княжны, Императора Ея брата и Ихъ Августѣйшей матери; если они понравятся другъ другу, то оба двора всегда успѣютъ договориться и согласиться на счетъ обезпеченій для судьбы молодыхъ супруговъ и ихъ потомства; но если это путешествіе эрцгерцоговъ должно совершиться, зачѣмъ откладывать его до весны; чѣмъ раньше состоится оно, тѣмъ лучше; масляница у насъ обыкновенно очень блестяща; это было- бы прекраснымъ случаемъ для нихъ, что-бы поѣхать въ Петербургѣ тотчасъ послѣ свадьбы императора; но желательно, что-бы они прибыли туда вмѣстѣ, или по крайней мѣрѣ, что-бы не было долгаго промежутка между пріѣздомъ одного и другого.—Все то, что вы излагаете мнѣ на счетъ этого путешествія, легко устроить, отвѣчалъ Стадіонъ; но какъ избавить того эрцгерцога, который не будетъ избранъ, отъ неловкости такого положенія?—А! понимаю васъ, отвѣчалъ я;—ваше замѣчаніе справедливо; но надѣюсь успокоить васъ соображеніемъ, которое приходитъ мнѣ въ голову; вспомните, что у насъ въ Россіи двѣ Великія Княжны, что младшей, В. К. Аннѣ Павловнѣ, уже тринадцать лѣтъ, что она по лѣтамъ очень развита и высока ростомъ; что черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, или два года, и она можетъ выйти за-мужъ, и что она по всѣмъ преимуществамъ рожденія, богатства и личныхъ качествъ можетъ составить прекрасную партію для того изъ эрцгерцоговъ, который не удостоится руки и сердца ея старшей сестры.—Да, конечно, возразилъ Стадіонъ,—вы предлагаете прекрасный исходъ изъ затрудненія; но какъ женить намъ разомъ двухъ эрцгерцоговъ, когда ихъ уже такъ много на государственномъ иждивеніи, и число ихъ безъ сомнѣнія еще возрастетъ вслѣдствіе третьяго брака императора? Но какъ уговорить на это путешествіе эрцгерцога Фердинанда, столь привязаннаго къ своему дѣлу и къ строгимъ правиламъ службы, въ минуту, когда онъ командуетъ всѣми войсками въ Моравіи и Силезіи, и когда намъ приходится слѣдить за движеніями Французской арміи, упорно держащейся въ сосѣднихъ Прусскихъ провинціяхъ? — Но, невольно прервалъ я его, можно опустить многія соображенія, когда дѣло идетъ о томъ, что-бы заключить двойной родственный союзъ съ монархомъ, столь могущественнымъ, какъ Русскій Императоръ; тутъ смотришь только на выгоды, отъ этого проистекающія, и все должно уступить этому соображенію. Вотъ все, что могу я сказать на ваши два замѣчанія, и присовокуплю, что путешествіе одного

эрцгерцога Іоанна недостаточно, что оно не соотвѣтствовало-бы цѣли, мною указанной, что необходимо также и въ то-же время, присутствіе въ Петербургѣ эрцгерцога Фердинанда, и въ настоящее время, такъ какъ вы снова вовлекли меня въ дѣло, которое я уже считалъ не состоявшимся, ограничиваюсь желаніемъ и просьбою, что-бы оба эрцгерцога поѣхали представиться къ моему двору, и что-бы они это сдѣлали до конца этой зимы. — Должно думать, что тонъ, которымъ я произнесъ эти слова, былъ положителенъ и убѣдителенъ, ибо Стадіонъ отказался отъ своихъ возраженій и объявилъ, что, не теряя времени, онъ извѣстить своего Государя объ отвѣтѣ, котораго удостоили меня В. В-во, и будетъ просто и исключительно настаивать на томъ, что-бы оба эрцгерцога поѣхали въ Петербургъ. Онъ понялъ, что мнѣ не лишнее дать знать В. В-ву, черезъ перваго курьера о результатѣ Вашего отвѣта, и обѣщалъ извѣстить меня объ ономъ черезъ два, три дня. Жду этого извѣщенія, и то что я узнаю, составитъ содержаніе особаго письма къ В. В-ву; пока ограниваюсь этимъ отчетомъ о моемъ разговорѣ съ Стадіономъ и отвѣтомъ на все то, что В-е В-о изволили написать мнѣ отъ 28 Октября.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ, и т. д.

XXXII.

à Vienne le 21 Novembre, / 3 Decembre 1807.

Madame,

L'archiduc Palatin étant retourné à Bude, par conséquent n'ayant pû lui remettre en mains propres la lettre que V: M: I: m'avoit envoyée pour lui, comme Elle me l'avoit ordonnée, je me suis décidé, ne pouvant remplir mieux et autrement les ordres de V: M:, de l'inserer dans une lettre que j'ai adressée à l'archiduc pour la lui faire parvenir et dont j'ai chargé le secretaire-interprête de mon ambassade Frohman, le filleul de feu l'Empereur; c'est lui qui par la volonté et la protection de V: M: a été placé à notre service, et que j'ai éxpédié d'ici en courrier. Frohman revenu hier de Bude m'a apporté de la part de l'archiduc le pacquet cijoint à l'adresse de V: M: et une réponse pour moi, que je me fais un devoir de Lui présenter ici en original. Il faut que m-gr l'archiduc ait été bien content de l'envoi que je lui ai fait puisqu'indépendemment de l'accueil plein de bonté qu'il a accordé à Frohman, il lui a fait remettre encore le cadeau d'une bague de brillant de cinq à six cent florins.

J'en vieus à présent à m-gr le duc Ferdinand; il a été au comble de la joie en voyant que V: M: se rappelloit de lui et lui conservoit toujours Sa bienveillante affection, et Sa lettre a été véritablement pour lui la plus grande des consolations. J'ai l'honneur de présenter à V: M: ses deux lettres de différentes dates. Comme j'ai déviné que la première ne pouvoit contenir tous les détails de sa triste situation, je lui ai conseillé, j'ai éxigé même, qu'il en écrive une autre pour rendre à V: M: un compte éxact et fidèle de toutes les circonstances facheuses, où il se trouve et des causes qui les ont produites, étant persuadé que V: M: en les apprenant le plaindera plus qu'Elle ne le blamera, et en général qu'Elle conviendra, que la conduite qu'il a tenu pendant ces deux dernières années est très malheureuse pour lui, par les apparences, et que dans le fond elle n'est pas aussi repréhensible qu'elle paroit l'être. On ne peut être plus humilié, qu'il l'est dans son service, et il est impossible d'avoir moins de ressources et plus de gênes dans ses moyens de subsistance que lui. V: M: daignera me pardonner

ma franchise, mais je ne puis ne pas Lui avouer, que je combattis du fond de mon coeur au sort rigoureux qu'il doit supporter: je sais avec certitude, qu'il s'abuse en croyant qu'il peut être remis encore en activité d'après son grade; quand même il y auroit des places vacantes, qui eussent pû lui convenir, ce ne sera pas lui, à qui on songera pour les remplir. L'Empereur semble avoir pris le parti de ne plus l'employer et de le considérer comme n'étant plus déjà dans le cas d'y aspirer et de pouvoir l'être. Le voyant donc humilié, abandonné, sans aucun autre éspoir fondé, que celui, que les bontés de V: M: peuvent entretenir dans Son coeur serré, j'ai été de l'opinion qu'il valloit beaucoup mieux pour lui de se choisir un autre séjour et de ne plus rester à Vienne où il ne peut qu'éxister d'une manière inconvenable à sa naissance et à son grade militaire. Il vouloit encore faire une dernière tentative près de l'Empereur, pour lui demander s'il vouloit l'employer ou non; je lui ai fait sentir que cette demarche n'auroit certainement pas plus de succès que les précédentes, et dans la difficulté du choix d'un endroit dans les états de la monarchie Autrichienne où il pourroit se fixer, il ne s'est arrêté qu'à Gorcie et à l'idée qu'il pouvoit obtenir la permission d'aller en Italie pour y retablir par le bienfait du climat sa santé qui effectivement est tout-à-fait derangée. Malade depuis deux mois d'une très forte fièvre, il n'en est pas encore guéri, et sa faiblesse, sa maigreure et l'air souffrant de sa physiognomie indiquent parfaitement combien toutes ses forces sont faibles. Il n'a pour vivre que les vingt mille florins en argent de la pension temporaire que lui a accordé l'Empereur, et encore a-t-il le désagrément de ne pas pouvoir l'employer en entier pour son usage, ayant une dette de conscience à payer à son banquier de Sudtgard pour les avances que celui-là lui a faites sur ses appanages que le roi son frère vient de sequestrer retroactivement. La pension qu'il reçoit, qui est son unique assistance et sans laquelle il n'auroit absolument pas de quoi subsister, lui pèse infiniment par les accessoires amères, dont elle est accompagnée. Pour faire une idée à V: M: des besoins qu'il éprouve, je me contenterai de Lui dire que sa maison n'est composée que d'un valet de chambre, d'un chasseur et d'un cuisinier; dans son état de detresse il n'a pû me câcher qu'il seroit au comble de ses voeux et qu'il ne se permettroit jamais d'en former d'autres, si V: M: I: lui fesoit la grace d'obtenir pour lui de l'Empereur Son auguste fils, un asile dans une de ses villes de province quelque part qu'il fut, avec une pension purement alimentaire; il dit que c'est tout ce qu'il désire; que s'il avoit le bonheur de l'obtenir qu'il ne chercheroit alors, qu'à rester paisiblement dans la retraite, qui lui auroit été accordée, qu'il n'aurois plus rien à demander, ni place dans le service de Russie ni aucun bienfait de plus, et qu'il éviteroit soigneusement de venir dans la capitale pour ne pas gêner par sa personne et ne pas avoir l'air de se préparer à quelque nouvelles demandes; mais en même tems il sent aussi que l'inconduite de son frère le duc Louis ne peut que lui être très nuisible, en entravant les dispositions que V: M: pourroit avoir en sa faveur, et en diminuant à S: M: l'Empereur l'envie de lui accorder des témoignages de sa bienveillance et de sa générosité. Que V: M: daigne me le pardonner encore une fois, mais j'ose La supplier d'être bien persuadée, que dans aucune occasion la bonté et la sensibilité de

Son coeur ne peut être mieux employé que dans celle-ci, où il s'agit de tendre une main secourable à un frère qui Lui est tendrement dévoué et qui est victime de la dureté et de l'ingratitude de ceux sur lesquels il avoit le plus à compter. Je le pense et j'ose le répeter: personne ne mérite plus que m-gr le duc Ferdinand, par les malheurs, dont il est accablé, de devenir l'objet de l'intérêt particulier, de la sollicitude et des bienfaits de V: M.

Tout ce que V: M: a bien voulu me dire, sur le compte de m-gr le duc Louis est parfaitement vrai. C'est là ce que j'ai toujours pensé et dit moi-même. Il est sans excuses. Ce n'est pas moi qui a pu provoquer le ton amical des lettres qu'il m'a écrites. Mes réponses très courtes, quoique très respectueuses, en étoient fort éloignées, et je crois que n'ayant eû rien à lui dire de ce qu'il pouvoit souhaiter, il s'en impatientera, et notre correspondance finira d'elle-même.

A mon très grand regret, je suis obligé d'importuner aussi V: M: en Lui transmettant une lettre de la c-sse d'Equevilly, dont le mari a été g-l major du corps de Condé au service de Russie et au quel S: M: l'Empereur a permis d'en porter l'uniforme; je ne connois pas m-me d'Equivilly, mais m-me de Schouvaloff et le p-ce de Ligne qui la connaissent beaucoup m'on fait le tableau de tout le revers de la fortune qu'elle et son mari, jadis fort riche en France, ont essayés, et je n'ai pû me refuser à leur prière réunie de faire passer à V: M: I: la suplique qu'elle m'a envoyée en Son nom.

XXXII.

Вѣна 21 Ноября (3 Декабря) 1807.

Государыня!

Такъ какъ эрцгерцогъ Палатинъ вернулся въ Буду, и такъ какъ я, вслѣдствіе этого, не могъ передать ему въ собственныя руки письмо, которое ему прислали черезъ меня В. И. В-во, то я рѣшился, не имѣя возможности исполнить лучше и иначе приказаніе В. В-ва, вложить его въ письмо адресованное къ эрцгерцогу, которое я и поручилъ переводчику при моемъ посольствѣ, Фроману, крестнику покойнаго Императора, тому самому, который вступилъ въ нашу службу по волѣ и подъ покровительствомъ В. В-ва, и я отправилъ его отсюда курьеромъ. Фроманъ, возвратившись вчера изъ Буды, привезъ мнѣ отъ эрцгерцога приложенный при семъ пакетъ, адресованный В. В-ву, и отвѣтъ мнѣ, который считаю долгомъ тоже представить В. В-ву въ оригиналѣ. Надобно полагать, что эрцгерцогъ былъ очень доволенъ полученною черезъ меня посылкою, ибо, независимо отъ милостиваго пріема сдѣланнаго Фроману, онъ подарилъ ему брилліантовый перстень цѣною отъ пяти до шести сотъ флориновъ.

Возвращаюсь теперь къ герцогу Фердинанду. Онъ былъ обрадованъ, видя, что В. В-во его помните и сохраняете къ нему благосклонную привязанность, и Ваше письмо по истинѣ было для него величайшимъ утѣшеніемъ. Имѣю честь представить В. В-ву два его письма отъ разныхъ чиселъ. Такъ какъ я догадался, что въ первомъ не могутъ быть изложены всѣ подробности его печальнаго положенія, я посовѣтовалъ ему, я даже потребовалъ, что-бы онъ написалъ другое, что-бы отдать В. В-ву вѣрный и точный отчетъ о всѣхъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находится, и о причинахъ, которыя ихъ произвели, въ увѣренности, что В. В-во, узнавши ихъ, болѣе пожалѣете о немъ, чѣмъ его осудите, и вообще согласитесь, что поведеніе его въ теченіи этихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, весьма несчастное для него по наружности, въ сущности не столь предосудительно, какъ кажется. Нельзя быть болѣе униженнымъ, чѣмъ онъ, въ дѣлахъ службы, и невозможно нахо-

диться въ болѣе стѣсненномъ и безпомощномъ денежномъ положеніи. Да проститъ мнѣ В. В-во, мою откровенность, но я не могу Вамъ не признаться, что я отъ глубины сердца соболѣзную о жестокой судьбѣ, которую онъ переноситъ; я знаю навѣрное, что онъ заблуждается, полагая, что еще можетъ быть принятъ на службу сообразно съ своимъ чиномъ; если-бы даже были незанятыя мѣста, которыя могли-бы ему прійтись, не о немъ подумаютъ, что-бы замѣстить ихъ. Императоръ повидимому рѣшился болѣе не давать ему должностей и смотрѣть на него какъ на человѣка, не имѣющаго и права питать подобныя надежды. И такъ, видя его униженнымъ, оставленнымъ всѣми, безъ иныхъ на чемъ-либо основанныхъ надеждъ, кромѣ тѣхъ, которыя можетъ поддержать въ его уязвленномъ сердцѣ милость В. В-ва, я пришелъ къ заключенію, что для него гораздо лучше избрать себѣ иное мѣсто жительства, и не оставаться долѣе въ Вѣнѣ, гдѣ онъ можетъ существовать лишь способомъ, несоотвѣтствующимъ его рожденію и его военному чину. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ попытаться попросить Императора о должности, но я далъ ему почувствовать, что эта попытка будетъ столь-же безуспѣшна, какъ и предъидущія; и затрудняясь въ выборѣ мѣстажительства, онъ остановился лишь на Горицѣ и на мысли, что онъ можетъ испросить себѣ позволеніе поѣхать въ Италію, что-бы поправить тамъ, благодаря климату, свое здоровье, дѣйствительно совершенно разстроенное. Больной уже два мѣсяца весьма сильною лихорадкою, онъ до сихъ поръ не можетъ отъ нея избавиться, и его слабость, его худоба, его болѣзненный видъ, ясно показываютъ, что его силы совершенно истощены. Онъ живетъ только двадцатью тысячами флоринами серебромъ временной пенсіи, дарованной ему Императоромъ, и къ тому-же не имѣетъ возможности пользоваться ею вполнѣ, вслѣдствіе долга, который онъ долженъ уплатить своему Штутгардскому банкиру за помощь, оказанную ему подъ обезпеченіе удѣла, на который король его братъ наложилъ обратный секвестръ. Пенсія, получаемая имъ здѣсь, безъ которой онъ не могъ-бы существовать, чрезвычайно тяготитъ его по непріятностямъ, съ которыми сопряжено ея полученіе. Что-бы дать В. В-ву понятіе о нуждѣ, которую онъ испытываетъ, достаточно сказать Вамъ, что прислуга его состоитъ лишь изъ камердинера, егеря и повара. Въ своемъ бѣдственномъ положеніи, онъ не скрылъ отъ меня, что всѣ желанія его были-бы исполнены и онъ не позволилъ-бы себѣ желать ничего бо́льшаго, если-бы Ваше В-во оказали ему милость испросить для него у Императора, Вашего Августѣйшаго сына, убѣжище въ одномъ изъ его провинціяльныхъ городовъ съ пенсіею, только достаточною на поддержаніе его существованія. Онъ говоритъ что болѣе онъ ничего не желаетъ, и что если онъ будетъ имѣть счастіе этого достигнуть, онъ только и будетъ думать о томъ, что-бы оставаться спокойно въ убѣжищѣ, ему назначенномъ, что ему не останется просить ничего бо́льшаго, ни должности на Русской службѣ, ни иного благодѣянія, и что онъ будетъ тщательнно избѣгать пріѣздовъ въ столицу, что-бы не стѣснять двора своимъ присутствіемъ и не подавать вида, что готовится къ новымъ просьбамъ; въ то-же время онъ сознаетъ, что дурное поведеніе его брата Лудвига не можетъ не повредить ему очень сильно, противодѣйствуя расположенію В. В-ва въ его пользу, и отъимая у Государя Императора желаніе изливать на него свидѣтельства своего благорасположенія и щедрости. Еще разъ, да проститъ меня В. В-во, но смѣю просить Васъ быть увѣренною, что ни въ какомъ случаѣ доброта и чувствительность Вашего сердца не можетъ быть лучше приложена, какъ именно въ этомъ, гдѣ приходится протянуть руку помощи брату, Вамъ нѣжно преданному, и сдѣлавшемуся жертвою жестокосердія и неблагодарности тѣхъ, на кото-

рыхъ ему всего естественнѣе было расчитывать. Я въ томъ убѣжденъ, и осмѣливаюсь повторить, что никто, болѣе герцога Фердинанда, по несчастіямъ, его подавляющимъ, не достоинъ сдѣлаться предметомъ особого участія, заботливости и благодѣяній В. В-ва.

Все что̀ В. В-во изволили сказать мнѣ на счетъ герцога Лудвига, совершенная правда. Это то-же, что̀ я всегда думалъ и говорилъ. Ему нѣтъ извиненій. Не я вызывалъ дружескій тонъ писемъ, имъ мнѣ написанныхъ. Мои весьма краткіе, хотя и почтительные, отвѣты не могли подать къ тому повода, и я думаю, что такъ какъ я не могъ сказать ему ничего для него желательнаго, онъ потеряетъ терпѣніе, и наша переписка прекратится сама собою.

Къ крайнему моему сожалѣнію, я вынужденъ также обезпокоить В. В-во передачею письма отъ графини Эквильи, мужъ который былъ на Русской службѣ, генералъ-майоромъ въ корпусѣ Конде, и получилъ отъ Государя Императора позволеніе носить Русскій мундиръ. Я не знаю г-жи Эквильи, но гр. Шувалова и князь де Линь, весьма близко съ нею знакомые, начертили мнѣ картину бѣдствій испытанныхъ ею и ея мужемъ, людьми когда-то во Франціи очень богатыми: я не могъ устоять противъ ихъ соединенныхъ просьбъ, и посылаю Вашему Величеству прошеніе, присланное мнѣ ею на Ваше имя.

XXXIII.

à Vienne, $\frac{\text{22 de Novembre}}{\text{4 de Decembre}}$ 1807

Madame,

Avant hier j'ai eu un entretien de 3 heures avec le c-te de Stadion. V: M: I: a vû par ma lettre du $\frac{16}{28}$ de Novembre, № 43, avec quelle confiance fondée, je devois attendre les résultats de ma conférence précédente. Mais il étoit écrit dans les déstinées, que le désir le plus ardent de mon coeur, le voeu particulier du ministre, rencontreroient des obstacles insurmontables, parceque des maximes d'état surannées des considérations de religion, de géniture et d'ainesse, la crainte de heurter des frères en place et en crédit, l'emportent sur l'intérêt politique, naturel, évident de cette union.

Je vais détailler nos éxplications avec cette éxactitude scrupuleuse, qui dans toutes les occasionts de ma vie caractérisera mes rapports à V: M: I:.

Des objets importans avoient éxigé une éspèce de comité entre le c-te de Stadion, le general d-te de Grün, directeur de la chancellerie du minisre de la guerre, et moi. Ces discussions fixées, le général se rétira, et je demeurai seul avec le ministre. Je résumai avec lui tous les points de la conférence, ceux des événemens publics; je voulais de cette manière le conduire naturellement à ce qu'il pouvoit avoir à me dire du succès de son travail avec l'Empereur, à la suite de ce qui avoit été dit entre nous à l'égard du voyage des deux archiducs. Cependant la conversation d'affaires s'épuisoit.—N'avez-vous rien oublié, demandois-je au ministre?—Il me semble que non, fut sa réponse, et cette réponse me présageant le résultat de ses démarches, j'étouffai le mouvement, qui s'élevoit en moi, et du ton le plus calme je lui dis: N'avez vous rien à m'apprendre de nos voyageurs?—Hélas, réprit le c-te de Stadion, avec embaras et peine, les dispositions de l'Empereur sont invariables. Il sent tout le prix de ce qu'il pouvoit arriver d'heureux aux princes de sa maison; mais il persevère dans le systême, que l'établissement des cadets est contre l'intérêt des monarchies, sous les rapports de la postérité qui provient de ces unions; parcequ'une union pareille avec une Grande Duchesse de Russie

donneroit à des cadets un établissement fait pour être jalousé par les ainés, que cet établissement ne seroit point compatible avec l'ordre proportionnel où les a placés leur naissance dans la famille même, et qu'il éxigeroit pour la progéniture future des appanages aux frais de l'état; c'est par toutes ses considérations que l'Empereur ne croit point pouvoir ou devoir consentir à établir ses frères cadets ou ses cousins. — Je vois, dis-je, qu'on en revient toujours, à des calculs arithmétiques. Je crois cependant vous avoir suffisamment observé que ce n'étoit point un obstacle qui put arrêter.—Non, me repliqua Stadion, ce n'est point là ce qui arrête; ce sont les raisons que je vous ai éxposées et qui portent l'Empereur à croire, qu'il seroit inconvenable d'établir les cadets avant les ainés, qui ont une fortune faite et une fortune proportionnée à cet etat. Il proposa de nouveau l'archiduc Charles.—Vous oubliez, lui dis-je, la conversation, que nous avons eue à son sujet avant que vous eussiez lû la lettre, qui vous a si vivement penétré. Vous oubliez, qu'il n'est pas encore question d'un mariage, mais qu'il ne s'agit que d'un voyage en Russie. La Mère auguste et tendre qui préfère le bonheur de Sa fille à toute autre considération, ne la donnera qu'au prince qui aura sçû l'interésser. Il faudroit donc supposer ici un mariage par procuration, et cela n'entrera jamais dans les intentions de l'Imperatrice-Mère. D'ailleurs veuillez vous rappeller des accidents auxquels la santé de l'archiduc Charles est soumise; n'oubliez point, que dans le tems même, votre cour a désiré que pour M-me la Grande Duchesse Alexandrine on preférat l'archiduc Joseph; et convenez que si la popularité dont jouit le généralissime, le pouvoir dont il est investi, sa vie militaire, ses talents, ses counaissances et son ésprit pouvoient intérésser une princesse à la fleur de l'âge, dans tout l'éclat de la fraicheur, instruite et parfaite en tout, des refléxions de crainte se méleroient cependant à son éxistence. —Cela pouvoit être vrai autrefois, reprit le c-te de Stadion, mais aujourd'hui que l'archiduc est entièrement rétabli, ces inquiétudes ne seroient plus fondées. Le peu de chemin que ses refléxions faisoient dans mon opinion le décida à passer au second frère, au grand-duc de Würtzbourg. Je rappellai de nouveau nos entretiens antérieurs. Il est vrai, continua le c-te de Stadion, qu'il ne possède aucune qu.ité éxtérieure, séduisante; mais il a toutes celles du coeur, il a prouvé qu'il étoit susceptible d'attachement, et puis il a une souveraineté. Je coupai une seconde fois court à ces remarques, pour revenir au voyage des archiducs Jéan et Ferdinand. Oubliez, dis-je, qu'il s'agit d'une alliance, que les princes voyent la Russie:—Oui, mais sous quel prétexte?—Sous celui de faire la connaissance de l'Empereur, de voir une cour brillante, une des plus belles capitales de l'Europe, une armée qui a de la réputation; qu'ils aillent à St-Pétersbourg, comme Monseigneur le Grand Duc Constantin est venu à Vienne. —Assurement, reprit Stadion, ce seroit un prétexte plausible et apparent, mais le but véritable du voyage ne pouvant pas être admis, ce seroit éxposer inutilement le coeur de ces jeunes princes, leur montrer une félicité à la quelle ils n'osent point aspirer, ce seroit même compromettre les cours.—J'ai donc fini avec le ministre, repris-je, je m'adresse à prèsent au c-te de Stadion, à l'ami. Vous avez lû la lettre de l'Impératrice. Vous êtes cause, par la manière, dont vous avez abondé dans mon sens, que j'ai osé primitivement présen-

ter cet objet à l'attention de S: M: I: Quoique j'ai très bien saisi tout ce que vous avez voulû me faire comprendre, et que je ne pourrai pas l'oublier, dites moi pourtant quelle est la réponse, que je dois, que je puis Lui faire?—Je sens, repliqua le c-te de Stadion avec peine, tout l'embarras de cette situation. Je le sens d'autant plus vivement, que jai tenu et que je tiens même fortement moi-même à l'idée, qui me paroissoit d'un si grand intérêt pour l'Autriche; mais la volonté de l'Empereur ne change pas, et l'on ne l'attribuera qu'a ce qu'il croit devoir irrévocablement à ses frères ainés et à l'intérêt pécuniaire de la monarchie, quand il compte les nombreux rejettons déjà éxistants de la maison impériale.

C'est la seconde fois que dans une affaire qui présentoit, de premier abord, le succès le plus intéréssant, j'ai à remplir une tâche également pénible à mon ésprit et à mon coeur. Mais l'éxposé fidéle de tout ce qui s'est passé dans ces deux conférances servira du moins à prouver à V: M: que la dignité de notre cour ne fut jamais compromise; que c'est Stadion qui a été audevant de tout; que c'est lui, qui lorsque je lui déclarai que je ne voulois lui donner que des regrêts, que j'avois entièrement perdu de vue l'objet qui nous avoit occupé, que c'est lui, dis-je, qui lorsqu'il eut vû la lettre de V: M: I:, me dit que j'avois tort de croire la chose comme rompue; et qui m'assuroit que la modification que nous avions à y apporter, pour le premier moment, en ne préparant que sous un prétexte simple et naturel le voyage des deux archiducs rencontreroit probablement l'approbation de l'Empereur. J'abrège des détails, qui seroient superflus: je me borne à une seule prière, que je supplie V: M: I. d'honorer d'un moment d'attention. Ce que j'ai annoncé dans mon № 43 de ma première conversation avec le c-te de Stadion, étoit un tableau fidèle et éxact de tout ce que ce ministre m'avoit dit. J'ai apporté la même éxactitude dans ma relation ci-jointe du $\frac{16}{28}$ de 9-bre. Que Votre Majesté juge d'après cela, que Son auguste fils juge de même si mes premières démarches furent légères ou inconsidérées?

L'uniformité des témoignages du c-te de Stadion, dans mon avant-dernier entretien avec lui, l'initiative, qu'il reprit sur le tout, ne portent ils pas le même caractère, le même empressement, le même voeu? Le chemin, pour moi, au souverain étoit par le ministre qui a bondé dans mes plus vagues indications; il désire que je les fixe d'avantage, je le fais; mais il ne réussit point à faire agréer un projet dans le quel il se complaisoit lui-même; et il ne me reste, aumilieu de mes plus vifs regrêts, que la satisfaction de n'avoir pas aucune avance, pas aucun de ces mouvements qu'auroit pû provoquer en moi l'attachement tendre et respectueux pour mes maitres, qui forme l'ame de mon éxistence, de n'avoir, dis-je, montré dans ces occasions aucun impatience, aucune prévenance qui n'eussent pas été en mesure avec la nature même de l'objet délicat que j'avais à traiter avec la dignité et l'élévation du trône de mon maître et de son auguste famille.

Le peu de succès de ma première tentative m'avoit déjà chagriné; celle que je viens de faire à prèsent avec une éspérance nouvelle et sous une autre forme, m'ayant réussi aussi peu, le chagrin et le dépit, que j'en ai me donnent, je l'avoue, du dégout pour Vienne, et pour tous ceux avec qui j'ai à y cultiver mes relations d'office.

XXXIII.

Вѣна $\frac{22\text{ Ноября}}{4\text{ Декабря}}$ 1807.

Государыня,

Третьяго дня, я имѣлъ трехчасовой разговоръ съ гр. Сатадіономъ. В-е И-ое В-во видѣли, по письму моему отъ $\frac{16}{8}$ Ноября, подъ № 43, съ какою основательною надеждою я долженъ былъ ожидать результатовъ предъидущаго совѣщанія. Но было написано въ книгѣ судебъ, что самое пламенное желаніе моего сердца и предметъ особенныхъ стараній министра встрѣтятъ непреодолимыя препятствія, потому что устарѣлыя государственныя правила, соображенія первородства и старшинства, опасенія оскорбить братьевъ, имѣющихъ положеніе и вѣсъ, перевѣшиваютъ естественныя, очевидныя политическія выгоды этого союза. Изложу нашъ разговоръ съ тою совѣстливою точностію, которою, во всѣхъ случаяхъ моей жизни, будутъ отличаться мои донесенія В. И. В-ву.

Важные вопросы заставили собраться, въ нѣкотораго рода комитетъ, гр. Стадіона, генерала гр. Грюна, директора канцеляріи военнаго министерства, и меня. По окончаніи совѣщанія, генералъ удалился, и я остался одинъ съ министромъ. Я резюмировалъ съ нимъ всѣ разобранные нами пункты, желая такимъ образомъ естественно перевести его отъ дѣлъ обще-государственныхъ къ тому, что могъ онъ мнѣ сказать объ успѣхѣ своего доклада Императору, по поводу сказаннаго между нами о путешествіи двухъ Эрцгерцоговъ. Между тѣмъ предметъ разговора истощился. —Не забыли-ли вы о чемъ нибудь? спросилъ я министра. —Кажется, ни о чемъ, отвѣчалъ онъ, и такъ какъ этотъ отвѣтъ давалъ мнѣ предчувствовать результатъ его попытокъ, я сдержалъ досаду, подымавшуюся во мнѣ, и сказалъ ему самымъ спокойнымъ тономъ: —Вамъ нечего сказать мнѣ о нашихъ путешественникахъ? —Увы! —отвѣчалъ гр. Стадіонъ, съ видомъ печали и смущенія, — расположеніе Императора неизмѣнно. Онъ сознаетъ всю цѣну того счастія, которое могло-бы выпасть на долю одного изъ принцовъ его дома; но онъ не можетъ отказаться отъ систематическаго убѣжденія, что браки младшихъ братьевъ противны интересамъ Монархіи, въ соображеніи потомства, происходящаго отъ этихъ союзовъ; что подобный бракъ съ Русскою Великою Княжною далъ-бы младшимъ Эрцгерцогамъ положеніе, возбуждающее зависть старшихъ; что такое положеніе не было-бы сообразно съ тѣмъ относительнымъ порядкомъ, въ которомъ они расположены въ семействѣ самымъ своимъ рожденіемъ, и требовало-бы для будущаго потомства новыхъ удѣловъ, на счетъ государственныхъ средствъ. Но всѣмъ этимъ причинамъ, Императоръ не считаетъ, что-бы онъ могъ или долженъ былъ согласиться на браки своихъ братьевъ. —Я вижу, —сказалъ я, —что постоянно возвращаются къ ариѳметическимъ расчетамъ. Мнѣ кажется однако, я разъяснилъ достаточно, что за этимъ препятствіемъ останавливаться нечего. —Нѣтъ, возразилъ мнѣ Стадіонъ, —не это останавливаетъ дѣло; останавливаютъ его причины, изложенныя мною и заставляющія Императора думать, что не слѣдуетъ женить младшихъ прежде старшихъ, имѣющихъ состояніе обезпеченное и сообразное своему положенію. Онъ снова предложилъ Эрцгерцога Карла. —Вы забываете, —сказалъ я ему, —разговоръ, который мы имѣли на его счетъ прежде чѣмъ вы прочли письмо, столь глубоко тронувшее васъ. Вы забываете, что еще нѣтъ рѣчи о бракѣ, а только о путешествіи въ Россію. Августѣйшая и нѣжная мать, ставящая счастіе Своей дочери выше всѣхъ прочихъ соображеній, отдастъ ее лишь принцу, съумѣющему ей понравиться. Тутъ былъ бы нуженъ бракъ черезъ повѣреннаго, а это никогда не войдетъ въ виды Императрицы. Впрочемъ, извольте вспомнить о припадкахъ, которымъ подвержено здоровье Эрцгерцога Карла. Не забывайте, что было

время я, когда вашъ дворъ пожелалъ, чтобы для Великой Княжны Александры Павловны предпочли Эрцгерцога Іосифа; и согласитесь, что если-бы популярность, которою пользуется генералиссимусъ, власть, которою онъ облеченъ, его военные подвиги, его таланты, свѣдѣнія и умъ могли бы привлечь юную, свѣжую о бразованную и вполнѣ прелестную Великую Княжну, къ этому чувство примѣшалось бы невольное чувство страха.—Это могло быть справедливо прежде,—отвѣчалъ гр. Стадіонъ,—но теперь, когда Эрцгерцогъ совершенно выздоровѣлъ, эти опасенія не имѣли-бы основанія. Малое впечатлѣніе, которое дѣлали на меня его замѣчанія, заставили его перейти ко второму брату, Великому Герцогу Вюрдбургскому. Я снова напомнилъ ему наши прежніе разговоры —Правда,—продолжалъ гр. Стадіонъ,—что у него нѣтъ привлекательныхъ наружныхъ качествъ; но за то онъ имѣетъ всѣ сердечныя качества; онъ доказалъ, что онъ способенъ на привязанность, и затѣмъ онъ имѣетъ владѣнія. Я во второй разъ прервалъ эти разсужденія, что-бы возвратиться къ путешествію Эрцгерцоговъ Іоанна и Фердинанда. — Забудьте — сказалъ я, — что дѣло идетъ о брачномъ союзѣ. Пусть принцы повидаютъ Россію.—Да, но подъ какимъ предлогомъ?—Для того, что-бы познакомиться съ Императоромъ, увидѣть блестящій дворъ, одну изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, славную армію; пусть они поѣдутъ въ Петербургъ, какъ Великій Кн. Константинъ Павловичъ пріѣзжалъ въ Вѣну.—Конечно,—возразилъ Стадіонъ,—это былъ-бы благовидный и простой предлогъ, но такъ какъ истинная цѣль путешествія не можетъ быть допущена, это значило бы подвергать сердца этихъ двухъ юныхъ принцевъ напрасной опасности, показать имъ счастіе, которого они требовать не въ правѣ; это значило бы даже поставить оба двора въ неловкое положеніе.—И такъ, я съ министромъ покончилъ—отвѣчалъ я:—обращаюсь теперь къ графу Стадіону, къ моему другу. Вы читали письмо Императрицы; вы, тѣмъ способомъ, которымъ вы первоначально вошли въ мои виды, внушили мнѣ смѣлость представить этотъ предметъ на усмотрѣніе Ея В-ва. Хотя я вполнѣ усвоилъ себѣ все то, что вы хотѣли дать мнѣ почувствовать и не могу о томъ забыть, скажите мнѣ однакоже, какой отвѣтъ могу, долженъ я дать Ей?—Я съ прискорбіемъ,—отвѣчалъ гр. Стадіонъ—сознаю всю затруднительность положенія. Я сознаю ее тѣмъ живѣе, что я дорожилъ и до сихъ поръ сильно дорожу этою мыслью, казавшеюся мнѣ столь выгодною для Австріи: но воля Императора неизмѣнна; и пусть ее принишутъ лишь его понятіямъ о непремѣнныхъ его обязанностяхъ относительно старшихъ братьевъ и государственныхъ финансовъ, въ виду уже теперь столь многочисленныхъ отпрысковъ Императорскаго дома.

Вотъ уже второй разъ, какъ въ дѣлѣ, представлявшемся мнѣ на первый взглядъ въ самомъ интересномъ свѣтѣ, мнѣ приходится исполнять долгъ, равно тягостный для ума моего и для сердца. Но вѣрный отчетъ о всемъ томъ, что происходило въ этихъ двухъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ послужитъ къ тому, чтобы убѣдить В. В-во, что достоинство нашего двора ни разу не было уронено; что первый шагъ во всемъ принадлежалъ Стадіону. Онъ, когда я сказалъ ему, что хочу лишь возбудить его сожалѣнія, что совершенно отказался отъ занимавшаго насъ предмета, онъ, говорю я, увидѣвъ письмо В. И. В-ва, сказалъ мнѣ, что напрасно считаю я дѣло несостоявшимся; онъ увѣрилъ меня, что видоизмѣненіе нашего проэкта, по которому на первый разъ слѣдуетъ только подготовить подъ простымъ и естественнымъ предлогомъ путешествіе Эрцгерцоговъ, встрѣтить одобреніе со стороны Императора. Опускаю излишнія подробности: ограничиваюсь одною просьбою, которую умоляю В. И. В-во удостоить минутнаго вниманія. То, что я изложилъ въ моемъ № 43 о первомъ моемъ разговорѣ съ гр. Стадіономъ, бы-

ло точною и вѣрною картиною всего того, что̀ сказалъ мнѣ этотъ министръ. Я приложилъ ту-же точность въ присемъ прилагаемой моей реляціи отъ $\frac{16}{28}$ Ноября. Пусть Ваше В-во, пусть Августѣйшій сынъ Вашъ по нимъ посудятъ, были-ли первые мои шаги отъ имени В. В-ва легкомысленны и необдуманны? . . . . . Среди живѣйшихъ мопхъ сожалѣній мнѣ остается только то удовлетвореніе, что я никакою поспѣшностію, никакимъ изъ тѣхъ движеній, которыя могла-бы мнѣ внушить нѣжная и почтительная привязанность къ моимъ Повелителямъ, наполняющая мою душу, не показалъ въ этихъ обстоятельствахъ никакой настойчивости, никакой предупредительности, не соотвѣтствующей деликатному предмету, который приходилось мнѣ обработывать со всѣмъ достоинствомъ и величіемъ, подобающимъ Русскому трону и Царской семьѣ.

Плохой успѣхъ первой моей попытки уже огорчилъ меня; послѣ того, какъ вторая, предпринятая съ новою надеждою и подъ иною формою, оказалась столь-же неудачною, признаюсь, что происходящія отъ того огорченіе и досада внушаютъ мнѣ отвращеніе къ Вѣнѣ и ко всѣмъ тѣмъ, съ которыми мнѣ въ ней приходится поддерживать служебныя отношенія.

РАЗСКАЗЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА О ВИДѢНІИ ЕМУ ПЕТРА I-го.

Трудно найти для психолога и физіолога другую натуру, заслуживающую болѣе обстоятельнаго и внимательнаго изученія чѣмъ императоръ Павелъ I: воображеніе въ немъ было такъ сильно, что онъ представляемые предметы принималъ какъ за дѣйствительно существующіе. Въ немъ, еще десятилѣтнемъ мальчикѣ, особенность эта была уже замѣчена воспитателемъ его, Порошинымъ. Онъ остался тѣмъ же до конца жизни. Онъ вѣрилъ въ сны и предзнаменованія. Вспомнимъ сонъ его предъ днемъ вступленія на престолъ, переданный въ запискѣ Растопчина: тутъ ему снилось, что его три раза поднимаетъ къ верху невѣдомая сила*). Армфельдтъ передаетъ слова Павла о снѣ, который ему привидѣлся накапунѣ дня его смерти: ему снилось, что ему на спину натягивали узкій парчевой кафтанъ и съ такимъ усиліемъ, что онъ готовъ былъ вспрыгнуть отъ боли. Постройка Михайловскаго инженернаго замка, въ которомъ послѣдніе мѣсяцы жилъ и умеръ императоръ, находится также въ прямой связи съ этой вѣрой въ видѣнія и предзнаменованія. Иначе солдату, объявившему о видѣніи ему Архангела Михаила на мѣстѣ нынѣшняго замка, конечно бы не повѣрили.

Въ настоящее время медицинская наука въ напряженномъ воображеніи, въ видѣніи призраковъ и т. д. видитъ результатъ разстройства пищеварительной системы и, перечитывая напримѣръ „Записки Порошина“, врачъ найдетъ въ нихъ прямое подтвержденіе этой теоріи. Десятилѣтній Павелъ, сила воображенія котораго изумляла наставниковъ, постоянно страдалъ плохимъ пищевареніемъ. Рвота и головная боль были въ немъ постояннымъ недугомъ. Порошинъ, не зная чѣмъ объяснить это явленіе, приписываетъ его тому, что, обыкновенно не любивши долго сидѣть за столомъ, великій князь глоталъ большіе куски, не совсѣмъ разжевывая ихъ.

Приводимый здѣсь разсказъ великаго князя о видѣніи ему Петра I въ связи съ другими данными въ томъ же родѣ ближе раскрываетъ намъ психическія особенности этой замѣчательной личности.

Въ 1782 г. Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ молодой супругой своей Маріей Ѳеодоровной путешествовалъ за границей. Не мало подробностей объ этой поѣздкѣ находимъ мы въ Запискахъ баронессы Оберкирхъ. [1]) Баронесса Обер-

*) Должно припомнить и то, что императоръ Павелъ принадлежалъ къ масонству. *П. Б.*

[1]) Memoirs of the baroness Oberkirch, London, 1852, 3 v.

кирхъ, подруга дѣтства принцессы Доротеи Виртембергской (послѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны) путешествовала вмѣстѣ съ русскою великокняжескою четою по Франціи, Бельгіи и Германіи. Павелъ Петровичъ очень уважалъ баронессу, къ которой великая княгиня, его супруга, сохранила прежнія чувства теплой дѣвической привязанности. Подаренные разъ баронессѣ великимъ княземъ фрукты бросили даже мимолетный колоритъ легкой ревности на отношенія между супругами; но это былъ порывъ тойже почти шуточной ревности, которою напримѣръ встрѣтила великая княгиня разсказы супруга о королевѣ Маріи Антуанетѣ, очаровавшей его въ Парижѣ.

10 Іюля 1782 въ Брюсселѣ, Павелъ Петровичъ, путешествовавшій подъ именемъ графа Du Nord, ужиналъ въ обществѣ. Великая княгиня, утомившись путешествіемъ и театромъ, который путешественники тотчасъ посѣтили по пріѣздѣ въ Брюссель, не была за столомъ. Ужинъ ли, жаркій ли лѣтній вечеръ, далъ особенное направленіе разговору, только бесѣда скоро обратилась къ чудесному, къ явленію призраковъ и т. д. Каждый разсказалъ что нибудь чудесное изъ собственнаго опыта; лишь одинъ великій князь хранилъ молчаніе. Слѣдующее заимствуемъ мы буквально изъ Записокъ Оберкирхъ (II, 94—100). Запискамъ баронессы смѣло можно довѣриться: все интересное, слышанное ею, она тотчасъ же передавала бумагѣ. Такъ, незадолго предъ тѣмъ, она записала разсказъ принца Де-Линя, тотчасъ послѣ того какъ слышала его. Великая княгиня Марія Ѳеодоровна сдѣлала тогда тоже самое, хотя въ сущности разсказъ принца о томъ, какъ онъ въ платьѣ монашенки и подъ вуалью присутствовалъ при постриженіи дѣвушки, оставившей въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, не представлялъ ничего особенно интереснаго.

— А что же вы, ваше высочество? обратился принцъ Де-Линь къ Павлу. Или вамъ нечего разсказать? Развѣ въ Россіи нѣтъ чудеснаго? Или злымъ духамъ и колдунамъ не удалось разставить вамъ чары?

Великій князь поднялъ голову.

— Куракинъ знаетъ—сказалъ онъ—что и мнѣ было бы кой о чемъ разсказать, какъ и другимъ. Но есть воспоминанія, которыя я стараюсь удалить изъ памяти. Я и такъ уже вынесъ отъ нихъ не мало.

Въ комнатѣ господствовало молчаніе. Великій князь посмотрѣлъ на Куракина, и во взорѣ его выразилось грустно-тяжелое чувство.

— Неправда ли, Куракинъ, что со мною приключилось кое-что очень странное?—спросилъ онъ.

— Столь странное, ваше высочество, что, при всемъ довѣріи моемъ къ вамъ, я могу лишь приписать оное порыву вашего воображенія.

— Нѣтъ, это была правда, сущая правда, и если М-ме Оберкирхъ дастъ слово, что не скажетъ ничего моей женѣ, я передамъ вамъ, въ чемъ было дѣло. Но позвольте, господа, и всѣхъ васъ просить держать мой разсказъ въ тайнѣ,—прибавилъ великій князь, смѣясь—потому что очень непріятно было бы, если бы по всей Европѣ разошлась исторія о привидѣніи, въ которой я играю роль.

Мы всѣ дали обѣщаніе, и покрайней мѣрѣ что́ касается меня, — говоритъ баронесса Оберкирхъ—я сдержала свое слово. Если эти мемуары будутъ когда нибудь обнародованы, то не прежде какъ нынѣшнее поколѣніе сойдетъ со сцены, и не останется въ живыхъ никого, кого могъ бы интересовать этотъ разсказъ (?) Передаю его отъ слова до слова, какъ слышала отъ самого великаго князя.

Разъ вечеромъ, или пожалуй уже ночью, я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по петербургскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ вмѣстѣ [2]) у меня во дворцѣ, за разговорами и табакомъ, и вздумали для освѣженія

[2]) Т. е. съ Куракинымъ.

сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Погода была не холодна; это было въ лучшую пору нашей весны, конечно впрочемъ весны не южныхъ климатовъ. Разговоръ нашъ шелъ не о религіи и ни о чемъ либо серьезномъ, а напротивъ былъ веселаго свойства, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками насчетъ встрѣчныхъ прохожихъ. Нѣсколько впереди меня шелъ слуга, другой шелъ сзади Куракина, а Куракинъ слѣдовалъ за мною въ нѣсколькихъ шагахъ позади. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что при немъ можно было читать письмо, и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, вдругъ вижу я въ глубинѣ подъѣзда высокую худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза, шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производятъ странный звукъ—точно какъ будто камень ударялся о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я почувствовалъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнулъ и, обратясь къ Куракину, сказалъ:

— Судьба намъ послала страннаго спутника

— Какого спутника? спросилъ Куракинъ.

— Господина, идущаго у меня слѣва, котораго, кажется, можно замѣтить уже по шуму, производимому имъ.

Куракинъ раскрылъ глаза въ изумленіи и замѣтилъ, что никого нѣтъ у меня съ лѣвой стороны.

— Какъ? Ты не видишь этого человѣка между мною и домовою стѣною?

— Ваше высочество идете возлѣ самой стѣны, и физически невозможно, чтобы кто нибудь былъ между вами и ею.

Я протянулъ руку и точно ощупалъ камень. Но все таки незнакомецъ былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки шаговъ его, какъ удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, и подъ шляпой его блеснули глаза столь блестящіе, что такихъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня и производили на меня какое-то околдовывающее дѣйствіе.

— Ахъ! — сказалъ я Куракину — я не могу передать тебѣ, что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное.

Я дрожалъ, не отъ страха, но отъ холода. Я чувствовалъ, какъ что-то особенное проникало всѣ мои члены, и мнѣ казалось, что кровь замерзаетъ въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздался глухой и грустный голосъ:

— Павелъ!

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и механически отвѣчалъ:

— Что вамъ нужно?

— Павелъ! сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще большимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать тоже.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! Бѣдный князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? спросилъ я его.

— Ничего — отвѣчалъ тотъ — рѣшительно ничего.

Что касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнамомца — кто онъ и что ему нужно?

— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ и кто хочетъ, чтобы ты особенно не при-

вязывался къ этому міру, потому что ты долго не останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти; для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. И какъ я остановился, когда остановился онъ, такъ и теперь я почувствовалъ необходимость пойти за нимъ. Онъ не говорилъ, и я не чувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь шелъ впереди. Это продолжалось болѣе часу. Гдѣ мы шли, я не зналъ. Куракинъ не хочетъ вѣрить ничему этому. Посмотрите, онъ смѣется. Онъ думаетъ, что все это было не болѣе какъ сонъ.

Наконецъ пришли мы къ большой площади, между мостомъ чрезъ Неву и зданіемъ Сената. Онъ прямо пошелъ къ одному какъ бы заранѣе отмѣченному мѣсту площади; я конечно слѣдовалъ за нимъ — и затѣмъ остановился.

— Прощай, Павелъ! — сказалъ онъ. — Ты еще увидишь меня опять, здѣсь и кой-гдѣ еще.

При этомъ шляпа его поднялась какъ бы сама собою, и глазамъ моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было передо мною.

На этомъ самомъ мѣстѣ императрица возводитъ монументъ, который скоро будетъ удивленіемъ всей Европы. Это конная статуя изъ гранита, представляющая царя Петра и помѣщенная на скалѣ. Не я совѣтовалъ моей матери избирать это мѣсто, выбранное, или скорѣе угаданное, призракомъ. И я не знаю, какъ описать чувство, охватившее меня, когда я впервыя увидалъ эту статую. *Я боюсь мысли, что могу бояться,* что бы ни говорилъ кн. Куракинъ, увѣряющій, что все это было не болѣе какъ сонъ, видѣнный мною во время прогулки по улицамъ. Малѣйшая подробность этого видѣнія памятна мнѣ и, я по прежнему утверждаю, что это было видѣніе и все связанное съ нимъ представляется мнѣ также ясно, какъ бы это случилось вчера. Придя домой, я нашелъ, что мой лѣвый бокъ положительно окаменѣлъ отъ холода, и я почувствовалъ нѣкоторую теплоту лишь нѣсколько часовъ спустя, хотя тотчасъ же легъ въ теплую постель и закрылся какъ можно теплѣе.

Надѣюсь, что вамъ понравилась моя исторія и что если я васъ заставилъ подождать, то было изъ-за чего.

— Знаете, что это значитъ, ваше высочество? спросилъ принцъ де Линь.

— Это значитъ, что я умру въ молодыхъ лѣтахъ.

— Извините, если я не сойдусь съ вами во мнѣніи. Я полагаю, что это доказываетъ несоспримо двѣ вещи. Во первыхъ, что не надобно выходить ночью, когда клонитъ ко сну и во вторыхъ, что не слѣдуетъ ходить слишкомъ близко къ домовымъ стѣнамъ, промерзшимъ, въ такомъ климатѣ, какъ у васъ. Другаго заключенія изъ этого я не могу вывести. Призракъ вашего знаменитаго прадѣда существовалъ лишь въ вашемъ воображеніи, и я не сомнѣваюсь, что на верхней одеждѣ вашей осталась пыль отъ домовыхъ стѣнъ.

Этотъ разсказъ (говоритъ баронесса Оберкирхъ) произвелъ, вы можете быть увѣрены, сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ. Мало кто слышалъ его, потому что великій князь никогда не желалъ придавать ему огласки. Великая княгиня не слыхала его по сей день [3]): онъ бы перепугалъ ее. Удалясь къ себѣ, я подробно записала его, какъ всегда дѣлала съ тѣмъ что находила особенно важнымъ, ограничиваясь относительно предметовъ меньшей важности одними замѣтками, которыя бы помогали моей памяти.

Читая далѣе мемуары баронессы, мы видимъ, что Павелъ послѣ какъ бы раскаявался, что сдѣлалъ повѣреннымъ своей

[3]) Мемуары оканчиваются 1789 годомъ.

тайны друга своей жены. Онъ старается убѣдить ее, что все разказанное имъ было выдумано, съ цѣлью разсказать что нибудь страшное въ свою очередь (II, 119-120). Но баронесса была тонкая наблюдательница, и ее не такъ легко было увѣрить и разувѣрить. $\frac{28}{17}$ Августа того же года Павелъ Петровичъ и его супруга была въ Монбельярѣ, у родителей Маріи Ѳеодоровны, когда тамъ получено было письмо изъ Петербурга, извѣщавшее, что 18 числа того же мѣсяца памятникъ Петру I былъ торжественно открытъ въ присутствіи императрицы. Когда читали письмо, Павелъ приложилъ палецъ къ губамъ, дѣлая этимъ знакъ баронессѣ. Баронесса наблюдала внимательно и видѣла, какъ великій князь старался улыбаться, хотя мертвенная блѣдность покрыла лицо его (II, 146-147). Это объяснило ей окончательно, шутилъ, или не шутилъ Павелъ въ памятную ночь въ Брюсселѣ.

В. Андреевъ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. (*)

Съ 5-го на 6-ое ноября 1796 г. не стало Екатерины II. Россія лишилась государыни, довершившей ея величіе; русское общество—великой преобразовательницы, которая сообщила ему новыя формы жизни, успѣвшіе обрости костьми и плотію свѣжей юношеской силы. Не всѣ, конечно, реформы удались, не всякое сѣмя, брошенное въ русскую почву, дало плодъ; но въ общемъ, въ цѣломъ, *екатерининскій вѣкъ* остался замѣчательнѣйшею эпохою въ нашей исторіи. Мрачныя стороны въ петровскихъ и екатерининскихъ преобразованіяхъ, въ нихъ самихъ и въ ихъ послѣдствіяхъ, были неизбѣжнымъ результатомъ положенія, въ которомъ находились преобразователи и преобразуемые, слѣдствіемъ предшествующаго и современнаго имъ положенія страны и народа. Страшно дорого обошлись Россіи петровскія преобразованія, не дешево стоили екатерининскія; но смотрѣть на однѣ траты и жертвы, не видя плодовъ, возиться въ подонкахъ и осадкахъ того соціальнаго процесса, который является результатомъ великихъ преобразованій, немыслимыхъ безъ жертвъ и страданія, выставлять на показъ только эти послѣднія, только общественныя язвы и раны,—такой обличительно-сатирическій пріемъ не достоинъ серьезной исторіи. И однакоже, Петръ и Екатерина подвергались и подвергаются обличительнымъ истязаніямъ со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей, отожествляющихъ скандалезную хронику съ исторіей. Екатеринѣ достается больше всего; за что же? За распространеніе крѣпостнаго права, за раздачу крестьянъ тысячами и десятками тысячъ своимъ любимцамъ; мрачная картина Пугачевскаго бунта представляется какъ оборотная сторона медали, какъ страшная язва блестящаго (будто бы) только по наружности вѣка. Объ вымершемъ историческомъ явленіи позволительноразсуждать sine irâ et studio; исторія, покрайней мѣрѣ, не знаетъ никакихъ страховъ,—даже передъ современностію, ея пріемами и кумирами.

Ужасы Пугачевскаго бунта никакъ нельзя считать явленіемъ, исключительно принадлежащимъ екатерининской эпохѣ; подобные же удары слышались въ XVII

(*) Завѣдуя редакціей „Виленскаго Вѣстника“ и благодаря просвѣщенной благосклонности графа Э. Т. Баранова, я имѣлъ возможность просмотрѣть нѣкоторыя изъ дѣлъ виленскаго генералъ-губернаторскаго архива, откуда извлечены документы, послужившіе матеріаломъ для предлагаемой статьи.

столѣтіи и гораздо ранѣе. Бунтъ Стеньки Разина, страшный не менѣе Пугачевскаго, антиобщественныя движенія крестьянскихъ массъ въ смутное время, бунты стрѣлецкіе при Петрѣ, до него—выдѣленія изъ общества казачества и повсемѣстное броженіе этого послѣдняго, разнаго рода броженія въ самомъ этомъ обществѣ, тамъ, гдѣ, повидимому, должна бы быть крѣпость и твердость, какъ въ войскѣ,—вся эта картина видимаго шатанія и кажущагося распаденія, хаотическая картина созданія громаднѣйшаго въ мірѣ государственнаго организма, которую представляла Россія до Петра и Екатерины, только близорукимъ историкомъ можетъ быть объясняема, какъ слѣдствіе правительственнаго деспотизма и помѣщичьяго насилія. Помѣщичій произволъ, во всякомъ случаѣ, не идетъ такъ далеко. До Петра и при Петрѣ само тогдашнее правительство, при скудости тогдашнихъ финансовъ, *насильно* дѣлало служилыхъ людей помѣщиками, *испомѣщало*,—и эти *испомѣщенные* (родоначальники тѣхъ тирановъ, противъ которыхъ непстовствовалъ Пугачевъ) не только не пользовались данными имъ правами, но *брели розно*, разбѣгались, т. е. плыли тѣмъ же потокомъ *движенія* и броженія. Остановить его, заставить осѣсть, привязаться къ землѣ и окрѣпнуть, для этого у русскаго правительства не было другихъ средствъ, кромѣ закрѣпощенія, которое, поэтому, и пало на долю всѣхъ, а не однихъ крестьянъ. Даже при прогрессивныхъ правительственныхъ мѣрахъ, не посягавшихъ на свободу, приходили въ движеніе народныя массы,—спокойныя, повидимому, волны воздымались великою бурею: достаточно указать на нововведенія Никона и Петра, породившія расколъ, внесшій смущеніе съ одной и пробужденіе народной мысли съ другой стороны, всегда пособлявшій потомъ каждому антиобщественному движенію. Послѣднее, начиная съ XVII вѣка, уже ничего не имѣло въ себѣ демократическаго, народоправнаго, въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова: наши революціонеры, государственные бунтовщики, возставая противъ государства, поднимали его же стягъ, дѣйствуя всегда во имя царя (самозванца) или церкви. При оцѣнкѣ событій нашего XVIII вѣка никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду такого состоянія древняго русскаго общества: оно если не оправдываетъ, то объясняетъ самыя прискорбныя явленія петровскаго и екатерининскаго времени. Только въ эту эпоху являются русскіе помѣщики съ теперешнимъ ихъ значеніемъ, какъ сословіе. Существованіемъ своимъ они обязаны реформѣ Петра; они являются европейскими его воспитанниками, русской интеллигенціей. Екатерина II завершаетъ общественное образованіе русскаго дворянства и своими учрежденіями воспитываетъ его болѣе духовно. Духъ этого политическаго воспитанія намъ теперь почти не понятенъ; часто мы называемъ раболѣпствомъ то, въ чемъ не было и тѣни этого постыднаго чувства,—какъ въ проникновеніи государственнымъ величіемъ Россіи всѣхъ и каждаго, отъ царедворца до степняка. Что же мудренаго, что Екатерина II, съ ея трезвымъ и смѣлымъ взглядомъ на русскую дѣйствительность, прошлую и настоящую, довѣрилась исключительно сословію, которое воспиталось въ ея школѣ и духѣ. Вѣдь на собственномъ опытѣ она неоднократно убѣждалась въ несостоятельности чужихъ пріемовъ, въ непримѣнимости и неприложимости къ тогдашней Россіи всѣхъ либеральныхъ идей, выработанныхъ временемъ. Помѣщичье право, естественно, казалось ей лучшимъ ручательствомъ въ прочности сдѣланныхъ ею преобразованій, а въ просвѣтительно-европейской реформѣ, каковой подвергалась при ней Россія, кому же было и довѣриться, какъ не сословію, во всякомъ случаѣ болѣе просвѣщенному, чѣмъ другія? Примѣры чужіе, примѣры свои, прежняго стараго времени, не могли подсказать ей другого отвѣта. При томъ же, крѣпостное

право, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ своемъ значеніи, нигдѣ не возбуждало еще въ ту пору ужасовъ; ибо *либеральныя начала* были сами по себѣ, а дѣйствительность продолжала существовать по прежнему сама собою. Ужасы, и „мерзости“ крѣпостного права едва ли чѣмъ были меньше тѣхъ страданій, той общественной тяготы, которую испытывали низшіе классы народа, закрѣпощенные государству и церкви; возбуждать страданія, производить вещи, наводящія черезъ сто лѣтъ неподдѣльный ужасъ, выпадало на долю не одного русскаго помѣщика, но и чиновника, фабриканта, заводчика, нерѣдко духовенства. Намъ, болѣе чѣмъ кому-нибудь, ничто не давалось даромъ, за все платились мы дорогою цѣною огрубѣнія, одичанія, если угодно, варварства, —за все, начиная отъ необходимости сѣсть на мѣстѣ, привязаться къ территоріи. Чиновничество екатерининскаго времени, еще помнившее приказные порядки и отъ приказныхъ дьяковъ и служителей происшедшее, было несравненно невѣжественнѣе и грубѣе, чѣмъ тогдашнее помѣщичье сословіе, все же, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, полировавшееся корпуснымъ воспитаніемъ, военною и вообще столичною службой. Если и до настоящаго времени признается за несомнѣнное, что чѣмъ помѣщикъ былъ богаче и многодушнѣе, тѣмъ лучше жилось его крестьянамъ; то, стало быть, въ раздачѣ Екатериною *тысячами* и *десятками тысячъ* крѣпостныхъ душъ, съ точки зрѣнія ея времени, ровно ничего нельзя видѣть преступнаго: эта щедрая, возмущающая теперь насъ, раздача могла происходить, по тогдашнимъ взглядамъ на экономическое положеніе страны, въ интересѣ государственнаго благоустройства и благочинія, какъ это ни нелѣпо теперь намъ кажется. Не сомнѣнно одно, что эта раздача не была похотью произвола или чего инаго: это была система, ложная, фальшивая, но послѣдовательная, вѣрная одной заданной себѣ мысли, - система, обнявшая все государство, Малороссію, Бѣлоруссію, Литву и Остзейскій край. Но какъ бы то ни было, со временъ Екатерины II начинается второй, болѣе тяжелый періодъ крѣпостного права, и Пугачевскій бунтъ несомнѣнно не принялъ бы такихъ страшныхъ размѣровъ, если бы это было иначе. Подавленное возстаніе не успокоило народныя массы; духъ свободы, повѣявшій сверху, дунулъ и на нихъ,— и вотъ съ этого времени зарождается въ нихъ мысль о неизбѣжности и скорости освобожденія; съ каждымъ новымъ царствованіемъ закрѣпощенный народъ начинаетъ толковать, что Государь его освободитъ, что освобожденію препятствуютъ только помѣщики. Преемникъ Екатерины былъ встрѣченъ такими надеждами, почти повсемѣстно заколыхавшими народныя массы.

И. И. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ сообщаетъ любопытныя подробности о передрягѣ, которая случилась съ нимъ 25 декабря 1796 г. По пріѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, Дмитріевъ поселился на Гороховой улицѣ, гдѣ жилъ также бывшій его сослуживецъ, штабсъ-капитанъ Лихачевъ. Однимъ изъ находившихся при нихъ слугъ былъ сдѣланъ доносъ, будто бы они умышляютъ на жизнь государя. Тогдашній петербургскій военный губернаторъ Архаровъ, на руки котораго были отданы самимъ государемъ Дмитріевъ и Лихачевъ, обыскивая ихъ служителей, нашелъ въ сюртучномъ карманѣ одного изъ нихъ письмо, заготовленное имъ въ деревню къ своимъ родителямъ. Въ этомъ письмѣ говорилось о молвѣ, будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ свобода, а если этого не случится (добавлялъ сочинитель письма) „я надѣюсь получить вольность и другою дорогою.“ Изъ Записокъ Дмитріева извѣстно, какъ благородно поступилъ Павелъ съ напрасно обвиненными: убѣдившись въ ихъ невинности, онъ въ присутствіи всего двора обнялъ ихъ; и этому случаю И. И. Дмитріевъ много былъ обязанъ своими служебными успѣхами. Между тѣмъ какъ все это происходило,

правительство уже начало получать съ разныхъ сторонъ тревожныя извѣстія о крестьянскомъ движеніи. Сколько извѣстно, первое таковое извѣстіе было получено въ Петербургѣ 22 декабря о бунтѣ крестьянъ въ Олонецкой губерніи Лодейнопольскаго уѣзда, въ вотчинѣ помѣщика Алексѣя Полѣнова [1]). Генер.-прокуръ А. Б. Куракинъ тогоже числа доложилъ объ этомъ государю, который приказалъ разсмотрѣніе этого дѣла поручить Н. П. Архарову. Затѣмъ, съ января 1797 г., вѣсти о неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ стали приходить чаще; въ Пензенской губерніи взволновались и казенные крестьяне. Въ тайной экспедиціи, гдѣ производилось дѣло объ этихъ движеніяхъ (за № 21-мъ, начатое 22 декабря 1796 г. и конченное 4 марта 1797.), по 20-е января помѣчено только тринадцать рапортовъ, извѣщающихъ о крестьянскомъ неповиновеніи и безпорядкахъ въ губерніяхъ Орловской, Московской, Псковской, Новгородской, Новгородъ-Сѣверской, Ярославской, Нижегородской, Пензенской, Калужской, Костромской и Вологодской; но слухи о новыхъ безпорядкахъ приходили и позднѣе. Означенныя донесенія по настольному реестру не сообщаютъ подробностей, въ чемъ состояли эти неповиновенія крестьянъ; только въ двухъ говорится о разграбленіи господскаго имущества и о „великихъ дерзновеніяхъ и своевольствѣ“ крестьянъ помѣщика Поздѣева, возставшихъ въ числѣ 3 тысячъ въ Вологодской губерніи. Донесеніе о послѣднемъ возстаніи получено въ Петербургѣ 19-го января. До сихъ поръ къ подавленію возстанія предписывалось мѣстной администраціи посылать для усмиренія крестьянъ военныя команды; но на донесеніи о вологодскихъ происшествіяхъ положена такого рода резолюція: „Мѣры для укрощенія ихъ дѣяній Его Величество принять изволилъ на себя.“ [2]) Къ счастію, сохранились подлинные документы, относящіеся до Поздѣевскаго дѣла, съ которымъ мы имѣемъ возможность познакомить читателей.

На стекляннномъ заводѣ помѣщика Поздѣева, при церкви Архангела Михаила, что̀ на Кубенницѣ, находилась въ это время келья, гдѣ жила въ черничкахъ одна старуха, крѣпостная г-жи Поздѣевой. Въ эту келью крестьяне Поздѣевой зазвали ночью 4 января 1797 г. ученика вологодской семинаріи Григорія Коропацкаго, пріѣхавшаго на рождественскіе святки къ отцу своему, дьячку той же церкви Ивану Коропацкому, для приложенія руки къ написаннымъ отъ нихъ на высочайшее имя двумъ прошеніямъ, одного и тогоже содержанія, написаннымъ отъ имени выборныхъ крестьянъ, старостъ и сотскихъ Поздѣевской вотчины. 16-лѣтній Григорій Коропацкій, по просьбѣ ихъ и по приказанію отца своего, находившагося въ той же кельѣ, приложилъ, за безграмотствомъ просителей, свою руку. На другой день праздника Богоявленія, въ домъ дьячка Коропацкаго явились: староста г-жи Поздѣевой Яковъ Яковлевъ, выборный Андрей Осиповъ и крестьянинъ Аѳанасій Алексѣевъ, и упросили Григорія Коропацкаго, въ отсутствіе отца его, написать *проходное* письмо (подорожную) до Петербурга, для Яковлева и Алексѣева, „дабы ихъ въ городахъ и на учрежденныхъ заставахъ безъ задержанія пропустили, а въ Петербургѣ, *до исправленія ихъ надобностей*, держали безъ опасенія.“ Подъ прошеніемъ на высочайшее имя подписались свидѣтелями 24 человѣка понятыхъ, старостъ, сотскихъ и крестьянъ, принадлежащихъ

[1]) Сличи Р. Архивъ 1865, стр. 511—540. А. Я. Полѣновъ, тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, представлялъ въ Вольное Экономич. Общество свои соображенія объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи. *П. Б.*

[2]) Бывшій морякъ Поздѣевъ, Осипъ Алексѣевичъ, былъ масонъ, и вѣроятно государь зналъ его лично и по морской службѣ. Сличи о немъ выше, стр. 157. 158. Любопытно, что ходятъ преданія о крутомъ обращеніи съ крестьянами и главы масоновъ Н. И. Новикова. Это разсказывалъ между прочимъ его сосѣдъ по бронницкому имѣнію Д. П. Бутурлинъ (авторъ Исторіи смутнаго времени), человѣкъ односторонніхъ мнѣній, но въ отзывахъ правдивый и осторожный. *П. Б.*

слѣдующимъ помѣщикамъ: кн. Касаткиной, Логовчиной, Огареву, гр. Головкину, Игнатьеву, Еропкину, Вакселевой, Бологовскому, Макшеевой, Суровцову. Извѣкову, Тайдалову, Воейкову, д-цѣ Измайловой, г-жи Шишковой, Медвѣдевой, Бибпкову (И. А.). Вотъ это прошеніе:

„Всепресвѣтлѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь нашъ, императоръ Павелъ Петровичъ, самодержецъ Всероссійскій, государь всемилостивѣйшій.

„Просятъ Кадниковской округи, Михайловской волости, вотчины полковника Осипа Алексѣевича Поздѣева, староста Яковъ Яковлевъ, выборные — Андрей Осиповъ, Гаврила Прокопьевъ и всѣ той вотчины крестьяне, а о чемъ наше прошеніе,—о томъ значитъ ниже сего.“

„Дошедшіе мы, именованные, во владѣніе означенному господину Поздѣеву по купчей, тому уже 18 лѣтъ, то онъ первые годы и бралъ съ насъ оброки, да къ тому бралъ отъ нашей вотчины въ Москву, въ топорную работу, человѣкъ по 9-ти и болѣе, да въ тѣ же самые годы и въ нашей вотчинѣ строенія господскаго было не малое число, т. е. господскіе домы для пріѣзду его. Да въ нашей же вотчинѣ приказалъ построить заводъ стеклянный [3]), тому уже 10 лѣтъ; да въ тожь самое время, когда заводъ строили, въ то время онъ, господинъ нашъ, разорилъ цѣлое селеніе, деревню Нелюбовскую, жителей поселилъ въ другія селенія, а на той деревнѣ приказалъ построить житные дворы и избы, а поля приказалъ пахать на себя, равножъ и покосы; да и въ другихъ мѣстахъ приказалъ надѣлать усадебъ не малое число,—то бы (безъ этого) по нашей вотчинѣ и довольно было господской работы пашенной, сѣнокосной и строенія. Да онъ же, господинъ нашъ, сверхъ оныхъ работъ, на стеклянный заводъ наряднлъ съ каждаго человѣка мущинъ, отъ 15-ти лѣтъ и до 70-ти, на каждый годъ по 30-ти сажень дровъ, да по 30-ти четвертей золы. То мы, покамѣстъ были въ силахъ и люди были всѣ при вотчинѣ, такъ мы оные уроки всѣ и отправляли. Но какъ онъ, господинъ нашъ, свезъ въ другія мѣста 15 человѣкъ мужескаго пола, да многихъ продалъ въ рекруты, да многіе отъ таковыхъ несносныхъ работъ и отъ тяжчайшаго наказанія разбѣжалися, отъ чего въ нашей вотчинѣ и стало людей великое умаленіе, а на заводъ требуетъ надобность какъ золы, такъ и дровъ; такъ онъ господинъ нашъ наложилъ на насъ уроки тяжчае и первыхъ: съ каждаго человѣка помянутаго возраста, на каждую недѣлю, по 3 четверти золы и по 3 сажени дровъ; а мы онаго урока уже выработать никакимъ способомъ и не можемъ, за то каждую недѣлю работныхъ людей и сѣчетъ (онъ) немилосердно“.

„Равно и нынѣ, минувшаго декабря 31 дня 1796 года, прибылъ онъ, господинъ нашъ, на стеклянный заводъ и насъ, работныхъ людей, сталъ головы обривать, и при немъ (были) пучки палокъ и кнутья, и намѣренъ (былъ) всѣхъ пересѣчь. И мы поклонилися ему и прочь отъ него отошли; только ему сказали, что „мы изъ силъ своихъ вышли и вашихъ уроковъ сработать не можемъ, потому что мы хлѣба уже для пропитанія не имѣемъ, также одежи и обутки на насъ нѣту, а всегда и съ женами нашими на вашей господской работѣ непремѣнно день и ночь работаемъ, отъ мразу и гладу умираемъ, а пропитаніе имѣемъ только-только, какъ маленькія ребята наши, ходя въ міръ, напросятъ и насъ питаютъ!“ И, поклонившись ему, прочь отъ него отошли, о чемъ черезъ сотскаго (ими) объявлено и земскому суду сего 1797 года генваря 9 дня.“

„Но какъ, по объявленіи, г. Кадниковскій исправникъ Иванъ Ивановичъ Торбѣевъ, прибывъ къ нашей церкви въ 4-й день сего генваря, т. е. въ праздничный воскресный день, приводилъ нашей волости всѣхъ людей къ присягѣ (государю?); и, по приведеніи, во время службы божественныя литур-

[3]) Химія, какъ извѣстно, входила въ составъ масонскихъ упражненій. *П. Б.*

гіи, всѣхъ нашей волости разныхъ вотчинъ людей изъ храма Божія выславъ, а насъ, Поздѣевыхъ, оставя въ Божіемъ храмѣ, и съ обою страну поставя военную строгость (команду) съ обнаженными тесаками и заряженными ружьями, и самъ исправникъ, обнажа свой тесакъ, стоя въ храмѣ, и насъ 15 человѣкъ связалъ невѣдомо за что (или по просьбѣ господина нашего,—о томъ мы неизвѣстны), не объявя соцкому никакого дѣла. И повели насъ связанныхъ къ господину нашему въ домъ; и мы, убояся смертельнаго наказанія и безвиннаго, другъ друга распутали и отъ него, исправника, отошли и ничего ему не противорѣчили, въ чемъ мы и ссылку имѣемъ на всю нашу волость, которые (люди) были у церкви и присяги, равножъ и другихъ волостей, прилучившихся у нашей церкви, также и священника и другихъ священно-церковнослужителей."

„Того ради, и пріемлемъ смѣлость трудить Ваше Императорское Величество, дабы благоволено-бъ было сіе всенижайшее прошеніе всемилостивѣйше принять и погибающихъ отъ мраза и глада обиженныхъ людей въ ваши всемилостивѣйшія нѣдра принять; а мы, нижайшіе, желаемъ какъ Богу, такъ и Вашему Императорскому Величеству, служить. Генваря 5 дня 1797 года".

Свидѣтели, удостовѣрившіе справедливость того, что говорится въ этомъ прошеніи, присовокупляютъ, что Поздѣевскіе крестьяне „пришли въ крайнюю бѣдность, неимѣющи у себя дневнаго пропитанія, равножь одѣянія и обувенія, скитающіеся въ мірѣ, лишающіеся своихъ крестьянскихъ работъ, домы и поля у нихъ пришли въ запустѣніе", и что стеклянный заводъ завелъ Поздѣевъ тамъ, „гдѣ прежде были церкви святыя, т. е. Цьевецкая пустыня, церкви святыя сжегъ, а на томъ мѣстѣ построилъ хлѣвы скотскіе".

Теперь послушаемъ, что говоритъ другая сторона, заинтересованная въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что пишетъ подполковникъ Поздѣевъ въ Петербургъ къ Ивану Владиміровичу (Лопухину) отъ 7-го января, одновременно съ составленіемъ семинаристомъ Коропацкимъ *проходнаго* письма для его крестьянъ:

„По распространившейся въ здѣшнемъ краю сильной молвѣ, что дѣлаемая нынѣ присяга государю для того (происходитъ), чтобы впредь не быть за помѣщиками, при случаѣ взятья мною, для отлучки въ Москву, безъ всякаго наказанія, одного изъ крестьянъ жены моей, побуждающаго паче прочихъ къ ослушанію, ночью, наканунѣ новаго года, изъ крестьянъ жены моей до 70-ти человѣкъ вломились съ полѣньями въ домъ мой и убили бы вѣрно меня и дворовыхъ моихъ людей до смерти, естлибы Богъ не даровалъ мнѣ безбоязненнаго духа выйти къ нимъ прямо, что̀ ихъ нѣсколько остановило. Я, употребя на успокоеніе ихъ едиными словами чрезъ цѣлой часъ, чтобы они себя самихъ не губили, насилу, съ Божіею помощію, довелъ выйти изъ моего дома. А когда они разошлись по избамъ; то я, опасаясь на другой день вторичной отъ нихъ сцены, уѣхалъ въ городъ Кадниковъ, и взявъ оттуда исправника и двухъ токмо старыхъ солдатъ, коихъ и въ городѣ больше нѣтъ, пріѣхалъ въ деревни жены моей, гдѣ исправникъ, по своей должности, при приводѣ цѣлую волость къ присягѣ, въ которой слишкомъ тысяча душъ, хотѣлъ взять начинщиковъ бунта; то вся волость, взбунтовавшися, взятыхъ отняли и едва исправника самого не убили до смерти, еслибы онъ отъ нихъ уходомъ не спасся. И къ оному бунту и еще двѣ волости присоединились, въ коихъ всѣхъ около трехъ тысячь душъ; и естли не присланъ будетъ цѣлый полкъ въ губернію Вологодскую для квартированія, то это разовьется далеко. И кромѣ сихъ волостей, въ крестьянахъ видимъ явно готовящійся бунтъ, *весьма похожій на Пугачевскій* (!), ибо всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ времени Пугачева духа—*дабы не было дворянъ*, да и теперь же у нихъ слышится, что

и городовъ не будетъ (*) (?!): что̀ есть точно иллюминантической духъ (!!) безначальства и независимости, распространившійся, какъ знаете, по всей Европѣ; если не будетъ скоро утишаемъ, можетъ здѣшнему глухому краю крайне быть истребителенъ. Здѣсь въ Вологдѣ нѣтъ военныхъ людей, чѣмъ бы оный утишить, почему прошу васъ употребить ходатайство у государя, что, я думаю, здѣшній губернаторъ рапортомъ не упуститъ, дабы скорѣе хотя одинъ баталіонъ былъ посланъ для наведенія страху и на протчихъ (крестьянъ) здѣшняго краю, а взбунтовавшихся для приведенія въ надлежащее повиновеніе. Который бунтъ, по таковой всеобщей молвѣ, можетъ разлиться далеко и подвергнуть истребленію невинныхъ дворянъ таковому же, каковое было отъ Пугачева, изъ числа которыхъ и я теперь съ женою моею и двумя маленькими дѣтьми, немогущій скоро выѣхать, по экономическимъ моимъ нуждамъ; хотя губернаторъ вологодской прислалъ мнѣ трехъ человѣкъ солдатъ для охраненія, что̀ онъ только могъ, а вы сами знаете, сколь это мало значитъ! Спокойство здѣшняго краю требуетъ такова екзекутнаго духа, каковъ есть государевъ, для присылки помянутой команды. Желаю вамъ добраго здоровья и всякаго благословенія Божія; поручая себя въ вашу любовь, есмь вамъ съ моею искренною привязанностію и съ почтеніемъ покорнѣйшимъ и усерднымъ слугою Іосифъ Поздѣевъ.“

P. S. „Въ таковыхъ случаяхъ отъ неуваженія одна искра можетъ произвести великій пожаръ, какъ то было въ низовыхъ губерніяхъ при злодѣѣ Пугачевѣ. И теперь, сыщись какой-нибудь предпріимчивый злодѣй, то крестьяне, напоенные желаніемъ безначальства, уже готовы; нашъ же простой народъ охочій къ грабежамъ, изъ коего много сыщется охотниковъ грабежемъ понажиться. Здѣсь же, въ Вологодской, Ярославской, Костромской и Архангелогородской губерніяхъ, нѣтъ ниже какихъ командъ, коими бы можно было затушить, если оное сумасбродство разольется. И здѣсь, въ Вологдѣ, въ новый годъ, въ соборѣ и внѣ онаго, великое было, какого никогда не запомнятъ, стеченіе простаго народу и *поповъ, кои*, т. е. *деревенскіе, тѣже мужики, только что грамотные*, — въ ожиданіи, что читать будутъ указы о вольности крестьянъ и яко бы соль будетъ дешевле и вино (будетъ) продаваться по два рубля ведро, — пріѣхали слушать изъ селеніевъ, верстъ за сто отъ Вологды отстоящихъ. Крестьяне, въ ожиданіи таковой мнимой вольности, во многихъ мѣстахъ не платятъ оброковъ своимъ господамъ, а особливо дожидались этакого указа о вольности въ новый годъ; и безразсудство черни до такой крайности (дошло), что думаютъ, будто въ Вологдѣ нарочно не распечатываютъ таковыхъ о вольности крестьянъ указовъ“.

Участіе сельскаго духовенства въ крестьянскихъ движеніяхъ прошлаго вѣка не сомнѣнно: это видно изъ матеріаловъ, относящихся до самозванцевъ — предшественниковъ Пугачева, Кремнева и Монацкаго, напечатанныхъ нами въ „Воронежской Бесѣдѣ“; это очевидно изъ самой исторіи Пугачевскаго бунта. Не входя въ объясненіе этого факта, не льзя допустить, что Поздѣевъ, только въ виду собственныхъ владѣльческихъ интересовъ, приводитъ въ связь сельское духовенство съ крестьянскимъ движеніемъ; не съ одною этою цѣлію онъ пишетъ къ вологодскому епископу Арсенію слѣдующее письмо, проливающее нѣкоторый свѣтъ какъ на самое происшествіе, о которомъ идетъ рѣчь, такъ и на тогдашнее сельское духовенство:

„Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и мой архипастырь!

„По случаю воспослѣдовавшаго въ здѣшнихъ волостяхъ бунту, обязанъ я до-

(*) Замѣчательная антигосударственная фраза, если она только дѣйствительно была сказана крестьянами. Не секретъ что и теперь многія мѣстности нашего отечества, по патріархальности своего быта, не сочувствуютъ нѣкоторымъ либеральнымъ учрежденіямъ.

нести, что изъ крестьянъ жены моей присланною командою съ совѣтникомъ губернскаго правленія, нѣкоторые начинщики взяты и домашнимъ наказаніемъ наказаны, другіе жъ изъ оныхъ отданы подъ законное наказаніе, вмѣстѣ съ соцкими другихъ волостей и понятыми, кои возсталп на исправника и команду его и убили бы его до смерти при семъ ихъ всѣхъ заговорѣ, когда они отважились (побуждаяся отъ злонамѣреннымъ людей слухомъ, что у помѣщиковъ крестьянъ не будетъ, называя мужичьимъ словомъ, что *все будетъ государщина*) сочинять и послать просьбу, мимо всѣхъ учрежденныхъ присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, къ самому Его Императорскому Величеству. Взбунтовавшіеся крестьяне жены моей, собравшись ночью, дали, безъ вѣдома моего и жены моей, выборъ во священники сыну дьячка церкви Михаила Архангела, что̀ на Кубенницѣ, вологодской семинаріи ученику Григорью Коропацкому, который, обольстясь симъ выборомъ и четырьмя рублями денегъ, данными ему, подписалъ дерзкое прошеніе къ особѣ Его Императорскаго Величества и далъ четыремъ мужикамъ жены моей фальшивые пашпорты, въ чемъ онъ, при совѣтникѣ губернскаго правленія, при мнѣ, исправникѣ и секретарѣ нижняго земскаго суда, и признался. И подлинное прошеніе къ Его Императорскому Величеству, подписанное имъ, взято у посланныхъ въ Вологду двухъ изъ бунтующихъ мужиковъ, съ коего копію г. губернаторъ вологодской и прислалъ сюда съ нарочнымъ курьеромъ, а подлинное находится въ губернскомъ правленіи. О чемъ симъ вашему преосвященству донеся, прошу, хотя присланный сюда для усмиренія совѣтникъ и я, сжалясь на юность помянутаго штудента, не отдали его съ прочими преступниками въ тюрьму, для поступленія съ нимъ по законамъ; — но долгъ обязанности моей побуждаетъ меня покорнѣйше васъ просить: — естли кто представитъ къ вамъ помянутой его выборъ, оному не вѣрить, и впредь отъ крестьянъ и людей жены моей и моихъ никакихъ выборовъ и прошеніевъ, безъ моей и жены моей подписи, въ церковнослужители къ церкви Михаила Архангела, что̀ на Кубенницѣ, не принимать; а отца помянутаго ученика Коропацкаго, дьячка Ивана Иванова, за согласіе его и позволеніе на такое беззаконное дѣло (ибо точно, какъ слышу, и онъ въ оном-же согласія былъ и сыну своему позволялъ) прошу, какъ вы заблагоразсудите, примѣрно и протчимъ церковнослужителямъ, приказать наказать, — въ чемъ надѣюсь по сему моему прошенію, для воздержанія церковниковъ здѣшней глухой (около рѣки Кубены) стороны, ваше преосвященство, яко любящіе ввѣренную вамъ отъ Бога и государя паству, не упустите. Поручая себя вашимъ архипастырскимъ молитвамъ, есмь, съ моимъ истиннымъ почтеніемъ и т. д. — Стеклянный заводъ, генваря 18, 1797 года.“

Этотъ отзывъ и, несомнѣнно, доходящія и изъ другихъ мѣстъ вѣсти объ участіи сельскаго духовенства въ крестьянскомъ движеніи заставили вологодскаго преосвященнаго обратиться къ нему съ слѣдующимъ пастырскимъ посланіемъ:

„Къ крайнему сожалѣнію моему, въ епархіи моей, въ противность Божіихъ и государственныхъ узаконеній, повелѣвающихъ *рабамъ быть въ послушаніи у господей своихъ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открылись неповиновенія у крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ, причемъ оказались нѣкоторые изъ церковнослужителей (забывъ даваемыя ими, при производствѣ въ священно-церковнослужительскія степени, обязательства) въ составленіи и рукоприкладствѣ отъ тѣхъ крестьянъ на высочайшее имя Его Императорскаго Величества дерзкихъ прошеній. Крайне сожалѣя духомъ о таковомъ заблужденіи и имѣющемъ неминуемо постигнуть виновныхъ, по суду Божію и государственнымъ узаконеніямъ, временномъ и вѣчномъ наказаніи, долгомъ поставляю всѣмъ епархіи моей

священно и церковно-служителямъ и ихъ дѣтямъ подтвердить: 1) дабы они внимали только тому званію, въ которое Промысломъ Божіимъ призваны,— чтобъ проходить оное по закону Божію, по святымъ правиламъ и по государственнымъ установленіямъ безпорочно. 2) Ежели бъ гдѣ и еще, паче чаянія, начали оказываться подобныя вышесказаннымъ, въ невѣжествующихъ крестьянахъ непослушанія; въ таковыхъ не только бъ не принимали ни малѣйшаго съ ними участія, но и паче, по долгу званія своего, старались бы таковыхъ невѣждъ всемѣрно отъ того удерживать, вразумляя ихъ, что они и закономъ Божіимъ обязаны повиноваться *владыкамъ своимъ во всякомъ страсѣ, не только благимъ и кроткимъ, но* (ежели бы, паче чаянія, то было) *и строптивымъ,* и высочайшее на то изволеніе, какъ прежде бывшихъ въ Россіи благочестивѣйшихъ монарховъ, такъ и нынѣ благополучно владѣющаго Всероссійскимъ скипетромъ, благочестивѣйшаго великаго государя нашего императора Павла Петровича, самодержца Всероссійскаго, было и есть. И что, наконецъ, собственная польза ихъ къ тому обязываетъ; ибо безначаліе неминуемо пагубными сопровождаемо бываетъ послѣдствіями, какъ то: междоусобіемъ и взаимнымъ другъ друга разореніемъ и истребленіемъ. Слѣдовательно, таковыя ослушанія противны и установленію Божію, и высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества; и потому какъ виновные въ таковой продерзости, такъ и участвующіе въ оной согласіемъ, подстреканіемъ, послабленіемъ и, что всего горше, составленіемъ отъ нихъ (крестьянъ) продерзкихъ просьбъ и къ нимъ (просьбамъ) рукоприкладствомъ, подвергаютъ себя какъ Божію, такъ и высочайшія власти жесточайшему гнѣву и наказанію; ибо *сущія власти*, какъ говоритъ Павелъ Апостолъ, *отъ Бога учинены суть: тѣмъ же и противляйся власти, Божію повелѣнію противляется.* Дано въ Вологдѣ 1797 года, генваря въ 31-й день. Арсеній, епископъ вологодскій".

Еще сильнѣе обнаружилось участіе сельскаго духовенства въ крестьянскомъ движеніи въ Псковской и Калужской губерніяхъ, гдѣ послѣднее приняло обширные размѣры. Въ первой волненія крестьянъ прежде всего обнаружились въ уѣздахъ Порховскомъ и Печерскомъ и отсюда уже перешли въ Холмскій и разгорѣлись пожаромъ: здѣсь почти во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне не только отказались повиноваться, но, собираясь по погостамъ и вооружившись ружьями, дубинами, топорами и т. п., открыто возстали, „предводимые къ тому и попами," какъ гласитъ офиціальное извѣстіе. Такъ въ одномъ мѣстѣ этого уѣзда, въ церкви, они поставили аналой: священники вышли изъ алтаря въ полномъ облаченіи и вынесли крестъ и евангеліе, которые положили на аналой; крестьяне прикладывались къ св. иконамъ, ко кресту и евангелію и клялись „въ единодушномъ до смерти стоянiи." Присланная для усмиренія ихъ команда, подъ начальствомъ земскаго засѣдателя, была побита; „крайнія непстовства и озорничества", которыя они стали повсемѣстно дѣлать, были слѣдствіемъ такого успѣха. Въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, почти поголовно возставшемъ противъ помѣщиковъ, главными виновниками были священникъ села Кулишева Григорій и еще какихъ-то два попа, разглашавшіе о мнимыхъ манифестахъ и сочинявшіе прошенія къ государю. — Высочайшій манифестъ, приводимый ниже, косвеннымъ образомъ подтверждаетъ участіе сельскаго духовенства въ крестьянскомъ возстаніи. Въ одномъ мѣстѣ Минской губерніи, впрочемъ, по слуху, какъ говоритъ офиціальное извѣстіе „одинъ дерзкій попъ вралъ, что у насъ (де) государя нѣтъ, потому что онъ не короновался."

Какъ бы то ни было, а въ продолженіи всего января 1797 г. приходили въ Петербургъ все болѣе тревожныя извѣстія о крестьянскомъ движеніи почти

отовсюду. Новый императоръ, пылкій и раздражительный, ревнивый поборникъ власти, и далеко уступавшій своей матери въ трезвомъ пониманіи русской дѣйствительности, увидѣлъ въ нихъ заговоры и бунты. Извѣстно, что императоръ Павелъ [4]) считалъ помѣщиковъ лучшими блюстителями тишины и спокойствія въ государствѣ, лучшей земской полиціей; извѣстно его отвращеніе къ французской революціи и мѣры, какія онъ употреблялъ для уничтоженія порядка, созданнаго въ западной Европѣ событіями 1789 г. Поэтому, нечего удивляться, что этотъ государь, для успокоенія движенія, шедшаго въ интересахъ *государщины*, прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Не довольствуясь строгими предписаніями мѣстнымъ губернаторамъ о подавленіи возстанія, отправленіемъ на мѣсто его значительныхъ военныхъ командъ, собственноручными высочайшими рескриптами къ ихъ начальникамъ, безпрестанными посылками курьеровъ, императоръ 20-го января 1797 г. назначаетъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей того времени, генералъ-фельдмаршала князя Репнина, спеціально для усмиренія *взбунтовавшихся* крестьянъ, а 29-го издаетъ слѣдующій высочайшій манифестъ:

„Божіею милостію мы, Павелъ 1-й, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. объявляемъ всенародно:

„Съ самаго вступленія нашего на прародительскій нашъ императорскій престолъ, предложили мы за правило наблюдать и того взыскивать, дабы каждый изъ вѣрноподданнаго намъ народа обращался въ предѣлахъ, званію и состоянію его предписанныхъ, исполняя его обязанности и удалялся всего, тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго имъ послушанія, возмечтавъ, будто бы они имѣютъ учиниться свободными, и простираютъ упрямство и буйство до такой степени, что и самымъ прощеніямъ и увѣщаніямъ отъ начальствъ и властей, нами поставленныхъ, не внемлютъ. Соболѣзнуя милосердно о таковыхъ развращающихся съ пути истиннаго и полагая тутъ виною болѣе заблужденіе внемлющихъ лживымъ внушеніямъ и огласкамъ, отъ людей праздныхъ по легкомыслію или и корыстнымъ видамъ разсѣеваемымъ, восхотѣли мы, предварительно всякимъ усиленнымъ мѣрамъ, къ укрощенію буйства подобнаго, влекущимъ обыкновенно за собою самыя бѣдственныя и разорительныя для непокорныхъ послѣдствія, употребить средства кроткія и человѣколюбивыя. Почему монаршимъ и отеческимъ гласомъ нашимъ взываемъ всѣхъ и каждаго: да обратятся къ должному законамъ и власти повиновенію, вѣдая, что законъ Божій поучаетъ повиноваться властямъ предержащимъ, изъ коихъ нѣтъ ни единой, которая бы не отъ Бога поставлена была. Повелѣваемъ, чтобы всѣ, помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и словомъ — всякого рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости закона наказанія. Всякое правительство, власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройствомъ въ вѣдѣніи, ему ввѣренномъ, долженствуетъ, въ противномъ случаѣ, подавать руку помощи, и крестьянъ, кои дерзнутъ чинить ослушаніе и буйство, подвергать законному суждению и наказанію. Духовные, наипаче священники приходскіе, имѣютъ обязанность предостерегать прихожанъ своихъ противъ ложныхъ и вредныхъ разглашеній, и утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ, памятуя, что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ

[4]) Сл. Р. Архивъ 1864, стр. 781. *П. Б.*

семъ взыщется начальствомъ ихъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ передъ страшнымъ судомъ Божіимъ во вредъ, отъ небреженія ихъ произойти могущемъ. Сей указъ нашъ прочитать во всѣхъ церквахъ всенародно. Данъ въ С. Петербургѣ генваря 29 дня 1797 г. Павелъ."

Впрочемъ, правительство не могло оставаться равнодушнымъ, такъ какъ крестьянское движеніе, начавшееся съ толковъ о волѣ, о томъ, что новый государь освободилъ крестьянъ, но помѣщики и власти скрываютъ это отъ народа, дѣйствительно стало принимать характеръ возмущенія и сопровождаться значительными безпорядками. Манифестъ императора, для прекращенія этихъ безпорядковъ, категорически указываетъ на мѣры кротости и человѣколюбія; отъ лицъ, исполнявшихъ волю государя, записѣлъ какъ выборъ этихъ мѣръ, такъ и самая постановка вопроса (какъ мы говоримъ теперь) объ усмиреніи. Мѣры для подавленія крестьянскаго движенія, какъ увидитъ читатель, принимались нерѣдко очень крутыя; но мы имѣемъ полное право утверждать, что это движеніе легко могло бы сдѣлаться народнымъ бунтомъ, если бы вмѣсто князя Репнина, былъ назначенъ другой, болѣе воинственный, генералъ.

Одновременно съ Псковскимъ, обнаружилось волненіе крестьянъ въ Полоцкомъ намѣстничествѣ, въ пяти уѣздахъ —Себѣжскомъ, Невельскомъ, Городецкомъ, Суражскомъ и Несвижскомъ; здѣсь возстаніе имѣло тотъ же самый характеръ, что и во Псковѣ. Усмиреніе возстанія крестьянъ въ этомъ краѣ поручено было государемъ минскому генералъ-губернатору М. М. Философову, который въ письмѣ своемъ къ Репнину, причину крестьянскихъ волненій объясняетъ „глупыми сослухами жителей одной губерніи отъ другой и глупыми подражаніями однихъ другимъ, *безъ заговоровъ вообще*." Замѣчательно, что въ Литвѣ и въ остальной Бѣлоруссіи, недавно присоединенныхъ, въ тоже самое время, когда въ одномъ изъ городовъ первой, въ Гроднѣ, еще имѣлъ свое пребываніе бывшій польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій, съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ, когда уже зрѣлъ во мракѣ заговоръ ксендза Домбровскаго,—въ тогдашнихъ губерніяхъ Литовской и Минской, по свидѣтельству того же Философова, „нигдѣ ничего нѣтъ, и противу государя нигдѣ ничего не открыто."

Самые серьезные безпорядки произошли въ южныхъ губерніяхъ — въ Орловской, Тульской и Калужской; южнѣе ихъ движеніе между помѣщичьими крестьянами, кажется, не распространялось, о чемъ мы заключаемъ по тому обстоятельству, что, напр., изъ Тамбовской губерніи (Липецкаго у.) вызывались войска въ Калужскую губернію для прекращенія безпорядковъ. Въ Орловской губерніи волненія крестьянъ обнаружились въ Сѣвскомъ уѣздѣ, въ имѣніи бригадирши княгини Голицыной, въ мѣстечкѣ *Радогощи* и въ селѣ *Брасовѣ*, имѣніи Апраксина. Въ первомъ изъ нихъ, крестьяне возстали вооруженною силою и рѣшились или овладѣть всѣмъ, принадлежащимъ ихъ помѣщицѣ и раздѣлить между собою, или быть побитыми; какіе размѣры приняло движеніе Апраксинскихъ крестьянъ, объ этомъ можно судить по обстоятельствамъ ихъ усмиренія, въ слѣдствіи которыхъ, какъ увидитъ читатель, село Брасово получило печальную извѣстность въ этихъ прискорбныхъ событіяхъ. Кромѣ этихъ двухъ мѣстъ, крестьянскіе безпорядки обнаружились также въ имѣніи помѣщиковъ Хлющина и Бодиски, въ селѣ Алешенкахъ. Число возставшихъ крестьянъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ во всякомъ случаѣ было болѣе десяти тысячъ. Въ Тульскомъ намѣстничествѣ волненія обнаружились въ Алексинскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщика Юрина, въ селѣ Никольскомъ и въ деревняхъ Сонинкѣ, Лѣсновкѣ и Хрущовой. Здѣсь предводителемъ возстанія былъ Хрущевскій староста Василій Семеновъ, а подстрекателемъ ка-

кой-то бѣглый изъ дворовыхъ, называвшійся Никитою Прокофьевымъ. Возмутившіеся крестьяне не хотѣли слушать высочайшаго манифеста отъ 29 января, считая его подложнымъ, ударили, въ присутствіи исправника, въ набатъ, избили людей, преданныхъ помѣщику, и кричали: „Умремъ, а не хотимъ быть за помѣщикомъ! Желаемъ остаться казенными“. Въ Калужской губерніи самое сильное движеніе обнаружилось между крестьянами Медынской округи (уѣзда). Такъ, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, въ имѣніи помѣщицы Давыдовой, возставшіе еще въ прошломъ году крестьяне всѣ разбѣжались, кромѣ женщинъ и малолѣтныхъ дѣтей, такъ что, по наивному выраженію официальной бумаги, и усмирять было не кого: этотъ побѣгъ, какъ надобно думать въ окрестныя селенія, также волнующіяся, произошолъ послѣ того, когда земская полиція, въ слѣдствіи манифеста 29 января, хотѣла привести крестьянъ въ повиновеніе ихъ помѣщицѣ. Въ томъ же уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщиковъ братьевъ Воейковыхъ и ихъ сосѣдки Никифоровой, крестьяне возстали поголовно, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ. Во Владимірской губерніи, близъ города Петровска, въ имѣніяхъ Демидова и Рудакова, и въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ у помѣщика Карцева и Макарова, крестьяне также отказались отъ повиновенія; тоже произошло и въ Александровскомъ уѣздѣ. Крестьяне этихъ помѣщиковъ причину своего непослушанія объясняли чрезмѣрно тяжелыми работами. Въ этой же губерніи, въ имѣніяхъ гр. Апраксина и кн. Голицина, съ помѣщичьими соединились экономическіе крестьяне и общими силами умертвили, какъ сказано въ донесеніи, „многихъ вотчинныхъ начальниковъ, денежный и хлѣбный заборъ какъ кн. Голицина, такъ и Апраксина разграбили, разоряя всякого рода господскія заведенія“.

Источники, которыми мы пользуемся, не сообщаютъ дальнѣйшихъ подробностей о крестьянскомъ движеніи, какъ видитъ читатель, начинавшемъ переходить въ вооруженное возстаніе, если не противъ государственной власти, то противъ одного изъ ея органовъ. Идя отъ слуховъ, возбужденныхъ вступленіемъ на престолъ новаго государя, не имѣя организаторовъ и предводителей, крестьянское движеніе не успѣло далеко распространиться, не могло вспыхнуть такимъ же пламенемъ бунта, какъ назадъ тому 25 лѣтъ, при Пугачевѣ. Но уже кровь полилась; общественный порядокъ нарушался; выступили наружу самыя дурныя страсти, угрожавшія знакомыми тогда всѣмъ потрясеніями. Вспомнимъ, что въ эту эпоху еще не успѣло сойдти въ могилу поколѣніе, современное Пугачеву; что новое, смѣнявшее его, отъ крестьянской избы до господнихъ палатъ, наизусть знало всѣ подробности страшнаго пугачевскаго бунта, — и мы если не можемъ, съ нынѣшней точки зрѣнія, оправдать строгость и даже жестокость мѣръ, употребленныхъ для подавленія возстанія, покрайней мѣрѣ, онѣ могутъ быть объяснимы.

Современный читатель, мало знакомый съ исторіей нашего XVIII вѣка, въ которомъ въ одно и тоже время и завершался процессъ нашего государственнаго организма и входила въ него новая, производящая сильное броженіе, закваска европейской жизни и цивилизаціи, пожалуй не прочь будетъ приписать всѣ крутыя мѣры человѣку, распоряжавшемуся подавленіемъ крестьянскаго движенія; ибо князь Репнинъ, самолично усмиряя крестьянъ въ селѣ Брасовѣ, сдѣлалъ изъ этого настоящее *военное дѣло*, съ пушечной и ружейной пальбою, съ убитыми и ранеными, съ побѣдителями и побѣжденными. Побѣдители получили высочайшую награду; побѣжденные, кромѣ страшныхъ матеріальныхъ потерь, подвергнулись тяжкимъ нравственнымъ испытаніямъ: трупы 20-ти крестьянъ, павшихъ въ Брасовскомъ дѣлѣ, по приказанію князя Репнина, лишены были христіянскаго погребенія и зарыты въ одной ямѣ, укра-

шенной надписью, свидѣтельствовавшей, что эти люди были недостойны погребенія со всѣми! И эти сцены, возмущающія теперь наше человѣческое чувство, дѣлаетъ человѣкъ, которому несомнѣнно принадлежитъ одна изъ начальныхъ страницъ въ исторіи нашего гуманизма!

Въ это время общественное положеніе, которое занималъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ *), было очень высоко. Въ послѣдніе годы царствованія покойной императрицы, Репнинъ былъ, въ чинѣ генералъ-аншефа, генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ провинцій и Литвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующимъ войсками, въ нихъ расположенными. Новый императоръ, на другой день вступленія своего на престолъ, пожаловалъ его генералъ-фельдмаршаломъ и оказывалъ ему болѣе душевное расположеніе, чѣмъ покойная императрица, не долюбливавшая Репнина, какъ масона, хотя высоко цѣнившая его заслуги. Мы мало знакомы съ людьми XVIII вѣка, и, кажется, еще не подготовились къ этому знакомству, по недостатку спокойствія, мѣшающаго видѣть, что русскій человѣкъ прошлаго вѣка постоянно стоялъ не только между двухъ, но и промежъ трехъ огней, въ двойственномъ и тройственномъ положеніи, созданномъ всею русской исторіей: обвинять или восхвалять его не возможно, не разсмотрѣвъ всѣхъ этихъ сторонъ историческаго положенія современнаго ему общества. Князь Репнинъ не былъ замѣчательнымъ полководцемъ въ родѣ Румянцева, не говоря уже о Суворовѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ людей, которыми поистинѣ прославился екатерининскій вѣкъ, и между коими онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Профессоръ Соловьевъ въ своей книгѣ *Исторіи Паденія Польши* блистательнымъ образомъ представляетъ его дипломатическія способности, въ качествѣ нашего резидента въ Варшавѣ. Эти способности, точнѣе болѣе духовная сторона ихъ, т. е. живое, непосредственное отношеніе къ живой, а не отвлеченной жизни, еще блистательнѣйшимъ образомъ обнаружились въ Репнинѣ на новомъ мѣстѣ, которое онъ занялъ послѣ 3 го раздѣла Польши, — на мѣстѣ литовскаго генералъ-губернатора, чуть не начальника Сѣверо-западнаго края, какъ бы мы теперь сказали. Что ни говорятъ теперь о древней русской исконности этого края, но въ прошломъ вѣкѣ она, по многимъ причинамъ, плохо замѣчалась, покрайней мѣрѣ не отъ нея начинали дѣло и не къ ней, не дождавшись конца, возвращались: идеалъ всероссійской имперіи, въ грандіозности его величія — вотъ откуда шли и къ чему возвращались государственные люди того времени; за этимъ идеаломъ не замѣтно было все народное, этнографическое, ибо все государственное отожествлялось тогда съ народнымъ. Россіи достался край *Польскій* (по тогдашнимъ понятіямъ), съ польской государственностію, языкомъ, цивилизаціей, законами, нравами и обычаями. Устройство этого края, управленіе имъ, почти на другой день его присоединенія, введеніе русскихъ государственныхъ формъ жизни, вмѣсто сгнившихъ польскихъ, пощада тѣхъ, которыя нисколько не мѣшали первымъ, меткіе, искусные удары въ слабыя, но добрыя струны человѣческой природы, мудрое примѣненіе пословицы: *бей рублемъ, а не бей дубьемъ*, — на все это мало однихъ административныхъ способностей, простаго исполненія чужой, непродуманной или отвлеченной мысли. Здѣсь, на управленіе Литвою, князь Репнинъ смотрѣлъ съ орлиной дальнозоркостію, отличающею всѣхъ екатерининскихъ питомцевъ: то, чѣмъ теперь мы такъ гордимся и изъ-за чего пролито столько чернилъ и желчи, *обрусѣніе края*, было имъ понято никакъ не уже нашего, начиная отъ необходимости поднятія мѣстныхъ русскихъ силъ до приглашенія людей изъ внутреннихъ губерберній на службу и до водворенія рус-

*) Родился 1734, умеръ 1801 года.

скихъ землевладѣльцевъ. Обрусѣніе Литовскаго края въ государственномъ смыслѣ — дѣло Репнина, его историческая заслуга. Словомъ, репнинское управленіе Литвою, смѣемъ думать, поучительно въ высшей степени для настоящаго времени. Въ немъ, между прочимъ, выразилась вполнѣ спокойная, подобающая государству сила, увѣренная въ самой себѣ, и стало быть въ успѣхѣ. Это всего лучше доказывается возможностію пребыванія въ томъ же литовскомъ, недавно присоединенномъ, краѣ короля Станислава Понятовскаго, который со ступеней варшавскаго трона прямо очутился въ скромномъ гродненскомъ дворцѣ и съ которымъ Репнинъ возился два года. Добровольно отказавшись отъ престола, ex-король все же смотрѣлъ въ лѣсъ волкомъ, и нужно было имѣть зоркое недремлющее око, чтобы не упустить подобнаго звѣря; всего легче было струсить. Уже одни отношенія Репнина къ послѣднему польскому королю представляютъ его личность въ самомъ выгодномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, свѣтѣ. Вполнѣ русскій, крѣпко и восторженно, какъ всѣ екатерининцы, державшій государственное знамя Россіи, славу и ея величіе, князь Н. В. Репнинъ, управляя Нѣмцами и Поляками, умѣлъ заставить уважать себя не одною грозою и страхомъ. Князь Репнинъ принадлежалъ къ обществу масоновъ, которое едва ли неболѣе всѣхъ учрежденій смягчало наши нравы, воспитывало, цивилизовало общество *). Прочтя множество черновыхъ бумагъ, его рукою исписанныхъ, его резолюцій, замѣтокъ, писемъ, мы не могли не убѣдиться, что въ этой личности было много обаятельнаго, — не въ этомъ ли надобно искать тайны его дипломатическихъ и административныхъ успѣховъ *межи Нѣмцы и Ляхи?* Отправляясь для подавленія крестьянскаго движенія, кн. Репнинъ положительно настаиваетъ на необходимости *самыхъ кротких мѣръ*. Такъ въ его ордерѣ къ одному изъ военно-начальниковъ мы читаемъ: „Противъ крестьянъ не должно оказывать никакой строгости, ни крайности, а просто объявя имъ только высочайшую Его Императорского Величества волю, чтобъ крестьяне должное послушаніе имѣли къ помѣщикамъ, для чего точно (именно) я и посланъ, чтобы объявить о семъ высочайшемъ соизволеніи. Почему и требовать отъ нихъ должнаго къ помѣщикамъ повиновенія; въ прочемъ (въ остальномъ) по всему, до сего относящемуся, гражданскому производству (властямъ) оставить полную свободу, — нижнему земскому суду и исправнику". Его царь — долгъ, его Богъ — правда...

Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ, —

Вотъ какъ выражается Державинъ о Репнинѣ въ стихотвореніи „Памятникъ Герою" (изд. Я. К. Грота. Т. I. стр. 434). И. В. Лопухинъ въ своихъ *Запискахъ* превозноситъ его похвалами, называя его *великимъ мужемъ*. Съ его дѣятельностію въ иныхъ сферахъ мы еще будемъ имѣть случай познакомиться. Въ концѣ этой статьи мы помѣщаемъ собственноручный дневникъ кн. Репнина, веденный имъ во время пути, предпринятаго для подавленія крестьянскаго движенія. Онъ познакомитъ читателей съ нѣкоторыми любопытными подробностями, относящимися до этого дѣла (которые мы по этому опускаемъ въ нашемъ разсказѣ) и, между прочимъ, послужитъ наглядным доказательствомъ неутомимой дѣятельности этого человѣка, несомнѣнно не желавшаго играть роль въ скорбныхъ событіяхъ при подавленіи крестьянскаго возстанія.

Получивъ 20-го января высочайшее повелѣніе и сдѣлавъ нужныя распоряженія, на время своего отсутствія, по управленію Остзейскаго края и Литвы, на другой день, 21-го числа, князь Репнинъ отправился въ путь прямо на сѣверъ, въ Вологду, по поздѣевскому дѣ-

*) Впрочемъ, отношенія О. А. Поздѣева въ своимъ крестьянамъ нисколько не говорятъ въ пользу гуманности этого масона.

лу. Зима въ этомъ году была снѣжная; отъ сугробовъ почти не было проѣзду. 27-го князь прибылъ въ Вологду, гдѣ прожилъ до 3-го февраля. Поздѣевское дѣло удалось ему покончить самымъ миролюбивымъ образомъ: крестьяне принесли повинкую и просили прощенія у помѣщика; военныя команды, которыя притянулъ было Репнинъ къ мѣсту своего пребыванія, пришлось отсылать обратно. Пребываніе фельдмаршала въ Вологдѣ и кроткія мѣры, употребленныя имъ для успокоенія поздѣевскихъ крестьянъ, имѣли большое вліяніе на волновавшихся крестьянъ Ярославской и Владимірской губерній, гдѣ все пришло въ надлежащій порядокъ, безъ употребленія военной силы и кровопролитія, одними лишь распоряженіями мѣстной администраціи. Перемѣнивъ лошадей въ Ярославлѣ, князь Репнинъ на ночь съ 4-го на 5-е февраля прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь нагналъ его курьеръ съ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 30 января отправиться немедленно въ Орелъ, куда фельдмаршалъ и прибылъ въ ночь 9-го числа.

Между тѣмъ орловскія событія, какъ видно, особенно тревожили императора Павла. Того же 30-го января онъ пишетъ шефу гусарскаго полка генералъ-маіору фонъ-Линденеру слѣдующій рескриптъ.

„Господинъ генералъ-маіоръ Линденеръ! Съ полученіемъ сего вступите въ распоряженіе гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ по Орловской губерніи. Употребите на прекращеніе волненія крестьянъ полкъ вашъ и мушкатерскій Ряжскій, о чемъ генералъ-маіору князю Горчакову отъ насъ предписано. *) Извѣстите насъ какъ о мѣрахъ, вами принятыхъ, такъ обо всемъ, произойти могущемъ. Употребите силу и заставьте повиноваться власти гражданской и уважать войска наши. Пребываю вамъ благосклонный. Павелъ.“

*) При Павлѣ всѣ генералы, отъ фельдмаршала, подѣланы были шефами полковъ, которые, сверхъ своего, носили и имена этихъ шефовъ.

И такъ Орловская губернія ставилась какъ бы въ военное положеніе, хотя на самомъ дѣлѣ этого и не было. Въ то время, какъ князь Репнинъ приближался къ предѣламъ возстанія, тамъ вотъ что происходило. Ряжскій полкъ кн. Горчакова замедлилъ прибытіемъ въ Сѣвскій уѣздъ; между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что ослушные крестьяне княгини Голицыной, собиравшіеся обыкновенно въ мѣстечкѣ Радогощѣ, назначали 10-е февраля срокомъ для приведенія въ исполненіе своего намѣренія броситься на усадьбу помѣщицы и разорить ее. Орловскій губернаторъ Воейковъ и генералъ Линденеръ рѣшились, не дожидаясь князя Горчакова, предупредить мятежниковъ. Въ этотъ день, въ 8-мъ часу утра, они подошли съ полкомъ Линденера къ селу Радогощѣ и, остановившись у околицы, требовали, чтобы крестьяне принесли повинную своей помѣщицѣ и выдали бы главныхъ зачинщиковъ. Получивъ отказъ, Воейковъ и Линденеръ приказали стрѣлять изъ двухъ оружій и зажечь въ двухъ мѣстахъ село. Отъ сильнаго вѣтра пожаръ распространился, причемъ сгорѣло нѣсколько крестьянскихъ дворовъ и господскій хлѣбный магазинъ, впрочемъ, почти опустошенный мятежниками. Крестьяне смирились. Заводчикъ возмущенія Куркинъ и нѣсколько его товарищей, засѣвшихъ было на колокольнѣ, должны были сдаться. Донося Государю объ этомъ дѣлѣ и отдавая честь распорядительности губернатора Воейкова, Линденеръ распространяется съ похвалою о дѣятельномъ участіи подполковника Уварова, совершенно случайно проѣзжавшаго чрезъ Радогощь и принявшаго команду надъ лейбъ-эскадрономъ и распоряженіе орудіями. Кн. Репнинъ получилъ извѣстіе объ этомъ усмиреніи на другой день, уже находясь въ Кромахъ; 12-го февраля онъ былъ на самомъ мѣстѣ происшествія. Изъ Радогощи фельдмаршалъ отправилъ въ село Брасово, къ апраксинскимъ крестьянамъ, съ приложеніемъ высочайшаго манифеста, свое приказа-

ніе представить къ нему главныхъ зачинщиковъ возмущенія; но получилъ на это дерзкій отвѣтъ: „Пусть-де пріѣдетъ самъ!“ Отсылая читателей за подробностями этого дѣла, о которомъ упомянуто выше, къ репнинскому журналу, здѣсь приводимъ приказъ фельдмаршала теперь соединившимся полкамъ Линденера и кн. Горчакова.

„Отъ генералъ-фельмаршала кн. Репнина приказъ.

Завтра походъ въ село Брасово, для покоренія тамошнихъ крестьянъ генералъ-лейтенанта Апраксина.

1. Выступить отсель въ 8 часовъ по утру. Впереди идти г. генералъ-маіору Линденеру съ четырьмя ескадронами его полку.

2. За ними двѣ гранадерскія пушки Ряжскаго мушкатерскаго полку; потомъ полковыя пушки; за ними четыре единорога брянскіе; затѣмъ первый баталіонъ; за нимъ одна полковая пушка, а за ней второй баталіонъ; потомъ же, въ замкѣ, четыре ескадрона Линденерова полку.

3. Никому отъ своихъ мѣстъ не отлучаться, ни подъ какимъ предлогомъ.

4. Найстрожайше подтверждается, чтобы никто не дерзалъ ни малѣйшаго грабежа дѣлать, подъ опасеніемъ неминуемаго и строгаго наказанія, за что отвѣчаютъ командиры.

5. Никому нигдѣ и ничего не зажигать, безъ моего особеннаго и точнаго на сіе повелѣнія.

6. Какъ дѣйствовать должно будетъ, по прибытіи въ Брасову, о томъ на мѣстѣ приказано будетъ. Но г. генералъ-маіору Линденеру, подходя къ тому селу, обхватить оное четырьмя ескадронами, которые впередъ идутъ, чтобы всѣ изъ онаго выходы вполнѣ заграждены были, дабы преступники уйдти не могли. А какъ передовая кавалерія такимъ образомъ раздѣлится, то пѣхота, чрезъ то, откроется для продолженія дѣйствій; задніе же два ескадрона, за пѣхотой слѣдующіе, тогда пойдутъ на правое и лѣвое крыло пѣхоты, по одному ескадрону, а послѣдніе два слѣдуютъ въ резервѣ. Но все сіе начинать не прежде, какъ отъ меня повелѣно будетъ.

7. Два ескадрова Линденерова полку и двѣ орловскія пушки остаются здѣсь въ селѣ Радогощѣ, которымъ быть въ осторожности.

8. Въ походѣ, гдѣ положеніе мѣста потребуетъ и нужно будетъ, имѣть отъ кавалеріи боковые патрули.

9. Ружья, карабины и пистолеты зарядить пулями; равномѣрно и пушки имѣть заряженными ядрами; картечи же имѣть готовыми; также фитили заряженные; палительныя трубки и свѣчи въ готовности держать.

10. Никакой толпы, ближе ста шаговъ, къ фрунту ни къ которому не подпускать; а коли пойдутъ ближе, то по нихъ стрѣлять и дѣйствовать, какъ противъ непріятеля“. 12 февр 1797 г.

Брасовское дѣло продолжалось два часа. Крестьяне не имѣли огнестрѣльнаго оружія и дѣйствовали цѣпами и дубинами; имъ удалось поранить только двухъ гусаръ, но зато шефу полка, Линденеру, крѣпко досталось по спинѣ дубиной. За Брасовское дѣло кн. Горчаковъ получилъ анненскую ленту, а полкъ его высочайшую благодарность и по рублю на человѣка; полку же Линденера, при паролѣ, велѣно объявить строгій выговоръ Государя.

Въ Сѣвскомъ уѣздѣ кн. Репнинъ пробылъ до 17 февраля, а въ Орловской губерніи по 23-е. Во все это время онъ заботился о возстановленіи спокойствія между крестьянами, оставаясь вѣренъ разъ принятымъ правиламъ. Такъ въ одномъ его приказѣ Малороссійскому кираспрскому полку, отъ 16 го февраля, мы читаемъ:

“Ежели бы, паче всякаго чаянія, крестьяне гдѣ-либо дерзнули противиться и упорствовать войскамъ, въ такомъ неожиданномъ случаѣ войски должны сохранить къ себѣ отъ народа почтеніе и уваженіе; и таковыхъ дерзкихъ ослушниковъ наказать и принудить къ повиновенію силою оружія. Но

г. *полковой командиръ отвѣчать за то станетъ по всей строгости законовъ, что подобное крайнее дѣйствіе строгости вынуждено было отъ него самою послѣднею необходимостію*—(т. е.) чрезъ оказаніе отъ крестьянъ дерзкаго неуваженія къ войскамъ, тоже явнаго, наглаго и упорнаго сопротивленія повелѣніямъ гражданскимъ, отъ войскъ даваемымъ,—*и что,* прежде сего принужденнаго (вынужденнаго) поступка, *истощены были всѣ мѣры и увѣщанія кротости,* дабы ослушники образумились и пришли въ повиновеніе законной власти".

„Войска", требуемыя гражданскою властію для усмиренія крестьянъ, говорится въ приказѣ тому же полку, недѣлю спустя, „во всякихъ таковыхъ случаяхъ должны держать себя въ почтеніи у обывателей и соблюсти слѣдующее (должное) отъ нихъ къ себѣ уваженіе, но, однакожъ, *обывателей не обижать и спокойно живущихъ отнюдь не притѣснять,* наблюдая строгую дисциплину."

Въ день окончанія брасовской катастрофы, 15-го февраля, князь Репнинъ пишетъ слѣдующее письмо орловскому губернатору:

„Благоволите, ваше превосходительство, въ извѣстіе всѣмъ обывателямъ Орловской губерніи, вамъ ввѣренной, приказать объявить, что село Брасово съ деревнями крестьянъ г. генералъ-лейтенанта Апраксина, за ихъ упорное неповиновеніе правительству, отъ высочайшей власти установленному, и ихъ помѣщику, не внемля даже высочайшему манифесту Его Императорскаго Величества, отъ 29 января сего 1797 года, и за ихъ упорственное сопротивленіе войскамъ Его Императорскаго Величества, наказаны сплою оружія и преданы, яко изверги, злодѣи и преступники, огню и мечу; что тѣла ихъ, справедливо погибшія отъ ихъ богопротивнаго преступленія, недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму, съ надписью, для всегдашняго омерзительнаго презрѣнія всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, что „тутъ лежатъ преступники противъ Бога, Государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ, по закону Божію и Государеву" (*) и, наконецъ, что домы ихъ и перваго начальника въ семъ богомерзкомъ преступленіи, деревни Ивановой крестьянина, Емельяна Чернодырова, истребленъ до основанія, такъ что и остатковъ онаго не видно. Дабы всѣ, о томъ бывъ извѣстны, въ подобныя пагубныя злодѣянія не впадали."

Но страхъ, возбужденный жестокостію наказанія, былъ такъ великъ, что всѣ мѣры излишней предосторожности оказались не нужными, и самъ фельдмаршалъ нашелъ возможнымъ вывести, черезъ четыре дня, всѣ военныя команды, расположенныя въ бунтовавшей мѣстности.

Въ то время, когда происходили разсказанныя нами событія въ Орловской губерніи, въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской, въ имѣніи помѣщика Юрина, въ селѣ Никольскомъ, Лаптево тожъ, взбунтовавшихся крестьянъ усмирялъ премиеръ-маіоръ князь Шаликовъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ полка имени генералъ-лейтенанта Шевича. Съѣхавшись съ алексинскимъ земскимъ исправникомъ, маіоромъ Колюбакинымъ, 19 февраля, кн. Шаликовъ немедленно отправился въ село Лаптево. Не доѣзжая до него версты за двѣ, они остановились. Исправникъ, съ ротмистромъ Еліатовымъ и шестью гусарами, отправились въ село. Здѣсь собралось народу изъ окрестныхъ деревень человѣкъ полтораста. Исправникъ и ротмистръ прочли высочайшій манифестъ 29-го января, начали было уговаривать крестьянъ повиниться помѣщику; но они не хотѣли и слушать, крича: „За помѣщикомъ быть не хотимъ!" Своего предводителя, старосту Васплья Семенова, взять они не позволили. Узнавъ объ этомъ, князь Шаликовъ съ своимъ эскадрономъ въѣхалъ въ село. Онъ также пробовалъ было увѣщевать крестьянъ, но также безуспѣшно; ве-

(*) См. ниже въ репнинскомъ журналѣ, стр. 570

лѣлъ, для острастки, зарядить ружья и обнажить сабли, но и это не испугало крестьянъ, вскричавшихъ въ одинъ голосъ: „умремъ, а за помѣщикомъ быть не хотимъ!“ Тогда Шаликовъ, по согласію съ помѣщикомъ, приказалъ зажечь плетневый сарай и около него стоящій дворъ, гдѣ обыкновенно собирались возмутившіеся крестьяне; но и пожаръ ихъ не остановилъ. Вооруженные дубинами и вилами, крестьяне бросились къ фронту. Староста Семеновъ бросился на кн. Шаликова, одною рукою схватилъ лошадь его за повода, а другою за ногу, — вѣроятно, съ намѣреніемъ повалить его на землю; но ударомъ сабли былъ отбитъ. Гусары сдѣлали атаку, ранили 6 человѣкъ и схватили 90, въ томъ числѣ и Семенова. Бѣгствомъ остальныхъ окончилось дѣло; двадцать человѣкъ изъ схваченныхъ преданы гражданскому суду, остальные прощены помѣщикомъ.

Въ Калужской губерніи усмиреніемъ крестьянъ распоряжался вице-губернаторъ Митусовъ. Онъ хотя и располагалъ военными командами (эскадрономъ полка генерала Шевича; полкъ Линденера также ожидался въ губерніи) но къ счастію, до оружія дѣло не доходило. Съ наиболѣе упорствующими крестьянами помѣщицы Давыдовой, разбѣжавшимися, какъ мы видѣли, изъ деревни, Митусовъ поступилъ своебычливымъ образомъ: „по прибытіи туда, говоритъ онъ во всеподданѣйшемъ рапортѣ, не нашедъ никого изъ крестьянъ, пересѣкъ кнутьемъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей... Въ страхъ другимъ... дабы вызвать ихъ (старостъ и начинщиковъ возмущенія) изъ скрытности, сожегъ особо стоящую клѣть; но и изъ-за сего никого изъ скрывающихся не явилось“. Въ имѣніи Воейковыхъ, Митусовъ, какъ кажется, человѣкъ добродушный, встрѣтилъ было упорное сопротивленіе, подобно кн. Шаликову; но дѣло было уже 23 февраля: слухъ о брасовскомъ происшествіи уже успѣлъ дойти до крестьянъ; не могло быть тайной скорое прибытіе въ губернію самого Репнина, поэтому крестьяне склонились на увѣщанія Митусова. „И не столько мои увѣщанія и угрозы, говоритъ онъ въ донесеніи, сколько высочайшая Вашего Императорскаго Величества воля, въ высочайшемъ манифестѣ изображенная, возмогла подѣйствовать на развращенные ложными на какіе-то яко бы указы дѣлаемыми, разсудки ихъ. Поверглись всѣ передо мною съ раскаяніемъ и испросили у помѣщиковъ прощенія“. „Развратителей крестьянъ“, сельскихъ священниковъ, Митусовъ предалъ суду духовнаго правленія, препроводивъ ихъ чрезъ депутата отъ духовенства, а остальныхъ „начинщиковъ“ представилъ въ уѣздный судъ. 26-го февраля прибылъ въ Калугу самъ фельдмаршалъ; но губернія уже вся была успокоена, что̀ лично подтвердилъ ему вице-губернаторъ, распустившій по домамъ военныя команды. Изъ Калуги кн. Репнинъ разсчитывалъ ѣхать прямо на Смоленскъ; но полученныя изъ Петербурга бумаги заставили его обратиться въ Москву.

Подавленіе крестьянскаго движенія въ Псковскомъ и Полоцкомъ намѣстничествахъ было поручено государемъ генералу отъ инфантеріи М. М. Философову, но подъ главнымъ наблюденіемъ тогоже князя Репнина. Когда происходили въ Холмѣ выше разсказанные нами безпорядки, въ это время проходилъ черезъ городъ Бѣлозерскій полкъ, на пути слѣдованія своего въ постоянныя квартиры, въ Новгородъ. Кипѣвшій въ уѣздѣ мятежъ принудилъ командира полка, кн. Долгорукова, остановиться въ Холмѣ и подать помощь тамошнему гражданскому начальству. Отряженный имъ, на помощь капитанъ-исправнику Черткову, съ отрядомъ гренадеръ маіоръ Лисаневичъ отправился на усмиреніе какого-то погоста; но мятежники встрѣтили ихъ, не допустивъ до погоста, напали и принудили къ ретирадѣ. Въ происшедшей схваткѣ несчастный Чертковъ былъ схваченъ крестьянами и, исколотый рогатиной, брошенъ замертво; одинъ капралъ и четыре гренадера были ранены;

потеря крестьянъ состояла изъ одного убитаго и четырехъ раненыхъ. Узнавши объ этомъ происшествіи, генералъ Философовъ тотчасъ же послалъ на мѣсто возмущенія подполковника, имени своего Московскаго гренадерскаго полка, Тучкова, прославившагося своею храбростію при виленской ретирадѣ, давъ ему полномочіе казнить на мѣстѣ, и для того палача, подробную инструкцію и (говоримъ словами Философова) „какъ бунтъ больше предводимъ былъ неистовствующими попами,—одного добраго священника съ полновластною надъ попами духовной властію по отлученью“. Тучковъ, взявъ три роты Бѣлозерскаго полка и одну пушку, въ пять дней усмирилъ волненіе, безъ кровопролитія, какъ говорится въ донесеніи; но, однакоже, на мѣстѣ 80-ти крестьянамъ произведены „легкія казни безъ дальнихъ судовъ, по выраженію Философова, батоги и плѣтьми“. Впрочемъ, главные возмутители, десять человѣкъ поповъ и дьяконовъ, и четверо крестьянъ были преданы гражданскому суду. Тучковъ получилъ отъ государя орденъ Анны 2 степени. Отъ крестьянскихъ волненій въ губерніи, въ слѣдствіи распоряженій Тучкова, „ниже и слѣда безпокойствія не осталось“, увѣряетъ офиціальное донесеніе. Въ Полоцкомъ намѣстничествѣ мятежъ усмиренъ дней въ восемь, безъ кровопролитія, а однимъ передвиженіями полковъ Псковскаго драгунскаго и С. Петербургскаго. Здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ развѣ того, что крестьяне въ одномъ мѣстѣ посадили подъ караулъ исправника и засѣдателя и заарестовали военную команду изъ 50-ти человѣкъ, вмѣстѣ съ ея капитаномъ.

Въ нашихъ источникахъ не находится болѣе никакихъ свѣдѣній, относящихся до крестьянскаго движенія при императорѣ Павлѣ. Въ слѣдующихъ поденныхъ запискахъ князя Репнина, веденныхъ имъ во все время поѣздки своей въ Вологду, Орелъ и Калугу, читатель найдетъ нѣкоторыя подробности, опущенныя въ нашемъ разсказѣ:

Журналъ Князя Репнина.

„1797 г. генваря 21-го. Выѣхалъ я изъ С. Петербурга по утру въ 10-мъ часу, ночевалъ въ Шельдихѣ, отъѣхавъ 91 версту. Дорога была ухабистая, съ раскатами, отчего ѣхать скоро было нельзя, и оглобли ломались.

22. — Выѣхалъ въ 6 часовъ по утру, ночевалъ въ Воскресенскомъ погостѣ, отъѣхавъ 119 верстъ. Отъ большихъ снѣговъ по сторонамъ и отъ узкой дороги, лошади были запряжены гусемъ.

23. — Отправляясь изъ Воскресенскаго погоста ровно въ 6 часовъ утра и отъѣхавъ 111 верстъ, при весьма дурной и ухабистой дорогѣ, ночевалъ въ Чущахъ. Въ проѣздъ черезъ городъ Тихвинъ, отдалъ тамошнему почтмейстеру, для отправленія на естафетѣ, пакетъ къ генералъ-прокурору (1), съ извѣщеніемъ о дорогѣ.

24. — Изъ Чущовъ выѣхалъ въ $\frac{1}{4}$ седьмаго часа утра и, проѣхавъ 125 верстъ весьма дурной дороги, при почти безпрерывно ненастномъ времени, ночевалъ въ Долоцкѣ, куда пріѣхалъ около полуночи.

25. — Выѣхалъ изъ Долоцка въ 6 часовъ поутру и, весь день ѣхавъ, отъ вьюги и снѣжныхъ надуновъ, переѣхалъ только 93 версты и остановился ночевать въ селѣ Николѣ Старомъ. Ѣхалъ все гусемъ, отъ чрезмѣрно узкихъ дорогъ. Перемѣняя лошадей въ селѣ Лентьевѣ, князя Владиміра Ивановича Щербатова, узналъ, что большая часть сей деревни пришла въ непослушаніе помѣщику и послала къ государю отъ себя людей на него жаловаться на разореніе, что, сверхъ оброка, на тяжбу противъ (съ) одного господина Досадина, съ которымъ та тяжба мировою прекращена за 10 тысячъ, которыя (деньги) тоже деревня платитъ. Я призывалъ къ себѣ нѣсколько изъ тѣхъ ослушныхъ крестьянъ и, побожась имъ именемъ Христовымъ, объявилъ милость государеву тѣмъ, которые помѣщикамъ послушны и что го-

(1) Кн. А. Б. Куракину (1759—1829).

сударь то усердіе отъ крестьянъ себѣ желаетъ и признаетъ, чтобы они оставались спокойно въ законномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ, а противники бы остерегались надлежащаго наказанія; и что Его Величество, по своей милости къ народу, меня послать изволилъ—въ осторожность, объявить всѣмъ таковымъ, дабы они знали его отеческое о нихъ попеченіе. Крестьяне тѣ, выслушавъ все съ тишиной, признались, что они, по глупости, вѣря обманчивымъ разглашеніемъ, будто государь противъ помѣщиковъ за нихъ стоитъ, благодарили меня, что я имъ правду сказалъ, и обѣщались тотчасъ войти въ послушаніе и передъ помѣщикомъ повиниться.

26. — Изъ села Стараго Николы отправясь по утру въ 6 часовъ, съ невѣроятнымъ затрудненіемъ переѣхать можно было 97 верстъ до деревни, въ Вологодской губерніи, въ Грязовецкомъ уѣздѣ лежащей. Отъ вчерашней вьюги, дорогу, и безъ того претѣсную, такъ задуло, что ежеминутно вязли лошади и погружались сани въ преглубокомъ снѣгѣ.

27. — Выѣхавъ въ 7 часовъ поутру, пріѣхалъ въ 3 часа пополудни въ Вологду, переѣхавъ 63 версты. Тотчасъ по пріѣздѣ, посланъ совѣтникъ правленія Станиславскій за г. Поздѣевымъ и за крестьянами его и окружными, которые въ ослушаніи главное участіе имѣли. Въ Петербургъ отправленъ курьеромъ фельдъегеръ Павелъ Корсаковъ въ 10-мъ часу по полудни, съ донесеніемъ къ Его Величеству и съ письмами къ Николаю Петровичу Архарову и къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину.

28. — По полудни въ 5 часовъ возвратился изъ Володиміра курьеръ, фельдъегерь Кабановъ, и, по небытности тамъ вицъ-губернатора Граве, привезъ обратно пакетъ, съ нимъ къ нему посланный, который онъ никому тамъ не отдалъ, объявляя, что и курьеръ его императорскаго величества, туда же (въ Владиміръ) отправленный, возвратился въ Петербургъ, не отдавъ своего пакета. По таковому обстоятельству, посланъ въ 9 часовъ сего же вечера другой курьеръ, фельдъегерь Морозовъ, прямо въ Владиміръ, чрезъ Кострому, съ тѣмъ же самымъ пакетомъ, прибавя къ тому, чтобы главный въ Володимірѣ начальникъ тотъ пакетъ открылъ и по оному исполненіе учинилъ. И какъ жаловался упомянутый фельдъегерь Кабановъ, что ему по дорогѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ трудомъ лошадей давали и его въ ѣздѣ замедляли; то писано въ Москву, въ Ярославль, въ Кострому, въ Володиміръ, къ тамошнимъ начальникамъ, а равно и къ здѣшнему, вологодскому г. губернатору, чтобы лошади курьерамъ были даваемы безъ задержанія и чтобы ни малѣйшей имъ остановки не дѣлали. Наконецъ, тотъ же фельдъегерь Кабановъ привезъ рапортъ отъ московскаго военнаго губернатора Архарова, отъ 24-го сего мѣсяца, №20, о томъ, что баталіонъ его полку, съ двумя полковыми орудіями, подъ командою маіора Сомова, выступилъ сюда изъ Москвы 24-го того же числа. Почему, я, дабы имѣть коль можно болѣе извѣстій отъ помянутаго московскаго военнаго губернатора Архарова о томъ, что дѣлается въ Володимірѣ съ баталіономъ гренадеръ, изъ Москвы туда отправленнымъ подъ командою подполковника Дельгама, послалъ къ нему въ тотъ же часъ курьеромъ фельдъегеря Крепиша, сообща ему содержаніе моего въ Володиміръ предписанія; а притомъ прошено, коль ему извѣстно, что дѣлается въ Коморичахъ противъ помѣщика Степана Степановича Апраксина? Фельдъегерь же Кабановъ объявилъ словесно, что въ Володимірской губерніи все покойно, но баталіона гренадеръ и подполковника Дельгама онъ нигдѣ не видалъ.

29. — Ничего не происходило.

30. — Были приведены въ 6 часовъ по полудни крестьяне ослушные г. Поздѣева и окрестные другихъ помѣщиковъ, въ томъ ослушаніи участіе имѣющіе,—

при чемъ былъ и самъ г. Поздѣевъ, коимъ была истолкована вся важность ихъ преступленія и строгость законнаго наказанія, которому они себя подвергли, съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія, чтобы они непремѣнно оставались въ законномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ и отнюдь не дерзали изъ онаго выходить, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго наказанія по всей строгости закона, въ чемъ, по милосердію его величества, повелѣлъ онъ мнѣ ихъ остеречь. По сему объявленію, крестьяне всѣ бросились на колѣни и валялись въ ногахъ, прося всемилостивѣйшаго помилованія; а равномѣрно, тѣмъ же образомъ, и у г. Поздѣева прощенія просили и обѣщаніе давали быть вѣрными и послушными. Почему, видя ихъ искренное раскаяніе, я, высочайшимъ именемъ его императорскаго величества, ихъ простилъ, съ подтвержденіемъ, чтобы они не забывали милости государевой и своего обѣщанія быть повинными, дабы, въ противномъ случаѣ, сами на себя не навлекли неминуемаго несчастія, объявя имъ притомъ, что и войска сюда уже наряжены были и шли. для приведенія ихъ въ надлежащее повиновеніе и порядокъ. Г. Поздѣевъ также своихъ крестьянъ простилъ, а они всѣ молили Бога за государя и благодарили за оказанное имъ его императорскимъ величествомъ милосердіе. Послѣ чего отпущены они съ тѣмъ, чтобы имъ формально сія высочайшая милость объявлена была въ губернскомъ правленіи и чтобы они свободно и немедленно были отпущены въ ихъ домы.

31. — Предъ обѣдомъ отправлены были курьеры: къ его имп. величеству фельдъегерь Ѳедоровъ, со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о происшедшемъ наканунѣ, а къ г. маіору Сомову, на встрѣчу, фельдъегерь Кабановъ съ предписаніемъ, чтобы онъ, съ порученнымъ его командѣ баталіономъ, возвратился въ Москву; о чемъ къ г. генер.-лейтенанту и московскому военному губернатору, для извѣстія, писано.

ФЕВРАЛЬ.

1. — Читано было въ соборѣ всемилостивѣйшее прощеніе крестьянамъ Поздѣевскимъ; болѣе же сего ничего не происходило.

2. — Получено письмо изъ Владиміра отъ дѣйств. тайнаго совѣтника Заборовскаго, послѣ обѣда въ 5-мъ часу, съ фельдъегеремъ Морозовымъ, о содержаніи коего донесено его импер. величеству спмъ же вечеромъ, съ фельдъегеремъ Крепишемъ. Фельдъегерь Кабановъ посланъ въ Переяславль-Залѣсскій для заготовленія лошадей. Съ нимъ о томъ писано Ярославскому губернатору, и ордеръ посланъ къ маіору Сомову. Такожъ посланъ естафетъ въ Москву къ генералу отъ инфантеріи, ко князю Долгорукому *), съ извѣщеніемъ, что подполковникъ Дельгамъ съ баталіономъ не нуженъ въ Володимірской губерніи, на основаніи помянутаго письма г. Заборовскаго.

3. — Въ 7-мъ часу утра отправился изъ Вологды и, переѣхавъ 114 верстъ безъ всякаго достопамятнаго происшествія, ночевалъ въ Даниловскомъ яму.

4. — Выѣхавъ въ 3-мъ часу съ полуночи изъ Даниловскаго яму, пріѣхалъ въ 1-мъ часу по полудни въ Ярославль, гдѣ перемѣнилъ лошадей и отправился до Ростова, гдѣ остановился ночевать, переѣхавъ всего 135 верстъ.

5. — Передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ фельдъегерь Поповъ съ высочайшимъ именнымъ указомъ, отъ 30 января, повелѣвающимъ ѣхать въ Орелъ, вслѣдствіе коего отправленъ тотчасъ нарочный съ письмами къ начальникамъ Московской, Тульской и Орловской губерній о заготовленіи лошадей. Равномѣрно отправленъ и въ С. Петербургъ курьеръ съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ его импер. величеству о получе-

*) Юрію Владиміровичу, командующему московской дивизіей, подобно тому, какъ кн. Репнинъ, называвшійся при Екатеринѣ *главнокомандующимъ арміей, въ Лифляндіи и Литвѣ расположенной*, теперь, при Павлѣ, назывался *главнокомандующимъ Литовской дивизіей.*

ніи рѣченнаго повелѣнія и о томъ, что, для прекращенія оказавшагося въ нѣкоторыхъ деревняхъ Владимірской и Ярославской губерніи непослушанія крестьянъ противу ихъ помѣщиковъ, оставленъ въ Переяславлѣ-Залѣскомъ маіоръ Сомовъ съ пѣхотнымъ батальономъ, которому и велѣно расположиться нѣкоторыми частями въ тѣхъ, вышедшихъ изъ повиновенія, деревняхъ, для содѣйствія земской полиціи, *самыми кроткими мѣрами*, для приведенія въ должную подчиненность всѣхъ тѣхъ непослушныхъ [1]). А по исполненіи всего сего, въ половинѣ 2-го часа по полуночи выѣхалъ изъ Ростова и, доѣхавъ до Переяславля-Залѣсскаго, 60 верстъ, остановился на нѣсколько часовъ въ семъ городѣ.

6. — Въ 3 часа утра оттоль выѣхалъ, доѣхалъ въ Москву въ 8 часовъ въ вечеру, переѣхавъ безъ всякаго приключенія 126 верстъ. Пріѣхавъ въ Москву, нашелъ курьера съ высочайшимъ его импер. величества указомъ отъ 31-го генваря, [2]) на который всеподданнѣйше въ тотъ же часъ и съ тѣмъ же курьеромъ отвѣтствовано. При самомъ же выѣздѣ получено еще высочайшее повелѣніе отъ 3-го февраля, [3]) на которое всеподданнѣйшій отвѣтъ доставленъ г. генералу отъ инфантеріи и разныхъ орденовъ кавалеру, князю Юрію Владиміровичу Долгорукому, для отправленія съ тѣмъ же курьеромъ, который то повелѣніе привезъ.

7. — Въ половинѣ 3-го часа по полудни отправился изъ Москвы и, при весьма дурной дорогѣ и почти безпрерывной вьюгѣ, переѣхалъ 128 верстъ, остановившись въ Видьменскомъ заводѣ ночевать.

8. — За вьюгою нельзя было ранѣе выѣхать 6-ти часовъ утра. Въ полдень наѣхалъ въ Тулѣ генерала маіора князя Горчакова и 2-ой его Ряжскаго полку баталіонъ, а въ селѣ Сергіевскомъ, что на Пловѣ, нашелъ и первый того полку баталіонъ. Сей день переѣзда было 121 верста.

9. — Изъ Сергіевскаго выѣхалъ въ 4 часа утра и пріѣхалъ въ Орелъ на ночь, переѣхавъ 123 версты.

10. — Даны повелѣнія вицъ-губернатору о доставленіи для войскъ пропитанія въ городѣ Дмитріевскѣ. 1-ый баталіонъ г. генералъ-маіора кн. Горчакова Ряжскаго мушкатерскаго полку прибылъ въ 6-мъ часу по полуночи и, отдохнувъ три часа, отправленъ въ Кромы. Отправленъ курьеръ, фельдъегерь Кабановъ, въ Сѣвскъ къ преосвященному, съ приглашеніемъ его въ Дмитріевскъ. Съ нимъ же писано къ г. губернатору о моемъ пріѣздѣ и о приготовленіи въ Дмитріевскѣ квартиръ и пропитанія для Ряжскаго полку; равномѣрно и г. генералъ-маіоръ Линденеръ ордеромъ увѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ. Въ 9-мъ часу по полудни пришелъ 2-ой баталіонъ Ряжскаго полку, которому приказано далѣе выступить, отдохнувъ 6 часовъ. Къ его императ. величеству послано донесеніе отсель на естафетѣ по утру въ 10 часовъ.

11. — По причинѣ чрезвычайнаго вѣтра и вьюги, выѣхалъ уже по разсвѣтѣ. Въ Кромахъ получилъ извѣстіе, что крестьяне княгини Голицыной генералъ-маіоромъ Линденеромъ, вкупѣ съ Орловскимъ г. губернаторомъ Воейковымъ, покорены. Въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Дмитріевкъ, куда и 2-ой баталіонъ Ряжской въ 10-мъ часу пришелъ. Тутъ извѣстился отъ вышесказанныхъ г. г. Линденера и губернатора, что крестьяне Апраксина еще упорствуютъ. Почему приказано завтра рано полку Ряжскому слѣдовать къ соединенію съ полкомъ Линденеровымъ въ село Радогощь кн. Голицыной. Писалъ къ преосвященному, чтобы онъ уже не ѣздилъ въ Дмитріевскъ.

12. — По утру въ 8 часовъ поѣхалъ въ село Радогощь, гдѣ нашелъ полкъ Линденеровъ и куда въ полдень прибылъ и Ряжскій полкъ. Тотчасъ же по

[1]) Сличи выше стр. 552.
[2]) При дѣлѣ его нѣтъ.
[3]) Тоже.

пріѣздѣ въ Радогощь, послано мое повелѣніе, съ приложеніемъ манифеста его импер. величества, чрезъ засѣдателя нижняго земскаго суда, въ село Апраксина Брасово, приказавъ представить къ себѣ начинщиковъ-злодѣевъ; но, по упорству и неповиновенію крестьянъ, которые въ отвѣтъ велѣли сказать, *чтобъ я самъ къ нимъ пріѣхалъ*, приказалъ я обоимъ полкамъ туда на завтра слѣдовать, давъ обоимъ шефамъ приказъ, который при семъ въ копіи прилагается. *)

13. — Выступили войска повелѣннымъ порядкомъ изъ Радогощи въ 8 часовъ поутру, а прибыли къ селу Брасову въ 12 часовъ съ четвертью. И какъ, не смотря на всѣ увѣщанія, крестьяне, коихъ было болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, не сдавались и не покорялись, то силою начато ихъ покореніе. Сдѣлано во все дѣйствіе 33 выстрѣла пушечныхъ и выпалено 600 патроновъ изъ мелкаго ружья, причемъ сдѣлался пожаръ и сгорѣло 16 домовъ крестьянскихъ. Убито крестьянъ 20, ранено всякихъ ихъ же 70 человѣкъ. Линденерова полку упавшихъ съ лошадьми двухъ гусаръ и тѣхъ лошадей дубинами и цѣпами больно ранили, такожъ и самаго шефа сзади, бывъ онъ по своему усердію между толпы народа, дубиною по спинѣ зашибли. Въ 3-мъ часу пополудни пали, наконецъ, крестьяне на колѣни и стали просить помилованія, покоряясь законной власти. Тогда все прекратилось: пожаръ стали тушить и раненыхъ крестьянъ собирать и перевязывать, начинщиковъ же злодѣянія отыскивать, изъ копхъ самый первый, крестьянинъ Емельянъ Черподыровъ, схваченъ, скрываясь въ погребу. Всѣ преступники, для законнаго изслѣдованія по гражданской части, отданы Орловскому г-ну губернатору. Въ 9 часовъ вечеромъ отправленъ фельдъегеръ Наумовъ со всеподданѣйшимъ донесеніемъ къ его импер. величеству о всемъ бывшемъ. Съ нимъ же писано къ генералъ-прокурору.

*) См. выше стр. 555.

14. — Собраны были крестьяне всей вотчины г. генералъ-лейтенанта Апраксина въ церковь въ селѣ Брасовѣ, гдѣ имъ говорено было пристойное увѣщаніе, съ изображеніемъ всего пространства преступленія, въ которое они впали и *за которое такъ жестоко наказаны;* послѣ чего взята съ нихъ подписка въ непрекословномъ впредь помѣщику повиновеніи. Въ вечеру получено высочайше повелѣніе, отъ 7 числа, о обстоятельномъ донесеніи о всемъ томъ, что, по поводу непослушанія крестьянъ, въ Орловской губерніи происходитъ. Отправленъ естафетъ, чрезъ Орелъ и Москву, въ Литву, съ предписаніемъ о присылкѣ имянныхъ вѣдомостей о отлучныхъ, на основаніи его импер. величества указа, отъ 7-го сего мѣсяца.

15. — Зарыты въ особую яму тѣла убитыхъ 13 числа преступниковъ, яко недостойныхъ быть погребенными съ вѣрными подданными на обыкновенномъ кладбищѣ. Надъ той ямой приказано поставить знакъ, съ надписью: „Здѣсь лежатъ преступники противъ Бога, Государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ, по закону Божію и Государеву". *)

16. — Получилъ рапортъ отъ Малороссійскаго кирасирскаго полка, что 17-го числа оный будетъ въ Дмитріевскѣ, а четыре ескадрона онаго ночуютъ тогожъ числа въ селеніи Упорой; почему и приказано первымъ 6-ти ескадронамъ слѣдовать до села Радогощи, а послѣднимъ 4-мъ прямо на Брасово итти и остановиться въ обѣихъ сихъ вотчинахъ, для дальнѣйшаго удержанія въ нихъ тишины и покорности. Тогожъ числа ѣздилъ г. губернаторъ Воейковъ, въ препровожденіи 2-хъ Линденерова полка ескадроновъ, въ деревню Иваново, для истребленія дома начинщика неповиновенія, крестьянина Емельяна Чернодырова; такоже пойманъ и другой изъ начинщиковъ, Григорій Сухоруковъ, и отданъ сужде-

*) Сравн. выше стр. 558 Любопытно бы знать, какъ долго сохранялась эта надпись и помнятъ ли о ней старожилы.

нію гражданскаго правительства. Отправленъ фельдъегерь Корсаковъ со всеподданѣйшимъ донесеніемъ о всѣхъ подробностяхъ крестьянскаго неповиновенія и вчера писанное, что вѣдомости о отлучныхъ требованы изъ дивизіи.

17. — Выступили полки Ряжскій и Линденерова, взявъ маршъ свой на село Алешенки, гдѣ такожъ начали было крестьяне не повиноваться ихъ помѣщикамъ, Хлющину и Бодискѣ; но, устрашены будучи примѣромъ наказанныхъ апраксинскихъ крестьянъ, повинились и просили еще наканунѣ помилованія. Я самъ въ село Алешенки отправился, выѣхавъ изъ Брасова въ половинѣ 2-го часа по полудни, и прибылъ въ Алешенки въ 6-мъ часу, гдѣ и остановился ночевать; переѣзда же было 40 верстъ.

18. — Поутру учинилъ г. губернаторъ Воейковъ наказаніе оказавшимся начинщиками неповиновенія крестьянамъ помѣщиковъ Бодиски и Хлющина, а потомъ и онымъ всѣмъ крестьянамъ, подобно какъ брасовскимъ, дѣлано было увѣщаніе, и такая же съ нихъ взята подписка. Въ 10-мъ же часу отправился я обратно, чрезъ Брасово и Радогощь, въ городъ Дмитріевскъ; а въ проѣздъ чрезъ тѣ два села видѣлъ полкъ Малороссійскій кирасирскій, въ нихъ расположенный, полки же Линденеровъ и Ряжскій пошли далѣе въ походъ въ ихъ непремѣнныя квартиры. Полученъ естафетъ съ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 9-го февраля объ арестованіи служащихъ офицеровъ, которые безъ письменнаго вида являться станутъ.

19. — Выѣхалъ изъ Дмитріевска по утру въ 7-мъ, а прибылъ въ Орелъ по полудни въ 5-мъ часу, отколь отправленъ тогоже числа куреромъ фельдъегерь Морозовъ съ донесеніемъ къ его импер. велпчеству. Равномѣрно отправленъ естафетъ чрезъ Москву въ Вильну съ предписаніемъ, на основаніи вышесказаннаго высочайшаго повелѣнія отъ 9 сего мѣсяца.

20. — Ожидая разрѣшительныхъ о себѣ высочайшихъ повелѣній, упражнялся отвѣтами на разныя письменныя дѣла, присланныя чрезъ Петербургъ изъ Риги и Литвы и накопившіяся въ большомъ количествѣ. 21-го отправленъ естафетъ съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о королѣ Польскомъ, съ которымъ (эстафетомъ) писано къ графу Александру Андреевичу Безбородку [1]), съ письмомъ дочери Игнатія Потоцкаго; а къ фельдмаршалу графу Салтыкову и государственному казначею посланы отчеты по 1-е Генваря, въ экстраординарной суммѣ.

23. — Поутру получено высочайшее своеручное повелѣніе отъ 18-го сего мѣсяца, съ фельдъегеремъ Наумовымъ, въ слѣдствіе коего тѣмъ же утромъ, и съ нимъ же, посланъ ордеръ и лента г. генералъ-маіору кн. Горчакову, а съ здѣшнимъ губернскимъ куреромъ Смаловскимъ ордеръ къ г. генералъ-маіору Линденеру. Послѣ обѣда отправленъ адъютантъ маіоръ Инзовъ въ Смоленскъ [2]) для заготовленія лошадей, а фельдъегерь Кабановъ съ донесеніемъ къ Государю Императору; съ нимъ же (посланы) два пакета къ г. генералъ-маіору Ростопчину и одинъ къ дѣйств. стат. совѣтнику Трощинскому. Посланъ также ордеръ къ Малороссійскому кирасирскому полку, чтобы онъ, за моимъ отъѣздомъ, болѣе ко мнѣ не относился, а въ случаѣ надобности подавалъ бы помощь, для удержанія общественнаго спокойствія гражданскому правительству, по его требованію [3]). Сей ордеръ, при письмѣ, отданъ подъ открытою печатью, для доставленія, Орловскому г. губернатору.

24. — Послѣ полудня выѣхалъ изъ Орла, а передъ отъѣздомъ полученъ отзывъ отъ генерала отъ инфантеріи кн. Долгорукаго, что онъ, по извѣстіямъ изъ Калужской губерніи, о усиливаю-

[1]) Онъ былъ тогда приставомъ при ех-королѣ Станиславѣ-Августѣ Понятовскомъ, въ Гродно.

[2]) См. выше.

[3]) Извѣстный впослѣдствіи Иванъ Никитичъ.

щихся тамо, въ Медынскомъ уѣздѣ, непослушаніяхъ крестьянъ, отправилъ туда Астраханскаго гранадерскаго полку двѣ роты, съ одной пушкой, и приказалъ онымъ состоять подъ вѣдомствомъ гражданскаго правительства. Равномѣрно и отъ донскаго Ефремова казачьяго полку (полученъ) рапортъ изъ села Сокольникъ [1]), Танбовской губерніи въ Липецкой округѣ лежащаго, что онъ, по данному ему высочайшему повелѣнію, идетъ въ городъ Сѣвскъ и испрашиваетъ дальнѣйшихъ повелѣній, — и притомъ представляетъ о неимѣніи никакихъ на путевое продовольствіе суммъ полку; въ отвѣтъ тотчасъ писано, чтобы онъ шелъ прямѣйшей дорогой на Калугу, а въ казенную палату Орловскую объ отпускѣ ему двухъ тысячъ рублей сообщено, которые тотчасъ квартирмистру того полку, Миллеру, отпущены, и оный немедленно къ полку назадъ отправленъ. А при самомъ уже отъѣздѣ получены отъ Орловскаго губернатора Воейкова и отъ коллеж. совѣтника Казачковскаго рапорты, что всѣ Голицинскіе и Апраксина крестьяне совершенно уже успокоились, производя опять попрежнему всѣ господскія работы. Переѣздъ сего дня былъ до города Болхова, 56 верстъ отъ Орла.

25. — Въ шесть часовъ изъ Болхова выѣхалъ и доѣхавъ до Бѣлева узналъ, что генералъ Линденеръ съ своимъ гусарскомъ полкомъ взялъ маршъ на Козельскъ, чего ради, для нѣкоторыхъ распоряженій, по поводу выше сказаннаго въ Калужской губерніи оказавшагося неповиновенія, туда же отправился (я) и наѣхалъ рѣченный полкъ въ городѣ Козельскѣ, переѣхавъ въ сей день 78 верстъ.

26. — Въ 6-мъ часу утра выѣхалъ изъ Козельска, чрезъ Перемышль до Калуги, куда прибылъ въ 1-мъ часу по полудни, переѣхавъ 62 версты. Тотчасъ по пріѣздѣ, посланъ куреръ къ вицъ-губернатору Митусову, отправившемуся въ Медынскій уѣздъ для приведенія въ повиновеніе крестьянъ разныхъ той округи помѣщиковъ. Полкъ гусарскій Линденера вступилъ въ городъ въ 7-мъ часу, сдѣлавъ одинъ переходъ отъ Козельска до Калуги. Въ 7 часовъ отправленъ естафетъ въ С. Петербургъ съ донесеніемъ Его Императорскому Величества о прибытіи въ Калугу и другими письмами.

27 — Въ ожиданіи отвѣта отъ вицъ-губернатора, занимался отправленіемъ разныхъ бумагъ по части управленія Литовской губерніею и иныхъ и отправилъ курьера въ Смоленскъ, съ предписаніемъ къ адъютанту, маіору Инзову, ѣхать съ посылаемымъ къ г. генералу отъ инфантеріи Философову письмомъ, въ коемъ просилъ о извѣщеніи, что, по поводу безпокойствъ, около Полоцка и Себѣжа происходитъ. [1])

28. — Рано по утру получено извѣстіе отъ г. вицъ-губернатора Митусова о приведеніи въ совершенное повиновеніе всѣхъ ослушныхъ Медынской округи помѣщикамъ крестьянъ, безъ употребленія силы и оружія: въ слѣдъ зачѣмъ и самъ г. вицъ-губернаторъ въ Калугу прибылъ, подтвердя словесно письменное его увѣдомленіе и прибавилъ къ тому, что онъ и роты астраханскія уже отпустилъ. Послѣ чего, тотчасъ на естафетѣ отправлено всеподданнѣйшее Его Импер. Величеству донесеніе о томъ, что въ слѣдующій день отравляюсь въ Смоленскъ.

МАРТЪ.

1. — Поутру рано прибылъ фельдъегерь Брахманъ съ высочайшимъ указомъ отъ 22 февраля, коимъ мнѣ отдается на волю ѣхать къ государю императору, а въ слѣдъ за симъ куреромъ пріѣхалъ фельдъегерь Андреевъ и привезъ именное высочайшее своеручное повелѣніе отъ 24 февраля о томъ, чтобы неустройство, въ Медынскомъ уѣздѣ происшедшее, укротить [2]). Оба сіи

[1]) Сокольскъ бывшій городъ въ 5 вер. отъ Липецка.

[1]) Отвѣтъ Философова см. выше, стр. 561.

[2]) Этого и предыдущихъ указовъ при дѣлѣ не находится.

куръера обращены тотъ же часъ со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, что немедленно въ слѣдъ за ними ѣду, понеже медынскія неповиновенія усмирены. Впцъ-губернатору объявлено, чтобы Шевичевъ ескадронъ отпустилъ и г. генералъ-маіору Линденеру—тоже, и чтобы, глядя по надобностямъ, отъ своего полку оный отмѣтилъ. На вечеръ же того дня выѣхалъ я изъ Калуги и, неостанавливаясь нигдѣ, прибылъ

2. — на вечеръ въ Москву.

3. — Послѣ обѣда выѣхалъ изъ Москвы въ С. Петербургъ".

4-мъ марта 1797 года дѣло объ открывшихся непослушаніяхъ крестьянъ значится, по настольному журналу, оконченнымъ.

*

По характеру подлинныхъ бумагъ, которыми мы пользовались, выходитъ, что въ статьѣ нашей говорится больше объ усмиреніи крестьянскаго движенія при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, чѣмъ о самомъ движеніи. Журналъ князя Репнина также сообщаетъ лишь подробности объ этомъ усмиреніи, о подавленіи движенія, но опять таки не о самомъ движеніи; при томъ же этотъ журналъ нисколько не рисуетъ въ выгодномъ свѣтѣ масона-фельдмаршала: князь Репнинъ самъ сознается въ жестокости наказанія Апраксинскихъ крестьянъ; онъ является лишь карателемъ ослушниковъ, а не правднвымъ судьею, *киразу* не выслушавшимъ обвиняемыхъ, большая часть которыхъ была, безъ всякаго сомнѣнія, ни въ чемъ неповинна; онъ, государственный человѣкъ, князь и фельдмаршалъ, намѣстникъ императора въ обширномъ нерусскомъ краѣ, съумѣвшій заставить уважать себя всѣхъ, начиная отъ Польскаго короля и оканчивая литовскимъ паномъ и остзейскимъ барономъ,—онъ доходитъ, при объясненіи съ крестьянами, до божбы Христовымъ именемъ!. Если не *великій*, то несомнѣнно-величавый, сановитый мужъ умаляется до крайней степени... Положеніе, дѣйствительно, не завидное и несомнѣнно фальшивое; но оно нисколько не зависѣло отъ личныхъ свойствъ князя Репнина: оно объясняется сущностію государственнаго порядка, продолжавшагося до 19-го февраля 1861 года, за который историческій дѣятель не отвѣтственъ. Нельзя не сознаться, что эта роковая, поворотная въ нашей исторіи черта, славная эпоха освобожденія крестьянъ, все еще продолжаетъ слѣпить намъ глаза и, кажется, еще гуще наволакиваетъ непроглядный мракъ на все прошлое; естественно, что такое несвободное отношеніе къ прошлому порождаетъ тотъ раболѣпствующій передъ современностію, но кичащійся духъ, который теряетъ всякую способность безпристрастной оцѣнки по отношенію къ русскому человѣку прежняго времени. Люди, жившіе за чертою 19 февраля, не могутъ быть оцѣниваемы лишь похвальнымъ чувствомъ негодованія ко всѣмъ видамъ произвола; такой судъ будетъ не только несправедливъ, но и ограниченъ въ пониманіи, ибо онъ непремѣнно долженъ будетъ отнять у нихъ то, что всегда принадлежитъ человѣку всѣхъ временъ, и навязывать имъ другое, недоступное ихъ времени. Общественной дѣятельности, пониманія «общественныхъ интересовъ» въ нашемъ смыслѣ слова, нашего народолюбія, нашихъ симпатій и антипатій, нашего романтизма и сентиментальностей,—мы не въ правѣ требовать отъ людей, которые жили другими идеалами и вполнѣ ихъ въ себѣ воплотили; въ этой полнотѣ и законченности, безъ которыхъ немыслима нравственная сила, и заключается привлекательная, поучительная сторона подобныхъ характеровъ. Чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ черты, отдѣляющей старую Россію отъ новой, тѣмъ чаще и тѣмъ цѣльнѣе встрѣчаемъ типъ русскаго человѣка, проникнутаго государственной дѣятельностію, государственными, *всероссійскими* интересами, подобно тому какъ ревниво проникались ими древніе Римляне. Екатерининское время—ихъ живой разсадникъ: отсюда идутъ

люди этого закала и еще они выносятъ на плечахъ своихъ грозныя событія 12-года. Въ слѣдующемъ поколѣніи типъ видоизмѣняется...

Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ, какъ видитъ читатель, ничего особенно-новаго въ себѣ не заключало. Конечно, оно должно было имѣть вліяніе на образъ мыслей его преемника, какъ извѣстно, очень расположеннаго къ освобожденію крестьянъ; но сравнительно съ Пугачевскимъ оно было очень мелко, потому что не могло, или не успѣло соединиться съ элементами, всегда пособлявшими броженію и смутамъ, какъ, наприм. съ расколомъ; потому наконецъ, что элементы броженія вообще начали терять свою терпкость. Почти въ томъ же родѣ, и въ тѣхъ же размѣрахъ, крестьянскія движенія продолжались при двухъ царственныхъ сыновьяхъ императора Павла,—Александрѣ и Николаѣ. Эти движенія, повторяемъ, никогда не имѣвшія характера демократическихъ, антигосударственныхъ бунтовъ, суть не что иное, какъ обычныя, вѣковыя поднятія русской народной волны на безбрежной поверхности русскаго океана. Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, настоитъ крайняя необходимость знать всѣ подробности этихъ движеній: теперь время историческихъ счетовъ и разсчетовъ съ прошлымъ. Всѣ наши крестьянскія движенія идутъ издалека и далекимъ прошлымъ объясняются, но и сами въ свою очередь онѣ объясняютъ тѣ народныя движенія, которыя произошли не отъ одного закрѣпощенія, какъ: казачество, смутное время, самозванщина всѣхъ родовъ, расколъ и проч.

М. Де-Пуле.

С. Петербургъ.
2-го октяб. 1868 г.

ПИСЬМО

КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА КЪ АРХІЕПИСКОПУ ѲЕОФАНУ ПРОКОПОВИЧУ.

(21 декабря 1734 г.)

Въ лѣтніе мѣсяцы 1733 года пріѣхалъ въ С. Петербургъ изъ Англіи „французской націи бывшій пасторъ Михайло Мильярдъ“ и обратился къ преосвященному Ѳеофану съ просьбою присоединить его къ „православной грекороссійскаго исповѣданія закону по содержанію св. восточныя церкви.“— Неизвѣстно, для какихъ цѣлей преосвященный Ѳеофанъ нашелъ необходимымъ доложить о желаніи Мильярда Государынѣ, которая только черезъ годъ вспомнила объ этомъ докладѣ, и словесно, 10 февраля 1734 года, приказала преосвященному, „чтобы св. сунодъ по оному желанію того Мильярда въ законъ православногрекороссійскаго исповѣданія принять приказалъ.“

22 февраля Мильярдъ подалъ просьбу о присоединеніи, изъ которой видно, что, онъ „получивъ откровеніе заблужденій въ церквахъ реформатскихъ, и познавъ церкви православныя истинну, отлучился изъ Англіи, гдѣ по церкви англійской епископальной реформатской магистромъ обрѣтался“. — Въ первыхъ числахъ марта были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія для принятія новаго члена „въ лоно православной церкви,“ а для разглагольствованія съ Мильярдомъ назначены были просвѣщенные того времени монахи: Спаскаго училищнаго монастыря архимандритъ и Славяно-Латинскихъ школъ ректоръ Стефанъ Калиновскій и Кадетскаго корпуса іеромонахъ Лука Конашевичъ. Послѣдній, какъ кажется, исключительно занимался съ Мильярдомъ „разглагольствованіемъ“ о догматахъ вѣры и совершилъ надъ нимъ обрядъ присое-

диненія 9 іюня 1734 года, съ тѣмъ же именемъ. Воспріемникомъ Мильярду былъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, а воспріемницею Агрипина Алексѣевна Мошкова *).

Представляемое читателямъ письмо есть отвѣтъ князя Кантемира, находившагося въ то время посланникомъ въ Англіи, на Высочайшее повелѣніе Императрицы Анны Іоанновны, объявленное ему преосвященнымъ Ѳеофаномъ. Оно интересно какъпотому, что разъясняетъ, хотя до нѣкоторой степени, біографію Мильярда до пріѣзда его въ Россію т. е. до 1733 года, и какъ твореніе знаменитаго нашего сатирика.

Николай Григоровичъ.

Преосвященнѣйшій Владыко.

Къ протчимъ обязательствамъ, которыя я имѣю къ Вашему Преосвященству, не малое Вы изволили присовокупить почтеннымъ письмомъ Вашимъ, отъ 3-го ноября, которое я съ должнымъ респектомъ получилъ въ свое время исправно. Ваше Преосвященство отставить мнѣ изволитъ, что я умедлилъ на оное отвѣтствовать; нужно было прилежно увѣдомиться о томъ, что Ваше Преосвященство, именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, повелѣвать мнѣ изволили, и то столь труднѣе было, что господинъ Мильярдъ такъ архимандриту Генадію, какъ и попу Касану *) за нѣсколько токмо дней передъ своимъ отъѣздомъ знакомъ сталъ. И потому нельзя было провѣдать о его состояніи, не будучи извѣстны особы, съ которыми онъ болѣе сожительство имѣлъ. Напослѣдокъ я провѣдалъ, что: 1-е оный Мильярдъ есть одинъ изъ Французовъ, которые изъ отечества за утѣсненіе въ своей религіи убѣжали, которыхъ обыкновенно называютъ François refugiers; 2-е что по пріѣздѣ его въ Лондонъ назначенъ онъ былъ къ одной здѣшней Парохіи министромъ, получая пропитаніе изъ суммы, назначенной отъ королевы Анны на дачу чужестраннымъ убогимъ протестантамъ; 3-е что директоры суммы оной, учиня ему, какъ многимъ другимъ, обиду въ раздѣленіи надлежащихъ имъ денегъ, сей Мильярдъ писалъ противъ нихъ и въ печать издалъ книжицу, за которую, непріятели его будучи сильнѣе, потерялъ мѣсто и пропитаніе, для чего принужденъ былъ здѣсь хлѣбъ свой доставать уча французскому языку. Что же онъ не претендентовой партіи, то явно изъ изданныхъ отъ него книгъ, которыя дедікованы нынѣшней королевской фамиліи; а какой секты онъ былъ въ здѣшней религіи, того вѣдать не можно; долговъ же никакихъ здѣсь не оставилъ, и пороку на него никто не сказываетъ. Сколько же касается епископъ, которые трактовали о соединеніи вѣры, оные безъ сумнительно суть претендентовой партіи, изъ такихъ, которыхъ здѣсь non jurege называютъ, то есть которые нынѣшнему королю въ вѣрности не присягаютъ, претендента за истиннаго короля почитая. И хотя такимъ умѣренные здѣшніе законы позволяютъ въ тишинѣ жить безъ всякого утѣсненія, однако же ни въ какіе чины такъ гражданскіе, какъ и церковные, употреблены быть не могутъ, и потому и оные епископы никакой епархіи не имѣютъ, и въ парламен-

*) Вѣроятно супруга гофъ-интенданта П. И. Мошкова, о коемъ см. Р. Архивъ 1868, стр. 1861. Она покумилась тутъ съ страшнымъ начальникомъ тайной канцеляріи.

*) Этотъ греческій священникъ Касанъ (или по другимъ извѣстіямъ Варѳоломей Касино), состоя при князѣ Кантемирѣ въ Лондонѣ, обратилъ къ православію нѣсколько человѣкъ Англичанъ.

тѣ, какъ протчіе епископы, не засѣдаютъ, имена же ихъ неизвѣстны; но заподлинно надѣюся, что въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ имена ихъ и представленіе подробну имѣется. Сіе по Вашего Преосвященства приказу пространно отписавъ, смѣлость пріемлю съ моей стороны Вашему Преосвященству донести: что вышепомянутый Мильярдъ, есть ли подлинно желаетъ пріобщенъ быть къ нашей церкви, то оное здѣсь нимало въ противность принято не будетъ, каковой бы онъ партіи не былъ, понеже доброе согласіе между Ея Императорскимъ и Королевскимъ Величествомъ и маловажность человѣка никакого подозрѣнія оставить не могутъ; а есть ли онъ какія о соединеніи церкви представленія чинитъ, то оныя за химерическія почитать должно, потому что здѣсь меньше всего о религіи думаютъ. Въ протчемъ за Вашего Преосвященства къ нему Мильярду показанную милость покорно благодарствую, и испрося Вашего благословенія съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, Вашего Преосвященства, всепокорнѣйшій и всепослушной слуга и сынъ

к. Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Лондона.
21-го декабря 1734 года.

ПРИГЛАШЕНІЕ Ж. Ж. РУССО ГРАФОМЪ ОРЛОВЫМЪ ВЪ РОССІЮ.

Въ „Анекдотахъ о Россіи“ Ричардсона, заключающихъ въ себѣ письма изъ Россіи, относящіяся къ началу царствованія Екатерины II, и переведенныхъ съ англійскаго на разные языки, мы находимъ текстъ письма гр. Орлова къ Ж. Ж. Руссо, съ предложеніемъ послѣднему переселиться въ Россію, и отвѣтъ Руссо. Въ голландскомъ переводѣ писемъ Ричардсона, который мы имѣли подъ руками, эта переписка приведена также, во французскомъ подлинникѣ (часть II, стр. 135—137), съ котораго мы и приводимъ здѣсь дословный переводъ. Ричардсонъ даже не упоминаетъ, которымъ изъ пяти братьевъ Орловыхъ было написано это письмо, и это одно уже заставляетъ предполагать, что дѣло идетъ о Григоріѣ, бывшемъ въ то время, когда писано письмо (декабрь 1766 г.) болѣе чѣмъ когда нибудь въ силѣ. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ еще и то, что подобное письмо и къ такому человѣку какъ Ж. Ж. Руссо могло быть написано только человѣкомъ близкимъ къ императрицѣ, и даже, безъ сомнѣнія, не безъ вліянія ея. Вспомнимъ отношенія Екатерины II къ Дидро, Даламберу, Вольтеру. Это приглашеніе въ Россію Руссо, въ то время бѣжавшаго изъ Франціи въ Англію, къ герцогу Ричмондскому, служитъ дополненіемъ къ тому что мы знаемъ о покровительствѣ, которое Екатерина II-я, въ началѣ своего царствованія, явно оказывала энциклопедистамъ и писателямъ-реформаторамъ, столько же можетъ быть изъ истиннаго сочувствія генію и знанію, сколько изъ желанія нанесть рядъ ударовъ самолюбію гнавшаго ихъ французскаго правительства. (Слич. *Осьмнадцатый вѣкъ* изд. Бартеневымъ, книга I, статью „Дидро“). Григорій Орловъ, человѣкъ безспорно не безъ дарованій (котораго, какъ и Потемкина, Екатерина II считала геніемъ) страстный поклонникъ физики и вообще опытныхъ наукъ, годился какъ нельзя болѣе для того, чтобы явиться посредникомъ въ этихъ переговорахъ, если мысль дать убѣжище въ Россіи славному философу дѣйствительно принадлежала Екатеринѣ.

В. Андреевъ.

Письмо графа Г. Г. Орлова.

Декабрь 1766.

Милостивый государь, вы не удивитесь, что я пишу къ вамъ, зная, что люди наклонны къ странностямъ. У васъ есть свои, у меня мои: это въ порядкѣ

вещей; пусть одною изъ такихъ странностей будетъ и причина, побудившая меня писать къ вамъ. Я вижу васъ давно странствующимъ изъ одного мѣста въ другое. Чрезъ газеты (par les voies publiques) я знаю и о причинахъ этого; или, можетъ быть, я плохо знаю; можетъ быть, причины извѣстныя мнѣ невѣрны. Я думаю, что вы теперь въ Англіи у герцога Ричмондскаго и полагаю, что у него вамъ хорошо. Тѣмъ не менѣе мнѣ вздумалось (il m'a pris fantaisie) сказать вамъ, что въ 60 верстахъ отъ Петербурга, т. е. въ 10 нѣмецкихъ миляхъ, у меня есть помѣстье, гдѣ воздухъ здоровъ, вода удивительна, пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки пріятные для прогулокъ и возбуждающіе къ мечтательности. Мѣстные жители не понимаютъ ни по англійски, ни по французски, еще менѣе по гречески и латыни. Священникъ не знаетъ ни диспутировать, ни проповѣдывать, а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе, добродушно думаетъ, что сдѣлано все. И такъ, милостивый государь, если такой уголокъ вамъ по вкусу—отъ васъ зависитъ поселиться въ немъ. Все нужное будетъ къ вашимъ услугамъ, если вы пожелаете. Если нѣтъ, располагайте охотою и рыбною ловлею. Если вы пожелаете общества, чтобы разсѣять скуку, и оно будетъ. Но вообще, и прежде всего, вы ни въ чемъ не будете имѣть ни малѣйшаго стѣсненія, не будете ни чѣмъ никому обязаны. Сверхъ того, если вы пожелаете, всякая огласка о вашемъ пребываніи будетъ устранена. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ не дурно было бы, по моему мнѣнію, совершить переѣздъ моремъ, если вы въ состояніи вынесть его; тѣмъ болѣе что и отъ любопытныхъ вамъ будетъ больше покоя, если вы изберете этотъ путь, чѣмъ на сушѣ.

Вотъ, милостивый государь, что̀ я счелъ себя въ правѣ предложить вамъ изъ признательности за почерпнутое мною въ вашихъ книгахъ, хотя онѣ были писаны и не для меня. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ (avec beaucoup de respect) и пр.

Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо.

23 февраля (1767), Хаттонъ.

Вы говорите о вашихъ странностяхъ, графъ. Оно пожалуй и дѣйствительно странность—благотворить такъ издалека и человѣку, котораго совершенно не знаешь. Ваше любезное приглашеніе, тонъ, коимъ вы дѣлаете его, и описаніе убѣжища, которое вы мнѣ предназначаете, безъ сомнѣнія заставили бы меня принять его, если бы я не былъ такъ слабъ, былъ болѣе подвиженъ, помоложе, и если бы вы были поближе къ солнцу. Сверхъ того я боюсь, чтобы при личномъ свиданіи съ тѣмъ, кому вы оказываете честь своимъ приглашеніемъ, вы не раскаялись. Вы воображаете увидѣть литератора, мастера говорить, который бы блескомъ таланта и словъ заплатилъ вамъ за ваше великодушное гостепріимство, и увидали бы предъ собою человѣка очень простаго, котораго личныя наклонности и страданія сдѣлали отшельникомъ, все удовольствіе котораго состоитъ въ сборѣ растеній съ утра до вечера и который въ этомъ сообществѣ съ растеніями находитъ столь сладкій сердцу его покой, въ которомъ отказали ему люди. Стало быть, милостивый государь, я не думаю поселиться въ вашемъ домѣ, но всегда съ признательностью буду вспоминать, что вы мнѣ предлагали его и иногда посѣтую, что я не въ немъ, чтобы заслужить расположеніе и дружбу хозяина. Примите, графъ, прошу васъ, мою самую искреннюю благодарность и мой нижайшій поклонъ.

ОБРАЗЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ ЭПОХУ ПАДЕНІЯ.

Въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской Публичной Библіотеки, сродь богатомъ матеріалами для исторіи Западнаго края, намъ встрѣтилось, въ одномъ польскомъ литературномъ сборникѣ, нѣсколько сатирическихъ произведеній, относящихся къ концу прошлаго столѣтія, именно

ко времени Тарговицкой Конфедераціи (1792—1793). Конфедерація эта, какъ извѣстно, была составлена подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, и имѣла своею задачею отмѣнить всѣ реформы, произведенныя въ Польшѣ Конституціей 3 мая 1791 года. Слѣдующая сатира, облеченная въ форму отвѣтовъ на три загадки, направлена противъ короля Станислава Понятовскаго и трехъ главныхъ вождей Тарговицкой конфедераціи: Щенснаго (Феликса) Потоцкаго, Бранницкаго и Ржевускаго.

1, Co iest zgubą Polskiey?
Że Stanislaw na tronie, Szczęsny możnym Panem,
Branicki wielkim, a Rzewuski polnym hetmanem.

2, Coby mogło poprawić los Polskiey?
Malachowski na tronie, Kosciuszko z buławą
Umieliby utrzymac rząd wolny ze sławą.

3, A pierwszych gdzie podziec?
Stanislswa dać na teatr Boguslawskiemu,
W domie szalonych dać mieyscie Szczęsnemu,
Braniekiego osadzić w porządney piwnicy,
Rzewuskiego tam poslać, gdzie są alchimicy.

То есть:

1. Что губитъ Польшу?
То, что Станиславъ на тронѣ, Щенсный мощнымъ паномъ,
Браницкій великимъ, а Ржевускій польнымъ гетманомъ.

2. Что могло бы поправить дѣло Польши?
Малаховскій на тронѣ, Костюшко съ булавой
Съумѣли бы поддержать республику со славой.

3. А куда дѣвать первыхъ?
Станислава отдать въ театръ Богуславскаго,
Щенснаго пристроить въ домѣ умалишенныхъ,
Браницкаго посадить въ хорошій погребокъ,
А Ржевускаго отослать къ алхимикамъ.

Далѣе находимъ сатиры, направленныя уже прямо противъ Русской императрицы. Онѣ изложены въ формѣ пародій на Молитву Господню, Символъ Вѣры и Десять Заповѣдей. Насъ Русскихъ, въ настоящее время, не могутъ смутить ядовитые укоры, заключенные въ подобнаго рода произведеніяхъ. Эти постоянныя попытки сложить на сосѣдей отвѣтственность за собственные грѣхи могутъ вызвать съ нашей стороны только улыбку сожалѣнія. Приводимъ эти памятники тогдашней летучей словесности, чтобы показать, къ какимъ жалкимъ средствамъ прибѣгала Польская, такъ называемая, патріотическая партія. Но какъ кощунство упомянутыхъ пародій дѣлаетъ ихъ неудобными для русской печати, то мы ограничиваемся сообщеніемъ ихъ въ подлинникѣ.

Pacierz.

Carowa, któraś iest w Peterburgu, swięć się Imię, przydź stotysięczne woysko twoie, bądz wola twoia, iak w Moskwie, tak i w Polszcze, assygnacye y ruble powszednie day nam dzisiay i pozwol się wzbogacić y ponoszyć, iako y my pozwalamy, y nie wodz nas do Rządu regularnego, ale nas zbaw od Konstytucyi 3-go Maia y od wszystkich iey dobrych ustaw. Amen.

Sklad konssyliarski.

Wierzę w Carową wszechmogącą, stworzycielką dawnych intryk w Polszcze, związku Targowickiego, protektorkę w wierzę; y w Szczęsnego Marszałka, przez się obranego, który się poczoł z Ducha Moskiewskiego, narodził się z pysznych aniołow, wszystko zamieszał, obywatelow wycięczył, siebie uszczęsliwił, y nic dobrego nie zrobił; wierzę w Ducha, dla generalnosci z Peterburga przydanego, y generałow Moskiewskich,—a to werze przez gwałty, uciski y obcowania, Rządu, spokoynosci wywrocenia, ludu wyprowadzenie, obywatelow spodlenie, głodu naprowadzenie y zatracenie wzięłosci w Europie. Amen.

Dziesięć przykazań.

Iam iest Carowa, która was z porządku y Rządu wywiodła. 1. Nie będziesz miał cudze potencye przede mną. 2. Nie będziesz brał nikogo w alians, ani odrzucisz gwarancyi nade mną. 3. Pamiętay, abyś Konstytucyą 1768 y 1775 roku zachował. 4. Czci

brata Moskiewskiego. 5. Nie zabiiay, nie sądz zdraycow narodu. 6. Kradni skarb w zdradzonych Magistraturach. 8. Nie mów nic przeciwko Moskalom na seymie. 9. Pożąday żony obywatelskiey inne. 10. Ani wołu, ani koni nie zoszczędzay, ani żadney rzeczy, które są polskie; będsiesz miłował Carową Panią swoią ze wszystkiego serca twoiego, ze wszystkiey duszy twoiey, a zołnierza Moskiewskiego iako siebie samego. Amen.

Къ томуже разряду политическихъ сатиръ относится слѣдующее заявленіе:

Afisz komedyi nowey za beneficium Szczęsnego Potockiego na teatrze kraiowym za pozwoleniem Nayiasnieyszey konfederacyi Targowickiey oboyga narodow anterprysa.

Pruska, Moskiewska y Cesarska będą mieli honor w przyszłą wstępną strzodę dać reprezentacyą komedyi we trzech aktach oryginalney, przez Nayiasnieyszego Fryderyka II-go ułozoney, a w Polszcze od roku 1775 nie widzianey, pod tytułem: Rozbior kraiu. Akt pierwszy poprzedzać będzie tryo prsez I. WW. Konssyliarzow spiewane: Wolność, rowność y niepodległość. Przed aktem drugim będzie duett spiewane przez tychże: Niezgoda y zdrada. Przed 3-cim zaś aktem będzie balet wielki pod tytułem „Szkoła waryatow“, w którym J. M. P. Sucharzewski sołο tancować będzie. Teatr illuminowany będzie, przy biciu z armat, miasta y wioski palić się będą. Antre gratis,—gdyż fundusz na tę komedyą ïest z maiątkow obywatelskich.

То есть:

„Афиша новой комедіи, имѣющей быть представленною въ бенефисъ Щенснаго Потоцкаго на мѣстномъ театрѣ, съ дозволенія наияснѣйшей Тарговицкой конфедараціи обоихъ народовъ (т. е. Польши и Литвы).

Пруссія, Москва и Цезарь (Австрійскій) будутъ имѣть честь въ будущую первую среду великаго поста давать представленіе оригинальной комедіи въ трехъ актахъ, сочиненной наияснѣйшимъ Фридрихомъ II и невиданной въ Польшѣ съ 1775 года, подъ заглавіемъ: Раздѣлъ края. Передъ первымъ актомъ будетъ пропѣто ясновельможными совѣтниками (Конфедераціи) тріо: „Свобода, равенство и независимость“. Передъ вторымъ актомъ они же споютъ дуэтъ: „Раздоръ и измѣна“. Передъ третьимъ актомъ будетъ большой балетъ подъ названіемъ „Школа сумасшедшихъ“, въ которомъ его милость панъ Сухаржевскій будетъ танцовать соло. Театръ будетъ иллюминованъ, при громѣ пушекъ, горящими городами и селами. Входъ даровой, потому что комедія дается на счетъ обывателей.“

Эта афиша подтверждаетъ еще разъ, что въ XVIII вѣкѣ Поляки очень хорошо знали, кто изъ сосѣдей былъ главнымъ авторомъ Польскихъ раздѣловъ.

Д. Иловайскій.

ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ ГРАФУ С. П. РУМЯНЦЕВУ.

Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся у Николая Адріановича Дивова). Какъ извѣстно, Карамзинъ не любилъ сближаться съ вельможами Александровскаго двора, посреди котораго пришлось ему провести послѣдніе годы жизни. Исключеніе въ этомъ составляли графы Румянцевы, канцлеръ Николай Петровичъ (съ которымъ могла соединять Карамзина общая любовь къ Русской исторіи) и младшій братъ его Сергѣй Петровичъ (1755—1838), человѣкъ отлично образованный. Карамзинъ писалъ о нихъ между прочимъ къ И. И. Дмитріеву 7 сент. 1822 г.: „Люблю ихъ душевно: это остатки стараго, лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего пінтическаго, ни историческаго. Кто изъ нихъ могъ бы запѣть: O Richard, o mon Roi? Нѣтъ ни чувства, ни голоса“. Въ другомъ письмѣ: „Гр. Сергѣй Петровичъ часто видался съ нами; ѣздилъ и ко двору: обѣдалъ, былъ въ спектаклѣ у императрицы, однакожь не доволенъ. Любезенъ и оригиналенъ“. „Онъ, дѣйствительно менѣе другихъ старѣется увы! и еще тоскуетъ о государственной дѣятельности, о дворѣ, тайно, про себя! О бѣдное сердце человѣческое! И въ старости мы еще худо себя знаемъ!“ (Письма Карамз. къ Дм. стр. 264, 329 и 336). Мы надѣемся сообщить читателямъ Р. Архива болѣе подробныя свѣдѣнія о гр. С. П. Румянцовѣ и обширныя выдержки изъ его бумагъ, приведенныхъ въ порядокъ и тщательно сбереженныхъ Н. А. Дивовымъ. *П. Б.*

I.

Милостивый Государь графъ Сергѣй Петровичъ! Вы были такъ милостивы ко мнѣ въ Петербургѣ [1]), такъ любезно воспоминаете объ исторіографѣ въ вашемъ письмѣ къ Алексѣю Ѳедоровичу [2]), что не могу умолчать о моей искреннѣйшей благодарности. Чѣмъ болѣе узнаю ваше сіятельство, тѣмъ болѣе люблю; не говорю о почтеніи: кто васъ не почитаетъ? Развѣ какой нибудь Гуронъ или Готтентотъ Русской. Но кто истинно *любитъ*, тотъ уже выходитъ изъ толпы и бываетъ на просторѣ. И такъ могу низко кланяться вашему сіятельству, не боясь задѣть головою ни Петра ни Ивана. Въ моемъ къ вамъ чувствѣ есть даже нѣкоторое великодушіе (извините похвальбу): вы опасаетесь, чтобы я, переѣхавъ въ резиденцію, не сдѣлался *инымъ* человѣкомъ: это не обидно ли для гордости исторіографа? Однакожь улыбаюсь и не сержусь. Шутку въ сторону: люди такъ слабы и такъ много зависятъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, что опасеніе ваше можетъ быть справедливо. Май приближается: снащу корабль свой; смотрю на море издали, а на пристань вблизи, и... жалѣю о мирной Москвѣ, гдѣ мнѣ оставалось бы только напечатать свою исторію и умереть! Но эта исторія требуетъ отъ меня послѣдней жертвы: въ Петербургѣ болѣе способовъ для ея совершеннѣйшаго, по возможности, изданія. Все *другое* зависитъ не отъ меня: не надобно ни ломать головы, ни волновать сердца. Постараемся быть тихими среди шумныхъ движеній безпокойнаго самолюбія, тщеславія etc. etc. Вы знаете мою философію: Провидѣніе! Провидѣніе! Все будетъ, какъ Ему угодно.—Жена моя, участвуя во всѣхъ моихъ душевныхъ привязанностяхъ, и собственнымъ чувствомъ оправдывая ихъ, свидѣтельствуетъ вамъ искреннее почтеніе. Простите недѣль на пять, не болѣе, какъ надѣюсь. Съ попутнымъ майскимъ вѣтромъ можете увидать бѣлый парусъ корабля моего близь Аничкова мосту. Между тѣмъ будьте здоровы, веселы и любите по старому преданнаго вашему сіятельству покорнѣйшаго слугу *Николая Карамзина*.

Москва, 14 апрѣля
1816.

II.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за любезныя строки. Печальное извѣстіе, полученное нами о смерти добраго старца, князя Оболенскаго, нашего ближняго, замедлило отвѣтъ *сельскаго будто бы Конфутзея* [3]). Надѣюсь, что *Брюсъ* уже вамъ доставленъ: такъ-ли? — Очень хотѣлось бы знать, долго ли пробудете въ Петербургѣ, и ждете ли графа Николая Петровича. Я на колѣняхъ буду просить у него *Московской лѣтописи Байера*, современника Лжедимитріевъ: знаете ли ее? — Здѣшнее наше житье началось блестящимъ образомъ. Августѣйшій Хозяинъ тотчасъ посѣтилъ насъ и пробылъ съ нами часа два; а на другой день мы у Него обѣдали почти безъ гостей. Но теперь живемъ уединенно. Можемъ ли надѣяться, что вы заглянете въ Китай?

[1]) Карамзинъ только что возвратился передъ тѣмъ въ Москву изъ Петербурга, куда ѣздилъ представить свою Исторію императору Александру и устроить печатаніе оной. Теперь онъ собирался въ Петербургъ уже на жительство.

[2]) Малиновскому.

[3]) Здѣсь и ниже намеки на то, что Карамзинъ жилъ въ Царскомъ Селѣ въ одномъ изъ китайскихъ домиковъ.

Если не найдете въ немъ Конфутзея, то найдете людей душевно вамъ преданныхъ; мудрость рѣдка, но и дружба искренняя не бѣгаетъ по улицамъ. Будьте здоровы, спокойны и жалуйте всегда вашихъ Карамзиныхъ.

Царское Село.
24 мая 1822.

У насъ страшная засуха: міръ растительный гибнетъ.

III.

Царское Село, 31 мая 1822.

Русскіе Китайцы сердечно благодарятъ ваше сіятельство за любезное письмо, но почти сердиты на васъ за то, что вы никакъ не хотите заглянуть къ нимъ въ мирную пустыню.

Спѣшу исполнить порученіе Императрицы Елизаветы Алексѣевны: она доставила вамъ *Брюса*, но не читала его, и проситъ этой любопытной книги, на нѣсколько дней, у графа Николая Петровича, по скромности не обращаясь съ просьбою къ вамъ.

Сдѣлайте милость, дайте намъ знать, когда пріѣдетъ графъ Николай Петровичъ.

Царь благополучно возвратился въ 5 часовъ вечера.

Полночь вырываетъ у меня перо изъ рукъ. Будьте здоровы и всегда милостивы къ вашимъ *Карамзинымъ*.

IV.

Царское Село, 20 іюня 1822.

И такъ вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ, поѣдете мимо Царскаго Села, и не заглянете къ намъ? Если не увижу васъ до отъѣзда изъ Петербурга, то пожалѣю сердечно. Мнѣ хотѣлось бы всегда жить съ вами въ одномъ мѣстѣ: не много людей, которымъ могу это сказать по совѣсти.

Брюсъ отданъ Императрицѣ, которая сама возвратитъ его графу Николаю Петровичу.

На сихъ дняхъ третій сынъ нашъ упалъ съ окна и разрѣзалъ себѣ лобъ до самаго черепа: это насъ испугало и огорчило. Бѣдный на всю жизнь останется съ рубцомъ.

Не ѣздите изъ Петербурга въ такой жаръ и въ такую пыль. Авось небо ороситъ жадную землю. Между тѣмъ освѣжаемъ себѣ душу чтеніемъ романовъ Вальтеръ-Скота, разумѣется, по вечерамъ.

Будьте здоровы тѣломъ и веселы духомъ.

Столько васъ почитая и любя, надѣемся, мужъ и жена, что вы не перемѣнитесь въ добромъ къ намъ расположеніи, пока мы живы; а на томъ свѣтѣ, что̀ Богъ дастъ.

Скажу и по-Римски: vale! На вѣки преданный вамъ *Н. Карамзинъ*.

V.

Царское Село, 26 сентября 1822.

Сердечно благодаримъ васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, за ваше доброе воспоминаніе, за письмо столь любезное, которое мы читали и перечитывали всѣмъ семействомъ. Намъ пріятно увѣрять васъ въ томъ, что̀ мы чувствуемъ живо: въ нашей душевной къ вамъ привязанности и въ благодарности за ваше милостивое къ намъ расположеніе. Какъ намъ памятны часы, проведенные съ вами въ нашемъ городскомъ уединеніи! Грустимъ, что вы не взлюбили Петербурга, гдѣ право многіе знаютъ вамъ цѣну. Пока мы живы, хорошо жить съ добрыми пріятелями, бесѣдовать отъ души, иногда и поспорить, отъ 7 часовъ вечера до 10 или 11. Свѣтской суетности уже въ насъ мало, но любви къ любезнымъ людямъ еще

довольно. Хотимъ надѣяться, что вы еще заглянете къ намъ зимою, по крайней мѣрѣ около февраля, вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Петровичемъ: не правда ли, что это дѣло возможное? Тогда скажу вамъ нѣчто любопытное, о чемъ не пишутъ. А между тѣмъ скажу вамъ, что Государь бралъ съ собою мои тетради о царствованіи Ѳеодора и возвратилъ ихъ мнѣ съ дороги при милостивомъ письмѣ, сдѣлавъ три или четыре замѣчанія и дозволяя печатать 10-ый томъ. Теперь пишу о гоненіи Романовыхъ; а Самозванецъ стоитъ у дверей. Предметъ любопытенъ: лишь бы удалось описать хорошенько. А вы что дѣлаете? Сочиняете ли новые планы для поэмъ и романовъ, которые не уступили бы въ занимательности Вальтеръ-Скотовымъ? Грѣхъ не работать воображеніемъ плодотворнымъ, а вы его имѣете. Или угадываете слѣдствіе Веронскаго Конгресса? Греки было умерли, но опять воскресаютъ по газетамъ: авось Богъ, вопреки *Австрійскому Наблюдателю,* поставитъ ихъ на ноги, чтобы растоптать Куршида и еще двухъ или трехъ пашей! — Мы еще въ Царскомъ Селѣ и горюемъ съ увядающею природою, которая и здѣсь все еще природа: дѣйствуетъ на воображеніе и сердце. Думаемъ переселиться въ городъ около 20 октября. Императрица Е. А. хочетъ также пробыть здѣсь до половины октября, а М. Ѳ. въ Гатчинѣ. Убѣдительно просимъ васъ не забывать преданныхъ вамъ *Карамзиныхъ.*

П. П. Всякая ваша строка будетъ для насъ знакомъ вашего истиннаго къ намъ благорасположенія.

Напомните объ насъ почтеннѣйшему графу Николаю Петровичу: молимъ Бога объ его здоровьи и надѣемся, что онъ обрадуетъ насъ своимъ пріѣздомъ въ теченіе зимы.

ПРИПИСКА Е. А. КАРАМЗИНОЙ.

Je vous remercie aussi beaucoup, Monsieur le Comte, pour votre aimable lettre qui nous a fait tant de plaisir, je vous remercie aussi pour le souvenir qui s'y trouve pour moi. Vous ne pouvez douter que toute marque de votre amitié ne soit précieuse à des personnes qui vous sont autant attachées que le couple Karamzin. Les charmantes soirées passées dans votre douce société sont toujours le sujet de nos regrets et de nos esperances pour l'avenir: ne les trompez pas, Monsieur le Comte; arrivez passer l'hiver avec nous; vous aurez assez joui de la solitude, il ne faut pas être trop égoiste.

Veuillez me rappeler au souvenir de votre aimable et respectable frère, Monsieur le Chancelier; dites lui que je conserve toujours la mémoire de ses bontés pour moi. Bien des amitiés à M-lle Catherine; mes filles se joignent à moi pour les lui faire.

VI.

С. Петербургъ, 7 генваря 1823.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за письмо столь для насъ любезное, тѣмъ болѣе, что вы обѣщаете намъ заглянуть въ Петербургъ, гдѣ если и нѣтъ *цвѣтовъ,* то есть плоды, не смотря на морозы, и плоды, за которые не *берутъ деньгами.* Боюсь продолжать аллегорію, зная, что вы не весьма любите *оріентализмы;* иначе сказалъ бы, что наша искренняя любовь къ вамъ, будучи *плодомъ* вашихъ достоинствъ и добраго къ намъ расположенія, хотя и принадлежитъ почти къ золотому вѣку, но не цѣнится драгоцѣнными металлами, и проч. Это шутка, похожая на дѣло. Но хотѣлось бы опять обратиться къ аллегоріи: *терніе,* ожидающее васъ въ Петербургѣ, лишится своей колкости, если.... надѣнете перчатку! Это говоритъ вамъ человѣкъ *не на розахъ безъ терній:* и меня колятъ, а я еще не въ крови, по ми-

лости Божіей, перчатокъ или латъ. Впрочемъ не смѣю хвалиться; но буду васъ хвалить, когда пріѣдете къ намъ смѣяться въ нашемъ кругу семейственномъ. Право, все не такъ печально. Свѣтъ и жизнь имѣютъ условіе, conditio sine qua non: философъ (а не мистикъ!) принимаетъ его, по необходимости, и плачетъ менѣе другихъ. Вы философъ, а я не мистикъ: подадимъ руку другъ другу, на Перспективѣ или на Фонтанкѣ, и засмѣемся отъ добраго сердца. Только пріѣзжайте же, пока мы живы, или здѣсь. Увы! насъ, можетъ быть, скоро выгонятъ изъ дому: сынъ хозяйки нашей [4]) женится на графинѣ Чернышевой; для молодыхъ понадобятся комнаты, и намъ придется искать другой квартиры! Это уменшитъ для насъ пріятность жизни Петербургской: я такъ лѣнивъ и неспособенъ къ исканію, даже и квартиры. А что скажете о Конгрессѣ? Мы ничего не знаемъ; говорятъ только, что новаго не будетъ, по крайней мѣрѣ долго. А что скажете ... но не хочу всего писать; оставляю до свиданія. И такъ простите до свиданія, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ. Благодарю нашего Канцлера особеннымъ письмомъ за милостивое воспоминаніе. Мужъ, жена, дѣти Карамзины поручаютъ себя вашей неизмѣнной благосклонности и на вѣки *ваши Карамзины.*

VII.

Царское Село, 20 мая 1823.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за любезнѣйшія строки, гораздо болѣе, нежели за возвращеніе письма, за которое однакожь также благодаримъ. Радуемся, что почтеннѣйшій нашъ Канцлеръ благополучно совершаетъ путь свой, и ждемъ теперь дальнѣйшихъ вѣстей объ немъ изъ Москвы, отъ двухъ нашихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ одинъ, князь Вяземскій, уже видѣлъ его въ Итальянской оперѣ. Графъ Николай Петровичъ доѣдетъ до Кавказа, а вы не доѣдете и до Царскаго Села, гдѣ если не воды, то воздухъ цѣлителенъ! Право, и безъ шутки, можемъ звать васъ въ нашъ Китай, гдѣ теперь все цвѣтетъ и благоухаетъ. Что дѣлаете въ городѣ? Здѣсь нѣтъ даже и пыли: смотримъ на все чистыми глазами и ничѣмъ не ослѣпляемся. Не могу только похвалиться успѣхомъ своей исторической работы: не лечу, а ползу къ потомству, взглядывая съ ласкою и на современниковъ, даже и на угрюмыхъ. Во всемъ пріятномъ есть непріятность: авторъ недешево покупаетъ свои удовольствія. Муза Исторіи, какъ женщина, прихотлива и своенравна: часто не лажу съ нею. Все наше семейство громко воскликнуло бы отъ радости, если бы васъ здѣсь увидѣло. Что на это скажете? По крайней мѣрѣ такъ мы чувствуемъ, всѣ преданные вамъ *Карамзины.*

VIII.

Приношу искреннѣйшую благодарность вопервыхъ нашему знаменитому Канцлеру, а вовторыхъ и вашему сіятельству, какъ посреднику его милостиваго обо мнѣ воспоминанія. Экзарха [5]) я также получилъ и съ такою же благодарностію.

А теперь изъявляю вамъ сердечную признательность за любезнѣйшее пись-

[4]) Никита Михайловичъ Муравьевъ на гр. Александрѣ Григорьевнѣ Чернышевой.

[5]) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, изслѣдованіе Калайдовича, изданное гр. Н. П. Румянцевымъ.

мо. Въ старину я любилъ осеннюю сельскую природу; нынѣ же только не боюсь ея, и смѣло попираю ногами желтые листья на дорожкахъ Царскосельскаго сада. Мы здѣсь не при Дворѣ, а въ глубокомъ уединеніи; третьяго дни заглянули въ Гатчину, но въ первый разъ, и возвратились ночевать домой. Тамъ Дворъ, и блестящій; а здѣсь тишина и философія не модная. Живемъ въ Царскомъ Селѣ долго по привычкѣ дѣлить годъ на двѣ половины; впрочемъ и желаемъ дождаться здѣсь Царя, котораго любимъ: онъ нашъ хозяинъ, и столь привѣтливый, что хочется остаться именно для него дней десять лишнихъ.

Съ такою же искренностью скажу, что помышляемъ о городѣ съ пріятностію, воображая тамъ васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ! Дозволяю себѣ не сомнѣваться въ постоянствѣ вашей дружеской къ намъ милости, которая отвѣтствуетъ нашей сердечной къ вамъ привязанности. Увидимся и побесѣдуемъ, если Богъ дастъ. Мы почти совершенно здоровы. Всѣ мои свидѣтельствуютъ вамъ свое душевное почтеніе, и вмѣстѣ со мною усердно кланяются вашимъ. Будьте здоровы тѣломъ и веселы духомъ. На вѣки преданный вамъ *Н. Карамзинъ*.

Царское Село. 7 октября 1824.

IX.

Сердечно благодаримъ васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ! Намъ грустно было, что вы не заѣхали въ Царское Село, и я готовился писать вамъ упреки: вы предупредили меня, отъ того, что я все ждалъ лучшаго внутренняго расположенія, или лучшаго здоровья, чтобы взяться за перо. Съ самой весны таю и худѣю, однакожъ не отъ придворной болѣзни, какъ вы знаете, думаю. Напротивъ, мнѣ надлежало бы жирѣть отъ Царскихъ милостей! Я почти не ѣздилъ и въ Павловское, и бѣдная моя Исторія не двигалась впередъ: въ $3\frac{1}{2}$ мѣсяца едвали написалъ 30 страницъ. Сперва считалъ я свою болѣзнь геморроидальною, а теперь не знаю. Впрочемъ все одно: не лечусь, вѣря Богу и природѣ. Жена моя стоитъ въ томъ, что надобно куда нибудь ѣхать, трястись вькаретѣ или шататься на кораблѣ; но глубокая осень передъ нами, а до весны еще далеко: много воды утечетъ. Иванъ Ивановичъ Дм. не можетъ надивиться вашей неизмѣнной любезности и живости: слѣдственно, вопреки *мостовой*, вы еще не стары. Недавно я былъ въ перепискѣ съ Сестренцевичемъ; ему 93 года, а какъ онъ молодъ еще твердою рукою и авторскимъ самолюбіемъ! Живите столько же лѣтъ, и въ половинѣ текущаго вѣка издайте свои остроумныя Басни [6]) съ веселымъ предисловіемъ, въ которомъ упомяните слегка о покойникѣ Исторіографѣ, какъ бывшемъ добромъ знакомцѣ вашей Музы!

Вы ласково зовете насъ въ городъ: надѣюсь еще до нашего переѣзда быть у васъ и у графа Николая Петровича, которому просимъ изъявить мое и жены моей душевное высокопочитаніе. Жду только, чтобы мнѣ рѣшительно стало получше. Между тѣмъ

---

[6]) Тетрадь этихъ басенъ сохранилась. Басню свою „Китайскій Исторіографъ“ (въ которой говорится, что исторіографъ обуздываетъ богдыхана угрозою занести въ свою лѣтопись его дѣянія) гр. Серг. Петровичъ оканчиваетъ такъ:

Ахъ! Если, Карамзинъ въ исторьи ты своей
Тирановъ пострамишь, безчестившихъ порфиру:
Втораго Тацита явишь тогда ты міру,
И будешь тѣмъ прямой наставникъ впредь царей.

всѣмъ семействомъ кланяемся вамъ до земли. Будьте здоровы, спокойны и милостивы къ преданному вамъ *Н. Карамзину*.

Царское Село,
3-го сентября 1825.

ДВА ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ В. В. ИЗМАЙЛОВУ.

1.

Царское Село. 6 сент. 1822.

Любезный и почтенный Владиміръ Васильевичь! Сердечно благодарю васъ и за воспоминаніе и за довѣренность. Я писалъ къ князю И. Л. Шаховскому и просилъ его убѣдительно; что̀ получу въ отвѣтъ, о томъ васъ немедленно увѣдомлю. Грустно мнѣ слышась о буряхъ вашей жизни и о дѣйствіи ихъ на вашу душу. Дай Богъ вамъ успокоенія и еще охоты авторской, невинной и полезной! Я старѣюсь, но съ перомъ въ рукахъ, хотя также могъ бы жаловаться на смѣшеніе пріятнаго съ непріятнымъ въ судьбѣ моей. Иду къ ночлегу жизни съ удостовѣреніемъ, что есть Богъ — и довольно! Мысленно васъ обнимаю и желаю вамъ всѣхъ утѣшеній, свойственныхъ душамъ добрымъ. Навсегда вамъ преданный Н. Карамзинъ.

2.

Царское Село, 21 окт. 1823.

Любезный и почтенный Владиміръ Васильевичь! Съ истиннымъ, сердечнымъ удовольствіемъ исполнилъ я вашу волю, написалъ и прилагаю письмо къ князю Шаховскому, съ убѣдительною просьбою о принятіи вашего любезнаго воспитанника въ его корпусъ; если возможно, то онъ сдѣлаетъ, какъ надѣюсь. Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены въ моей искренней къ вамъ привязанности.—Какъ вы поживаете? Книги и перо служатъ ли вамъ утѣшеніемъ въ житейскихъ заботахъ и горестяхъ? Я чуть было не убрался отъ суетъ земныхъ на тотъ свѣтъ; но Богъ еще оставилъ меня здѣсь для жены и дѣтей. Катерина Андр. благодаритъ васъ за доброе объ ней воспоминаніе и вмѣстѣ со мною желаетъ вамъ здоровья и спокойствія. Мысленно васъ обнимаю. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Адресъ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Владиміру Васильевичу Измаилову, въ Вереѣ Московской губерніи.

(*Печатается съ подлинниковъ, сообщенныхъ И. Г. Кичеевымъ*).

ИЗЪ БУМАГЪ Н. И. ГРЕЧА.

1. Письмо А. С. Стурдзы.

Милостивый государь мой Николай Ивановичь. Графъ Иванъ Антоновичь, погостивъ сутки въ сельскомъ моемъ пріютѣ, на второй уже станціи отъ Устья встрѣтилъ давно ожидаемыхъ изъ Бессарабіи студентовъ, коимъ поручено практически выучиться методѣ взаимнаго обученія, для введенія оной въ употребленіе между Молдавскими моими единоземцами. Дорожа временемъ и поспѣшая къ цѣли своего путешествія, графъ Каподистрія не успѣлъ снабдить ихъ письмомъ къ вамъ, милостивый государь мой, но сію пріятную обязанность возложилъ на меня, зная, что я выполню порученіе его съ особеннымъ удовольствіемъ.

Его сіят-во проситъ васъ убѣдительно быть руководителемъ сихъ молодыхъ людей, подающихъ лучшую надежду. Содержаніе ихъ обезпечено на нѣсколько мѣсяцовъ. Ревность ихъ

примѣрна. Ваши указанія и совѣты, при содѣйствіи г. Марцеллы, конечно увѣнчаютъ желаннымъ успѣхомъ благотворныя намѣренія Государя Императора. Я съ моей стороны, познавъ опытами пользу методы взаимнаго обученія, душевно радуюсь прибытію въ Петербургъ И. Гинкуло, Куницкаго и Бобейко, безъ котораго вещественная часть предпріятія, уже довершенная, была бы безплодною для Бессарабской Области. Остается мнѣ только предложить вамъ вопросъ: не нужно ли, въ дополненіе Молдавскаго перевода, присовокупить еще таблицы для чтенія, изданныя министерствомъ просвѣщенія народнаго? Ибо Ланкастерскую методу, подобно книгопечатанію и многимъ другимъ изобрѣтеніямъ отважныхъ Іафетовыхъ сыновъ (audax Japeti genus) можно назвать мечемъ обоюдуострымъ: спасительнымъ въ рукахъ благочестія, но опаснымъ и пагубнымъ, когда владѣетъ имъ духъ киченія и безвѣрія, столь непреоборимо распространяющійся въ смутныя времена наши. И потому люди, получившіе духовное образованіе и готовящіеся ко вступленію въ духовный санъ, болѣе другихъ кажутся мнѣ способными къ безвредному насажденію методы сей въ народѣ, уцѣлѣвшемъ отъ варварства подъ щитомъ святой нашей церкви.

Съ душевнымъ почтеніемъ, имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга,

Александръ Стурдза.

Село Устье
іюня 26 дня
1820.

Въ 1817 году Н. И. Гречъ занимался въ Парижѣ изученіемъ возникшей въ это время Ланкастерской методы обученія. Въ 1818 составилъ онъ таблицы и руководства, въ 1819 г. учредилъ классы взаимнаго обученія въ Петерб. и Гатчинскомъ Воспитательныхъ домахъ и въ училищахъ для солдатскихъ дочерей гвардейскихъ полковъ, учредилъ также училище взаимнаго обученія для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса. *Евг. Гр.*

II. Письмо А. С. Пушкина.

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе — доставьте письмо здѣсь прилагаемое брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С.О. мое посланіе къ Ч—у; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, оно прямо Русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано *Глупца Философа*; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ Американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на щетъ моего-же письма—видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать — да они и въ усъ не дуютъ. Чтобъ это значило? Если просто забвеніе — то я имъ не пѣняю: забвенье — естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ Эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письмы (*sic*) ихъ мнѣ не нужны — такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ Отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать; хотите ли вы у меня купить весь кусокъ

поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною — 4 стопы, разрѣзано на 2 пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale, *Пушкинъ*.

21 сентября
1821
Кишеневъ.

III. Поздравленіе Н. И. Греча въ день его именинъ.

6 декабря 1827.

Прошло ужъ двадцать лѣтъ, какъ Гречь
Писать Грамматику затѣялъ;
Конецъ труду и тяжесть съ плечь!
Пусть жнетъ теперь, что́ прежде сѣялъ!

Лились чернила, лился потъ,
Теперь вино польется въ ротъ!

Явись покалъ, ты нашъ союзъ,
Склоненіе къ любви и къ славѣ,
Глаголъ сердецъ, причастье Музъ,
Знакъ удивительный въ забавѣ!

Друзья, кто хочетъ въ счастьѣ жить,
Спрягай почаще: пить, любить.

Въ отчаяньи нашъ Гречь ужъ былъ:
Грамматику чуть чуть не съѣли;
Но Царь Эгидой осѣнилъ,
И всѣ педанты присмирѣли.

И такъ молитву, сотворя,
Во первыхъ здравіе Царя!

Теперь ура, другъ Николай!
Ты нашъ жандармъ языкознанья;
Трудись, живи да поживай
Безъ всякихъ знаковъ препинанья.

Друзья! воскликнемъ наконецъ:
Ура Грамматики творецъ!

Измайловъ

IV. Письма С. Н. Глинки.

I.

20 декабря 1827 г. Москва.

Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Здѣсь повторяю тоже о вашей Грамматикѣ что̀ я сказалъ вамъ о семъ предметѣ на берегахъ Невы:

«Travailler sur une langue, c'est travailler plus qu'on ne croit sur les sentiments d'un peuple qui la parle et qui l'écrit.» [1])

Графъ *Фонтанъ* сказалъ истинну непреложную. Отъ ясности объясненія зависитъ ясность понятій и основательность въ дѣяніяхъ. Слѣдственно плоды многолѣтнихъ вашихъ трудовъ полезны въ трехъ отношеніяхъ. Они проясняютъ и выраженія и понятія и дѣйствія.

Касательно практической вашей Грамматики упомяну изреченіе *Демарсе*: «Peu de règles, beaucoup de raisonnements, encore plus de routine.» [2]) Вотъ, что̀ вы умѣли согласить: честь вамъ и слава!

Честь и слава и Ѳадею Венедиктовичу! Онъ первый подалъ примѣръ благодарности къ Русскому нашему *Вальи* и *Оливету*.

«Il voit son rival et il court l'embrasser. [3])»

Такъ бы и надлежало всѣмъ жить на поприщѣ словесности.

Я объясняюсь на первый разъ одними намеками о безсмертномъ вашемъ трудѣ. Служа въ цензурномъ комитетѣ, я закиданъ теперь рукописями. Читая оныя, часъ отъ часу болѣе убѣждаюсь въ очевидной пользѣ вашихъ трудовъ. Стыдно будетъ впредь не знать правилъ Грамматическихъ. Обозрѣвъ и сообразивъ на досугѣ всѣ подробности вашихъ произведеній, снова повторю вамъ мою признательность.

Привѣтствую васъ съ наступающими праздниками. Живите несчетные годы для пользы отечества! Надѣюсь,

---

[1]) Воздѣлывать языкъ значитъ воздѣлывать чувства того народа, который говоритъ и пишетъ на этомъ языкѣ. Это вѣрнѣе нежели обыкновенно о томъ думаютъ.

[2]) Мало правилъ, много разсужденій, еще больше навыка.

[3]) Онъ видитъ своего соперника и бѣжитъ обнять его.

что ласка ваша учинитъ меня и 1828 годъ читателемъ Сѣверной Пчелы. Душевно вамъ преданный *С. Глинка.*

2.

Почтеннѣйшему Николаю Ивановичу Гречу.

„Чѣмъ движется сей свѣтъ,
Хоть за одинъ билетъ,
Пришлите *снадобья* того.—
Семейства моего
Бытъ въ горѣ исчезаетъ,
А даромъ ничего
Оно не получаетъ."

P. S. Странное дѣло! Изъ отчетовъ Русскаго Вѣстника явствуетъ, что черезъ мои руки тысячи переходили къ бѣднякамъ. А мой молитвенный голосъ въ пустынѣ раздается. Еслибъ не жаль было юной моей хозяйки, то мнѣ преутѣшно бы было пѣть Русовскаго Лазаря на улицахъ Моссовскихъ. Ѳемистоклъ за то былъ изгнанъ изъ Аѳинъ, что, въ дни забвенія его заслугъ, посвятилъ памятникъ: «богинѣ доброй памяти.» А потому я изъ прошедшаго ничего не вызываю. А въ настоящемъ очень буду благодаренъ за всякое дружеское пособіе. Жаль юной хозяйки! А когда навѣстите ее съ Практическою Грамматикою? Tout à vous

С. Глинка.

6 іюня 1833 г.
Москва.

3.

Почтеннѣйшему Николаю Ивановичу Гречу отъ семейства С. Н. Глинки, вмѣсто хлѣба-соли при отъѣздѣ его въ Петербургъ.

Съ дорожными ты днями,
Не хочешь въ дружбѣ жить,
Но съ нашими сердцами
Умѣлъ себя сроднить.
Привѣтливостью милой
Мой небосклонъ унылой
Не разъ ты золотилъ.
Въ моей семьѣ печальной
Изъ стороны ты дальной
Радушнымъ гостемъ былъ.
И пусть же надъ тобою
Твоя звѣзда блеститъ!
Ты насъ мирилъ съ судьбою;
Пусть Богъ тебя хранитъ!

11 іюня 1833 года
Москва.

4.

Toute notre dignité consiste dans la pensée. C'est de là qu'il faut nous relever, non de l'espace. Вы, любезный Николай Ивановичъ, осуществили эту истинну *своевременнымъ* помѣщеніемъ моей статьи.

Умомъ ты и душой прелестной
Оставилъ съ нами мысль свою,
И пусть же комитетъ небесной
Еще удвоитъ жизнь твою.

Si vous serez à Paris, veuillez bien faire mes complimens au respectable Charles Nodier. Je l'estime pour son esprit, et je l'aime pour sa belle âme. La simpathie n'est pas une chimère.

Мысленно обнимаю васъ. А поэтъ-младенецъ дремлетъ. Разбудите его. Уже ли Русскій Вѣстникъ въ новой колыбели своей долженъ *мелькнуть* и *промелькнуть?* Tout à vous de coeur et d'ame Serge Glinka.

P. S. Сыновняя рука *святыя* деньги выдастъ.

24 іюля 1841 г.

V. Письмо Бестужева (Марлинскаго) къ А. М. Андрееву.

г. Дербентъ.
9 апр. 1831.

Прежде всего благодарю васъ за доставленіе Поѣздки въ Германію [4]),

[4]) Романъ, соч. Николая Ивановича Греча.

почтеннѣйшій Ардаліонъ Михайловичь: она заставила меня смѣяться и плакать—двѣ вещи очень рѣдкія для моего изношеннаго сердца. Въ толпѣ лицъ, авторомъ описанныхъ, я встрѣтилъ и знакомцевъ; вообще простота, равно какъ истинна описаній и чувствъ, плѣнительна. Это не мой родъ, но я тѣмъ не менѣе чувствую его красоты. Изъ приложенной записки знакомой руки я впервыя получилъ дѣльное наставленіе на щетъ сочиненій моихъ: мнѣ необходимо руководство, вопервыхъ потому, что я не имѣю, благодаря Бога, слѣпой самонадѣянности, а во вторыхъ потому, что въ теченіи слишкомъ 5 лѣтъ не живу на свѣтѣ, не только въ свѣтѣ. И вотъ почему мнѣ хотѣлось бы, чтобъ г-да издатели сказали мнѣ: «намъ нужны вотъ какія статьи — публика любитъ то и то.» Мнѣ даже совѣстно, что вы взяли съ Николая Ивановича дорого за Наѣзды: какъ журналисту ему можно бы уступить и дешевле, а какъ учителю моему это было бы и должно. Онъ, такъ сказать, выносилъ меня подъ мышкой изъ яица; первый ободрилъ меня и первый оцѣнилъ. Ему обязанъ я грамматическимъ знаніемъ языка, и если рѣже прежняго ошибаюсь въ ятяхъ—тому виной опять онъ же. Нравственнымъ образомъ одолженъ я имъ неоплатно, за прежнюю пріязнь и добрые совѣты; онъ прибавляетъ теперь къ этому капиталу еще болѣе, великодушно вызываясь на всѣ хлопоты по изданію романа (если я напишу его) и отворяя двери въ свой журналъ для скитающихся статей моихъ. Засвидѣтельствуйте ему полную за то благодарность—я должникъ его по сердцу и по перу. Охотно пополню недостатокъ до 10 листовъ при первомъ досугѣ. Продолженіе Вечера на Кавк. водахъ еще не писалъ, но теперь же примусь. На щетъ блестокъ, замѣчаніе весьма справедливое — но это въ моей природѣ: кто знаетъ мой обыкновенный разговоръ, тотъ вспомнитъ, что я невольно говорю фигурами, сравненіями, и мои выходки Николай Ивановичь не даромъ назвалъ Б-ми каплями [5]). Впрочемъ иное дѣло повѣсть, иное романъ. Мнѣ кажется, краткость первой, не давая мѣста развернуться описаніямъ, завязкѣ и страстямъ, должна вцѣпляться въ память остротами. Если бы улыбаетесь читая ее, я доволенъ, если смѣетесь—вдвое. Въ романѣ можно быть безъ курбетовъ и прыжковъ: въ немъ занимательность послѣдовательная изъ характеровъ, изъ положеній; дай Богъ, чтобы мой Сивка-бурка не зашалился и тамъ. Это однакожь еще будущее.

Уполномочиваю васъ охотно въ полученіи денегъ по сотрудничеству, ибо матушка моя недолго живетъ въ Петербургѣ. Я получилъ за полгода 1830-го и полгода 1831 г. 800 р. ассигнаціями. Но, можетъ быть, сестра моя получила что нибудь послѣ, и потому вы возмете на себя сей трудъ съ 1-го Іюня, узнавъ сколько уплачено, и сколько осталось до 1-го Іюля (начало моего чернильнаго года) уплатить.—Снова прося засвидѣтельствовать уваженіе и признательность мою Николаю Ивановичу, равно какъ всему его семейству, съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть вамъ покорный, *Александръ Бестужевъ.*

(Письма эти печатаются съ дозволенія Евгеніи Ивановны Гречь, вдовы Н. И. Греча).

---

[5]) Бестужевскими каплями.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія. 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.

III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева).

IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.

V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.

VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова*.

VII. Изъ Записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

VIII. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).

IX. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*.

X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Орловымъ.

XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешихинымъ*. 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Кудриловѣ. 6) О баронѣ фонъ Герштorфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8 О Гастѣ и Цукербекерѣ.

XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.

XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ*.

XIV. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова*.

XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.

Получать можно въ Чертковской библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 г.—10 р. и съ пересылкою.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
и
ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка** 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ: первая по 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.; вторая по 3 р. 50 к., съ перес. 4 рубля.

☞ Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р.; а также и тѣ, кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ** или **Осмнадцатый Вѣкъ**, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ **Русскій Архивъ** прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р.; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к.; *въ Англію* **9** р.; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**